Даниель Дефо

Робинзон Крузо

Жизнь и удивительные приключения

#эксмодетство

Робинзон Крузо. Жизнь и удивительные приключения

Даниэль Дефо

Аннотация
Даниель Дефо. Робинзон Крузо. Жизнь и удивительные приключения

Аннотация

Всемирно известный роман английского писателя Даниеля Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» основан на реальных биографиях сразу нескольких человек. В отличие от прототипов, главному герою книги удаётся не только физически выжить на необитаемом острове в течение 28 лет, но и пройти нравственное перерождение. Д. Дефо воспел лучшие человеческие качества – решительность, трудолюбие, находчивость, гуманизм, – и его произведение навсегда вошло в золотой фонд мировой литературы.

Классический перевод с английского М. Шишмарёвой (в сокращении). Иллюстрации В. Канивца.

Даниель Дефо
Робинзон Крузо. Жизнь и удивительные приключения

© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Я родился в 1632 году в городе Йорке в почтенной семье: мой отец приехал из Бремена[1] и поначалу обосновался в Гулле[2], затем, нажив торговлей хорошее состояние, оставил дела и

[1] Примечания: 1

Бре́мен издавна был одним из важных портовых городов северо-западной Германии. В XVII–XVIII вв. Бремен вёл оживлённую торговлю с Англией и её колониями.

[2] Примечания: 2

Гулль (или Халл) — город в Йоркшире на восточном берегу Англии. Расположенный в устье реки Хамбер, при впадении в море нескольких судоходных рек, Гулль являлся одним из портов, связывавших центральные области Англии с северными странами Европы.

переселился в Йорк[3]. Здесь он женился на моей матери, которая принадлежала к старинному роду, носившему фамилию Робинзон. Мне дали имя Робинзон, отцовскую же фамилию Крейцнер англичане, по обычаю своему коверкать иностранные слова, переделали в Крузо. Со временем мы и сами стали называть себя и подписываться Крузо.

Отец мой, находясь уже в преклонном возрасте, позаботился, чтобы я получил вполне сносное образование. Он прочил меня в юристы, но я мечтал о морских путешествиях и слышать не хотел ни о чём другом. Эта страсть моя к морю оказалась столь сильна, что я пошёл против воли отца, — более того, против его запретов, — и пренебрёг уговорами и мольбами матери и друзей.

Отец мой, человек степенный и умный, догадываясь о моих намерениях, предостерёг меня серьёзно и основательно. Прикованный подагрой к постели, он позвал меня однажды утром в свою комнату и с жаром принялся увещевать. Какие другие причины, спросил он, кроме склонности к бродяжничеству, могут быть у меня для того,

---

[3] Примечания: 3

Йорк — древний город северной Англии, давший имя одному из самых обширных графств королевства, Йоркширу, также являлся весьма важным торговым центром.

чтобы покинуть отчий дом и родную страну, где мне легко выйти в люди, где я могу прилежанием и трудом увеличить свой достаток и жить в довольстве и с приятностью? Отчизну покидают в погоне за приключениями, сказал он, либо те, кому нечего терять. Стоит только понаблюдать, уверял меня отец, и я пойму, что все жизненные невзгоды распределены между высшими и низшими классами и что реже всего их терпят люди умеренного достатка. Затем отец настойчиво и чрезвычайно ласково стал упрашивать меня не ребячиться, не бросаться очертя голову навстречу бедствиям, от которых сама природа и условия жизни, казалось, должны меня оградить.

Итак, он предостерёг меня от шага, который не принесёт мне ничего, кроме вреда, и, исполнив таким образом свой долг, слагает с себя всякую ответственность; словом, если я останусь дома и устрою свою жизнь согласно его указаниям, он будет мне заботливым отцом, но ни в коем случае не станет способствовать моей погибели, поощряя к отъезду.

Я видел, как в конце этой речи (она была поистине пророческой) обильные слёзы заструились по лицу старика; а когда батюшка сказал, что придёт время раскаяния, но помочь мне уже

будет некому, то от волнения голос его дрогнул, и он прошептал, что сердце его разрывается и он не может больше вымолвить ни слова.

Я был искренне растроган этой речью и твёрдо решил не думать более об отъезде в чужие края. Но увы! Через несколько дней от моей решимости не осталось и следа: короче говоря, через несколько недель после моего разговора с отцом я во избежание новых отцовских увещаний решил бежать из дому тайком. Но прошёл без малого год, прежде чем мне удалось вырваться на волю.

* * *

Однажды, когда я находился в Гулле, один мой приятель, отправлявшийся в Лондон на корабле своего отца, стал уговаривать меня ехать с ним, соблазняя, как это водится у моряков, тем, что мне ничего не будет стоить проезд. И вот, не спросившись ни у отца, ни у матери, не уведомив их ни словом и предоставив им узнать об этом как придётся, не принимая в расчёт ни обстоятельств, ни последствий, 1 сентября 1651 года я взошёл на борт корабля, отправлявшегося в Лондон. Надо полагать, никогда несчастья и беды молодых искателей приключений не начинались так рано и не продолжались так долго, как мои. Не успел

наш корабль выйти из устья Хамбера, как подул ветер, вздымая огромные, страшные волны. До тех пор я никогда не бывал в море и не могу описать, как худо пришлось моему бедному телу и как содрогалась от страха моя душа. И только тогда я всерьёз задумался о том, что я натворил, и о справедливости небесной кары, постигшей меня за то, что я так бессовестно покинул отчий дом и нарушил сыновний долг.

Между тем ветер крепчал, и на море разыгралась буря. Когда накатывалась новая волна, я ожидал, что она нас поглотит, и всякий раз, когда корабль падал вниз, в пучину или бездну морскую, я был уверен, что он уже больше не поднимется на поверхность. И в этой муке душевной я неоднократно давал себе клятвы, что, если Господу будет угодно сохранить на сей раз мне жизнь, я тотчас же вернусь домой к отцу и, покуда жив, не сяду на корабль, что я последую отцовским советам и никогда более не подвергну себя подобной опасности.

Эти трезвые и благоразумные мысли не оставляли меня, покуда длилась буря, и даже некоторое время после неё; но на другое утро ветер стал стихать, волнение поулеглось, и я начал понемногу осваиваться с морем. Как бы то ни было, весь

этот день я был настроен очень серьёзно (тем более что ещё не совсем оправился от морской болезни); но перед закатом небо прояснилось, ветер прекратился, и наступил тихий, очаровательный вечер; солнце зашло без туч и такое же ясное встало на другой день, и гладь морская при полном или почти полном безветрии, вся облитая его сиянием, представляла восхитительную картину, какой я никогда ещё не видывал.

Ночью я отлично выспался, от моей морской болезни не осталось и следа. Словом, как только на море воцарилась тишь, как только вместе с бурей улеглись мои взбудораженные чувства и прошёл страх утонуть в морской пучине, так мысли мои повернули в прежнее русло, и все клятвы, которые я давал себе в часы страданий, были позабыты. Однако меня ждало ещё одно испытание.

На шестой день по выходе в море мы пришли на Ярмутский рейд[4]. Ветер после шторма был всё время неблагоприятный и слабый, так что мы двигались еле-еле. В Ярмуте мы были вынуждены бросить якорь и простояли семь или восемь дней. В течение этого времени на рейд пришло

[4] Примечания: 4

Портовый город Я́рмут расположен в устье рек Яра и Бьюра, образующем удобную стоянку для морских судов.

немалое количество судов из Ньюкасла[5].

Впрочем, мы не простояли бы долго и вошли бы в реку с приливом, если бы ветер не был так свеж, а дней через пять не покрепчал ещё больше. Однако Ярмутский рейд считается такой же хорошей стоянкой, как и гавань, а якоря и якорные канаты были у нас надёжные; поэтому наши люди ничуть не тревожились — по обычаю моряков, они делили свой досуг между отдыхом и развлечениями. Но на восьмой день утром ветер усилился и разыгрался жесточайший шторм. Растерянность и страх были теперь даже на лицах матросов. Первые минуты переполоха оглушили меня: я неподвижно лежал в своей каюте рядом со штурвалом. Мне казалось, что смертный ужас раз и навсегда миновал и что эта буря пройдёт бесследно, как и первая. Но когда сам капитан, проходя мимо, обмолвился о грозящей нам гибели, я неимоверно испугался. Я выбежал из каюты на палубу; никогда в жизни не приходилось мне видеть такой зловещей картины: на море вздымались валы вышиной с гору, и такая гора опрокидывалась на нас каждые три-четыре минуты. Когда, собравшись с духом, я оглядел-

[5] Примечания: 5

Ньюка́сл — большой старинный город северо-восточной Англии, на левом берегу реки Тайн, в девятнадцати километрах от моря.

ся вокруг, то увидел тяжкие бедствия. На двух тяжело нагруженных судах, стоявших неподалёку от нас на якоре, были обрублены все мачты. Кто-то из наших матросов крикнул, что корабль, стоявший в полумиле от нас впереди, пошёл ко дну. Ещё два судна сорвало с якорей и унесло в открытое море на произвол судьбы, ибо ни на том, ни на другом не оставалось ни одной мачты. Мелкие суда держались лучше других — им было легче маневрировать; но два или три из них тоже унесло в море, и они промчались мимо нас, убрав все паруса, кроме одного кормового кливера.

Буря продолжала свирепствовать с такой силой, что, по признанию самих моряков, им никогда не случалось видеть подобной. Судно у нас было крепкое, но от тяжёлого груза глубоко сидело в воде, и его так качало, что на палубе поминутно слышалось: «Кренит! Дело — табак!» В довершение ко всему вдруг среди ночи один из матросов, спустившись в трюм, закричал, что судно дало течь; другой посланный донёс, что вода поднялась уже на четыре фута. Тогда раздалась команда: «Все к насосам!» Когда я услыхал эти слова, у меня замерло сердце, и я упал навзничь на койку, где я сидел. Но матросы растолкали меня, заявив, что если до сих пор я

был бесполезен, то теперь могу работать, как и всякий другой. Тогда я встал, подошёл к насосу и усердно принялся качать. В это время несколько мелких судов, гружённых углем, будучи не в состоянии выстоять против ветра, снялись с якоря и вышли в море. Когда они проходили мимо, наш капитан приказал подать сигнал бедствия, то есть выстрелить из пушки.

Работа шла полным ходом, но вода в трюме поднималась всё выше. Было очевидно, что корабль затонет, и хотя буря начинала понемногу стихать, однако нечего было и надеяться, что он сможет продержаться на воде, покуда мы войдём в гавань, и капитан продолжал палить из пушек, взывая о помощи. Наконец одно лёгкое судёнышко, стоявшее впереди нас, отважилось спустить шлюпку. Подвергаясь немалой опасности, шлюпка приблизилась к нам, но ни мы не могли добраться до неё, ни шлюпка не могла причалить к нашему кораблю, хотя люди гребли изо всех сил, рискуя своей жизнью ради спасения нашей. Наконец наши матросы бросили им с кормы канат. После долгих и тщетных усилий гребцам удалось поймать конец каната; мы притянули их под корму и все до одного спустились в шлюпку. О том, чтобы добраться до их судна,

нечего было и думать; поэтому мы единодушно решили грести по ветру, стараясь только держать по возможности к берегу. Наш капитан пообещал чужим матросам, что в случае, если лодка разобьётся о берег, он заплатит за неё хозяину. И вот, частью на вёслах, частью подгоняемые ветром, мы направились к северу в сторону Уинтертон-Несса, постепенно приближаясь к земле.

Не прошло и четверти часа с той минуты, когда мы отчалили от корабля, как он стал погружаться на наших глазах. И тут-то впервые я понял, что значит «дело — табак».

Покуда люди изо всех сил налегали на вёсла, чтобы направить лодку к берегу, мы могли видеть, что там собралась большая толпа: все суетились и бегали, готовясь подать нам помощь, когда мы подойдём ближе. Но мы двигались очень медленно. Наконец мы пристали и, с великим трудом, но всё-таки благополучно выбравшись на сушу, пошли пешком в Ярмут, где нас как потерпевших крушение встретили с большим участием: городской магистрат отвёл нам хорошие помещения, а местные купцы и судохозяева снабдили нас деньгами в достаточном количестве, чтобы добраться по нашему выбору либо до Лондона, либо до Гулля.

Почему мне не пришло тогда в голову вернуться в Гулль, в родительский дом?! Как бы я был счастлив! Но моя злая судьба толкала меня всё на тот же гибельный путь с упорством, которому невозможно было противиться.

Сын нашего судохозяина, мой приятель, помогший мне укрепиться в пагубном решении, присмирел теперь больше меня; в первый раз, как он заговорил со мной в Ярмуте, я заметил, что тон его изменился. С унылым видом он покачал головой и спросил, как я себя чувствую. Объяснив своему отцу, кто я такой, он рассказал, что я предпринял эту поездку в виде опыта, в будущем же намереваюсь объездить весь свет. Тогда его отец, обратившись ко мне, произнёс серьёзно и озабоченно:

— Молодой человек! Вам больше никогда не следует пускаться в море: случившееся с нами вы должны принять за явное и несомненное знамение, что вам не суждено быть мореплавателем. Ах, молодой человек! — сказал он. — Если вы не вернётесь домой, то, верьте мне, повсюду, куда бы вы ни отправились, вас будут преследовать только несчастия и неудачи, пока не сбудутся слова вашего отца.

Вскоре после того мы расстались, и больше

я его не видел. У меня было немного денег, и я отправился в Лондон по суше. И в Лондоне, и по пути туда мне не раз приходилось выдерживать борьбу с собой относительно того, какой род жизни мне избрать и воротиться ли домой или снова отправиться в плавание. Но стыд заглушал самые веские доводы моего разума: мне представлялось, как надо мной будут смеяться соседи и как мне будет стыдно взглянуть не только на отца и на мать, но и на всех наших знакомых. Довольно долго я пребывал в нерешительности, но воспоминание о перенесённых бедствиях мало-помалу изглаживалось из моей памяти; вместе с ним ослабевал и без того слабый голос рассудка, побуждавший меня вернуться к отцу, и кончилось тем, что я отбросил мысли о возвращении и стал мечтать о новом путешествии.

* * *

Та самая злая сила, которая побудила меня бежать из родительского дома, которая заставила оставаться глухим ко всем добрым советам, к увещаниям и даже к запрету отца, та самая сила толкнула меня на несчастнейшее предприятие, какое только можно вообразить: я сел на корабль, отправлявшийся к берегам Африки.

В Лондоне мне посчастливилось сразу же попасть в хорошую компанию, что не часто случается с такими распущенными, сбившимися с пути юнцами, каким я был тогда. Я познакомился с одним капитаном, который незадолго перед тем ходил к берегам Гвинеи, и так как этот рейс был для него очень удачен, он решил ещё раз отправиться туда. Ему полюбилось моё общество, и, узнав, что я мечтаю повидать свет, предложил мне ехать с ним, сказав, что мне это ничего не будет стоить, что я буду его сотрапезником и другом. Если же у меня есть возможность взять с собою в Гвинею товары, то мне, может быть, повезёт и я получу целиком всю вырученную от торговли прибыль.

Я принял предложение; завязав самые дружеские отношения с этим капитаном, человеком честным и прямодушным, я отправился с ним в путь, захватив с собой небольшой груз, на котором благодаря полной бескорыстности моего друга-капитана сделал весьма выгодный оборот; по его указаниям я закупил на сорок фунтов стерлингов различных побрякушек и безделок. Эти сорок фунтов я собрал с помощью моих родственников, с которыми был в переписке и которые, как я полагаю, убедили моего отца или, вернее,

мать помочь мне хоть небольшой суммой в этом первом моём предприятии.

Это путешествие было, можно сказать, единственным удачным из всех моих похождений, чем я обязан бескорыстию моего друга-капитана, под руководством которого я, кроме того, приобрёл изрядные сведения в математике и навигации, научился вести корабельный журнал, делать наблюдения и вообще узнал много такого, что необходимо знать моряку. Ему доставляло удовольствие заниматься со мной, а мне — учиться. Одним словом, в этом путешествии я сделался моряком и купцом: я выручил за свой товар пять фунтов девять унций золотого песку, за который по возвращении в Лондон получил без малого триста фунтов стерлингов. Эта удача преисполнила меня честолюбивыми мечтами, впоследствии довершившими мою гибель.

Но даже и в этом путешествии мне пришлось претерпеть немало невзгод, и, главное, я всё время прохворал, схватив сильнейшую тропическую лихорадку.

Итак, я сделался купцом и вёл торговлю с Гвинеей. На моё несчастье, мой друг-капитан вскоре по прибытии на родину умер, и я решил снова съездить в Гвинею самостоятельно. Я отплыл из Англии на том же самом корабле, командование которым перешло теперь к помощнику умершего

капитана. Это было самое злополучное путешествие, когда-либо выпадавшее на долю человека.

Началось с того, что однажды, на рассвете, наше судно, державшее курс на Канарские острова или, вернее, между Канарскими островами и Африканским материком, было застигнуто врасплох турецким пиратом, который погнался за нами на всех парусах. Мы тоже подняли все паруса, но, видя, что пират нас настигает и неминуемо догонит через несколько часов, мы приготовились к бою (у нас было двенадцать пушек, а у него восемнадцать). Около трёх пополудни он нас нагнал и подошёл с борта. Мы навели на пиратское судно восемь пушек и дали по нему залп; тогда оно отошло, предварительно ответив на наш огонь не только пушечным, но и ружейным залпом из двух сотен ружей, так как на этом судне было человек двести. Впрочем, у нас никто не пострадал: все наши люди держались дружно. Затем пират приготовился к новому нападению, а мы — к новой обороне. Подойдя на этот раз с другого борта, он взял нас на абордаж: человек шестьдесят ворвалось к нам на палубу и первым делом бросились рубить снасти. Мы встретили их ружейной пальбой, забросали дротиками, подожжёнными ящиками с порохом и дважды изгоняли их с нашей палубы. Тем не менее корабль наш был приведён в негодность,

трое наших людей было убито, а восемь ранено, и в конце концов мы вынуждены были сдаться, и нас отвезли в качестве пленников в Сале, морской порт, принадлежащий маврам.

Участь моя оказалась менее ужасной, чем я ожидал поначалу. Меня не увели, как остальных, в глубь страны, ко двору султана[6]: капитан разбойничьего корабля удержал меня в качестве невольника, так как я был молод, проворен и мог ему пригодиться. Этот разительный поворот судьбы, превративший меня из купца в жалкого раба, был совершенно ошеломителен; тут-то мне вспомнились пророческие слова моего отца. Но увы! То была лишь бледная тень тяжёлых испытаний, через которые мне предстояло пройти.

Так как мой новый хозяин, или, точнее, господин, взял меня к себе в дом, то я надеялся, что он захватит с собой меня и в следующее плавание. Я был уверен, что рано или поздно его настигнет какой-нибудь испанский или португальский корабль, и тогда мне будет возвращена свобода. Но надежда моя скоро рассеялась, ибо, выйдя в море, он оставил меня присматривать за его садиком и исполнять всю чёрную работу; по возвращении

[6] Примечания: 6

В XVII в. в Марокко правила династия мусульманских султанов Саадинов; резиденцией их был город Мекнес.

же из похода он приказал мне жить в каюте и присматривать за судном.

С того дня я ни о чём не думал, кроме побега, но у меня не было и тени надежды на его осуществление.

По прошествии двух лет представился необыкновенный случай, ожививший в моей душе давнишнюю мысль о побеге. Как-то мой хозяин дольше обыкновенного находился дома и не готовил свой корабль к отплытию. Постоянно, раз или два в неделю, а в хорошую погоду и чаще, он выходил на корабельном полубаркасе на взморье ловить рыбу. В каждую такую поездку он брал гребцами меня и молоденького мавра. А так как я к тому же оказался весьма искусным рыболовом, то иногда он посылал за рыбой меня с мальчиком под присмотром одного взрослого мавра по имени Мали, своего родственника.

Однажды мы вышли на ловлю в тихое, ясное утро, но, проплыв мили полторы, очутились в таком густом тумане, что потеряли из виду берег и стали грести наугад. Проработав вёслами весь день и всю ночь, мы с наступлением утра увидели кругом открытое море, ибо вместо того, чтобы держаться ближе к берегу, мы отошли от него по меньшей мере на шесть миль. В конце концов

мы с огромным трудом и не без риска добрались домой, изнемогали от голода.

Наученный этим приключением, мой хозяин решил впредь быть осмотрительнее и объявил, что больше никогда не выедет на рыбную ловлю без компаса и без запаса провизии. После захвата нашего английского корабля он оставил себе баркас и теперь приказал своему корабельному плотнику построить на этом баркасе в средней его части небольшую рубку, или каютку, как на барже. Позади неё хозяин велел оставить место для одного человека, который будет править рулём и управлять гротом, а впереди — для двоих, чтобы крепить и убирать остальные паруса. Каютка получилась низенькая, очень уютная и настолько просторная, что в ней можно было спать троим и поместить стол и шкафчики для хранения хлеба, риса, кофе и бутылок с напитками.

Мы часто ходили за рыбой на этом баркасе. Однажды хозяин задумал выйти в море с двумя-тремя маврами, надо полагать, важными персонами, для которых он особенно постарался, заготовив провизии больше обычного и ещё с вечера отослав её на баркас. Кроме того, он приказал мне взять у него на судне три ружья

с необходимым количеством пороха и зарядов, так как, помимо ловли рыбы, им хотелось ещё поохотиться на птиц.

Я сделал всё, как он велел, и на другой день с утра ждал его на баркасе, чисто вымытом и совершенно готовом к приёму гостей, с поднятыми вымпелами и флагом. Однако хозяин пришёл один и сказал, что его гости отложили поездку из-за какого-то непредвиденного дела. Затем он приказал нам троим — мне, мальчику и мавру — идти, как всегда, на взморье за рыбой, так как его друзья будут у него ужинать.

Вот тут-то у меня опять блеснула моя давнишняя мысль о побеге. Теперь в моём распоряжении было маленькое судно, и, как только хозяин ушёл, я стал готовиться, но не для рыбной ловли, а в дальнюю дорогу, хотя не только не знал, но даже и не думал о том, куда я направлю свой путь: всякая дорога была для меня хороша, лишь бы уйти из неволи.

* * *

Первым моим ухищрением было внушить мавру, что нам необходимо запастись едой, так как нам не пристало пользоваться припасами для хозяйских гостей. Он согласился и притащил на

баркас большую корзину с сухарями и три кувшина пресной воды. Я знал, где стоит у хозяина ящик с винами, и покуда мавр был на берегу, я переправил все бутылки на баркас и поставил в шкафчик, как будто они были ещё раньше приготовлены для хозяина. Кроме того, я принёс большой кусок воску, фунтов в пятьдесят весом, да прихватил моток бечёвки, топор, пилу и молоток. Я пустил в ход ещё и другую хитрость, на которую мавр тоже попался по простоте своей души:

— Мали, у нас на баркасе есть хозяйские ружья. Что, если б ты добыл немножко пороху и дроби? Может быть, нам удалось бы подстрелить себе на обед несколько птиц. Хозяин держит порох и дробь на корабле, я знаю.

— Хорошо, я принесу, — сказал он и притащил большой кожаный мешок с порохом да другой с дробью. Он захватил также и пули. Всё это мы сложили в баркас. Кроме того, в хозяйской каюте нашлось ещё немного пороху. Таким образом, мы запаслись всем необходимым для путешествия и вышли из гавани на рыбную ловлю. Ветер был северо-северо-восточный, что не отвечало моим планам, потому что, дуй он с юга, я мог бы наверняка доплыть до испанских берегов; но откуда бы он ни дул, я твёрдо решил одно: убраться

подальше от этого ужасного места, а потом будь что будет.

Поудив некоторое время и ничего не поймав — я нарочно не вытаскивал удочки, когда у меня рыба клевала, чтобы мавр ничего не видел, — я сказал:

— Тут у нас дело не пойдёт; хозяин не поблагодарит нас за такой улов. Надо отойти подальше.

Не подозревая подвоха, мавр согласился и поставил паруса. Я сел на руль и, когда баркас отошёл ещё мили на три в открытое море, лёг в дрейф как будто затем, чтобы приступить к рыбной ловле. Затем, передав мальчику руль, я подошёл к мавру сзади, нагнулся, словно рассматривая что-то под ногами, вдруг обхватил его, поднял и швырнул за борт. Мавр мгновенно вынырнул, ибо плавал как пробка, и стал умолять, чтобы я взял его на баркас, клянясь, что поедет со мной хоть на край света. Он плыл так быстро, что догнал бы лодку очень скоро, тем более что ветра почти не было. Тогда я бросился в каюту, схватил охотничье ружьё и, направив на него дуло, крикнул, что не желаю ему зла и не сделаю ему ничего дурного, если он оставит меня в покое.

— Ты хорошо плаваешь, — продолжал я, — на море тихо, и тебе ничего не стоит доплыть до

берега; я тебя не трону; но только попробуй подплыть близко к баркасу, и я мигом прострелю тебе череп, потому что твёрдо решился вернуть себе свободу.

Тогда он повернул к берегу и, несомненно, доплыл до него без особого труда.

Конечно, я мог бы бросить в море мальчика, а мавра взять с собою, но довериться ему было бы опасно. Когда он отплыл достаточно далеко, я повернулся к мальчику:

— Ксури! Если ты будешь мне верен, я сделаю тебя большим человеком, но если ты не поклянёшься в том, что не изменишь мне, я и тебя брошу в море.

Мальчик улыбнулся, глядя мне прямо в глаза, и отвечал так чистосердечно, что я не мог не поверить ему. Он поклялся, что будет мне верен и поедет со мной на край света.

Пока плывущий мавр не скрылся из вида, я держал прямо в открытое море, лавируя против ветра. Я делал это нарочно, чтобы показать, будто мы идём к Гибралтарскому проливу. Но как только стало смеркаться, я изменил курс и стал править на юг, уклоняясь слегка к востоку, чтобы не слишком удаляться от берегов. Благодаря довольно свежему ветерку и спокойствию

на море мы шли таким хорошим ходом, что на другой день в три часа пополудни, когда впереди в первый раз показалась земля, мы оказались далеко за пределами владений марокканского султана. Но я набрался такого страху у мавров и так боялся снова попасть им в руки, что, пользуясь благоприятным ветром, целых пять дней плыл, не останавливаясь, не приставая к берегу и не бросая якоря. Через пять дней ветер переменился на южный, и я решился подойти к берегу и стал на якорь в устье какой-то маленькой речки. Какая это была речка и где она протекала, я не имел понятия. Я не видал людей на берегу, да и не стремился увидеть; главное для меня было — запастись пресной водой. Мы вошли в эту речку под вечер и решили, когда стемнеет, добраться вплавь до берега и осмотреть местность.

Часа через два-три мы увидали огромных животных; они подходили к самому берегу, бросались в воду, плескались и барахтались, очевидно, чтобы освежиться, и при этом отвратительно визжали, ревели и выли; я в жизни не слыхал ничего подобного.

Ксури был страшно напуган, да, правду сказать, и я тоже. Но ещё больше мы испугались, когда услыхали, что одно из этих страшилищ плывёт к нашему баркасу; мы не видели его, но по тому, как оно отдувалось и фыркало, могли заключить, что это было свирепое животное чудовищных размеров. Ксури решил, что это лев, и крикнул, что надо поднять якорь и уйти отсюда.

— Нет, Ксури, — отвечал я, — незачем подымать якорь; мы только вытравим канат подлиннее и выйдем в море; туда они за нами не погонятся. — Но не успел я это сказать, как увидал неизвестного зверя на расстоянии каких-нибудь двух вёсел от баркаса. Признаюсь, я немного оторопел, однако сейчас же схватил в каюте ружьё и выстрелил, животное повернуло назад и поплыло к берегу.

Невозможно описать, что за адский рёв и завывания поднялись на берегу и в глубине материка, когда раздался мой выстрел. Я окончательно убедился, что нам и думать нечего о высадке на берег

ночью, но вряд ли возможно будет высадиться и днём: попасть в руки какого-нибудь дикаря не лучше, чем оказаться в когтях льва или тигра.

Тем не менее здесь или в другом месте, но нам необходимо было сойти на берег, ибо у нас не оставалось ни пинты воды. Ксури объявил, что, если я его пущу на берег с кувшином, он постарается разыскать и принести пресную воду. А когда я спросил его, отчего же идти ему, а не мне, и отчего ему не остаться в лодке, в ответе мальчика было столько глубокого чувства, что он подкупил меня навеки.

— Коли там дикие люди, — сказал он, — они меня скушать, а ты уплывать.

— Тогда вот что, Ксури, — сказал я, — отправимся вместе, а если там дикие люди, мы убьём их, и они не съедят ни тебя, ни меня.

Я дал мальчику поесть сухарей и выпить глоток вина из хозяйского запаса; затем мы подтянулись поближе к земле и, соскочив в воду, направились к берегу вброд, не взяв с собой ничего, кроме оружия да двух кувшинов для воды.

Я не хотел удаляться от берега, чтоб не терять из виду баркаса, опасаясь, как бы вниз по реке к нам не спустились дикари в своих пирогах; но Ксури, заметив низинку на расстоянии прибли-

зительно одной мили от берега, зашагал туда с кувшином. Вскоре я увидел, что он бежит назад, а потом заметил, что на плечах у него что-то лежит. Оказалось, он убил какого-то зверька вроде нашего зайца. Мы оба радовались такой удаче: мясо убитого животного оказалось очень вкусным; но ещё больше я обрадовался, услышав от Ксури, что он нашёл хорошую пресную воду и не встретил диких людей.

Наполнив кувшины, мы устроили пиршество из убитого зайца и приготовились продолжать путь, так и не обнаружив в этой местности никаких следов человека.

Я надеялся, что если я буду держаться вдоль берега, покамест не дойду до той части страны, где англичане ведут береговую торговлю, то я, по всей вероятности, встречу какое-нибудь английское купеческое судно, совершающее свой обычный рейс, и оно нас подберёт.

Два раза в дневную пору мне казалось, что я вижу вдали Тенерифский пик — высочайшую вершину горы Тенериф, что на Канарских островах. Я даже пробовал сворачивать в море в надежде добраться туда, но оба раза противный ветер и сильное волнение, опасное для моего утлого судёнышка, принуждали меня повернуть

назад, так что в конце концов я решил не отступать более от моего первоначального плана и держаться вдоль берегов.

Ещё дней десять-двенадцать мы продолжали держать курс на юг, стараясь как можно экономнее расходовать наши запасы, начинавшие быстро таять, и сходили на берег только за пресной водой. Я хотел дойти до устьев Гамбии или Сенегала, иначе говоря, приблизиться к Зелёному Мысу, где надеялся встретить какое-нибудь европейское судно: я знал, что, если этого не случится, мне останется либо блуждать в поисках островов, либо погибнуть здесь.

Итак, ещё дней десять я продолжал стремиться к этой единственной цели. Постепенно я стал замечать, что побережье обитаемо; в двух-трёх местах, проплывая мимо, мы видели на берегу людей, которые глазели на нас. Мы могли также различить, что они были чёрные, как смола, и совсем голые. Один раз я хотел было сойти к ним на берег, но Ксури, мой мудрый советчик, сказал: «Не ходи, не ходи». Тем не менее я стал держать ближе к берегу, чтобы можно было вступить с ними в разговор. Они, должно быть, поняли моё намерение и долго бежали вдоль берега за нашим баркасом. Я заметил, что они не были

вооружены, кроме одного, державшего в руке длинную тонкую палку. Ксури сказал мне, что это копьё и что дикари мечут копья очень далеко и замечательно метко; поэтому я держался в некотором отдалении от них и, как умел, объяснялся с ними знаками, стараясь главным образом дать им понять, что мы нуждаемся в пище. Они знаками показали мне, чтобы я остановил лодку и что они принесут нам мяса. Как только я спустил парус и лёг в дрейф, двое чернокожих побежали куда-то и через полчаса или того меньше принесли два куска вяленого мяса и немного зерна какого-то местного злака. Мы не знали, что это было за мясо и что за зерно, однако изъявили полную готовность принять и то и другое. Но тут мы стали в тупик: как получить всё это? Мы не решались сойти на берег, боясь дикарей, а они, в свою очередь, боялись нас нисколько не меньше. Наконец они придумали выход из этого затруднения: сложив на берегу зерно и мясо, они отошли подальше и стояли неподвижно, пока мы не переправили всё это на баркас, а затем воротились на прежнее место.

Мы благодарили их знаками, потому что больше нам было нечем отблагодарить. Но в ту же минуту нам представился случай оказать им большую услугу. Мы ещё стояли у берега, как вдруг со стороны гор выбежали два огромных зверя и бросились к морю. Один из них, как нам казалось, гнался за другим. Только человек, державший копьё или дротик, остался на месте; остальные пустились бежать. Но звери мчались прямо к морю и не намеревались нападать на негров. Они бросились в воду и стали плавать, словно купание было единственной целью их появления. Вдруг один из них подплыл довольно

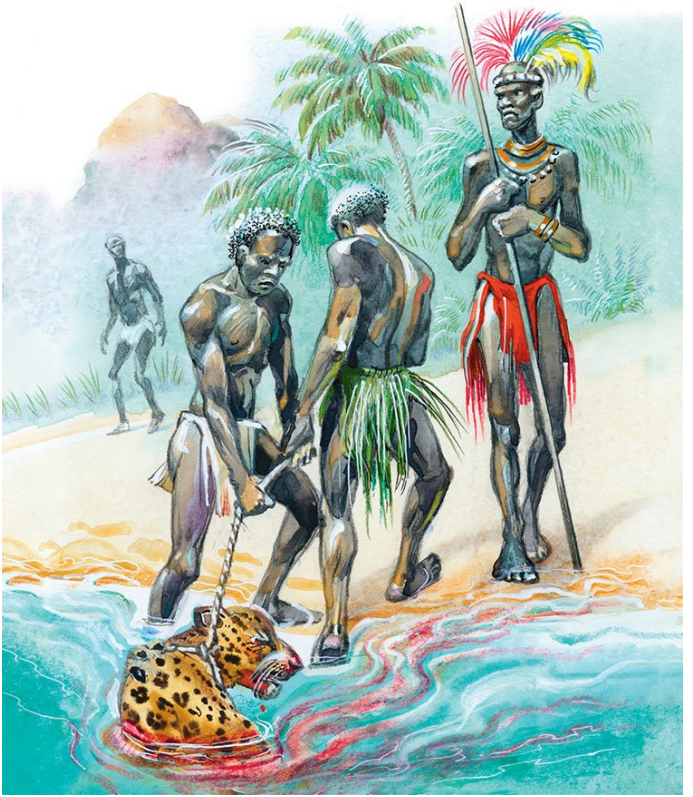
близко к баркасу. Я этого не ожидал; тем не менее, зарядив поскорее ружьё и приказав Ксури зарядить оба других, я приготовился встретить хищника. Как только он приблизился на расстояние ружейного выстрела, я спустил курок, и пуля попала ему прямо в голову.

Невозможно передать, сколь поражены были бедные дикари, когда услышали треск и увидали огонь ружейного выстрела; некоторые из них едва не умерли со страху и упали на землю. Но, видя, что зверь пошёл ко дну и что я делаю им знаки подойти ближе, они ободрились и вошли в воду, чтобы вытащить убитого зверя. Животное оказалось леопардом редкой породы с пятнистой шкурой необычайной красоты. Негры, стоя над ним, воздевали вверх руки в знак изумления; они не могли понять, чем я его убил.

Второй зверь, испуганный огнём и треском моего выстрела, выскочил на берег и убежал в горы. Между тем я понял, что неграм хочется поесть мяса убитого леопарда; я охотно оставил его им в дар и показал знаками, что они могут взять его себе. А они принесли для меня новый запас провизии, гораздо больше прежнего. Затем я знаками попросил у них воды, протянув один из наших кувшинов, я опрокинул его кверху

дном, чтобы показать, что он пуст и что его надо наполнить. Немного погодя появились две женщины с большим сосудом воды из обожжённой глины и оставили его на берегу, как и провизию. Я отправил Ксури со всеми нашими кувшинами, и он наполнил водой все три.

Запасшись таким образом водой, кореньями и зерном, я расстался с гостеприимными неграми и в течение ещё одиннадцати дней продолжал путь в прежнем направлении, не приближаясь к берегу. Наконец милях в пятнадцати впереди я увидел узкую полосу земли, далеко выступавшую в море. Погода была тихая, и я свернул в открытое море, чтобы обогнуть эту косу. В тот момент, когда мы поравнялись с её оконечностью, я ясно различил милях в двух от берега со стороны океана другую полосу земли и заключил вполне основательно, что узкая коса — Зелёный Мыс, а полоса земли — острова того же названия. Но они были очень далеко, и я не решался направиться к ним.



* * *

Вдруг я услышал крик Ксури: «Хозяин! Хозяин! Парус! Корабль!» Глупый мальчишка перепугался до смерти, вообразив, что это один из кораблей его хозяина, посланный за нами в погоню; но я знал, как далеко ушли мы от мавров, и был уверен, что нам не может угрожать эта опасность. Я выскочил из каюты и тотчас же не только увидел корабль, но даже определил, что он был португальский и направлялся, как я поначалу решил, к берегам Гвинеи. Но, присмотревшись, я убедился, что судно идёт в другом направлении и не думает сворачивать к земле. Тогда я поднял все паруса и повернул в открытое море, решившись сделать всё возможное, чтобы вступить с кораблём в переговоры.

Впрочем, я скоро убедился, что, даже идя полным ходом, мы не успеем подойти к нему близко и что оно пройдёт мимо, прежде чем мы успеем подать сигнал. Мы выбивались из сил, но, когда я уже почти отчаялся, нас, очевидно, разглядели с корабля в подзорную трубу. Корабль убавил паруса, чтобы дать нам возможность подойти. Я

воспрянул духом. У нас на баркасе был кормовой флаг с корабля нашего бывшего хозяина, и я стал махать этим флагом в знак того, что мы терпим бедствие, и выстрелил из ружья. На корабле увидели флаг и дым от выстрела; корабль лёг в дрейф, и спустя три часа мы причалили к нему.

По-португальски, по-испански и по-французски меня стали спрашивать, кто я, но ни одного из этих языков я не знал. Наконец один матрос, шотландец, заговорил со мной по-английски, и я объяснил ему, что я англичанин и убежал от мавров из Сале, где меня держали в неволе. Тогда меня и моего спутника пригласили на корабль со всем нашим грузом и приняли весьма любезно.

Легко себе представить, какой невыразимой радостью наполнило меня сознание свободы после того бедственного и почти безнадёжного положения, в котором я находился. Я немедленно предложил всё своё имущество капитану в благодарность за моё избавление, но он великодушно отказался, сказав, что ничего с меня не возьмёт и что всё будет возвращено мне в целости, как только мы придём в Бразилию.

— Спасая вам жизнь, — прибавил он, — я поступлю с вами так же, как хотел бы, чтоб поступили со мной, будь я на вашем месте. Я довезу вас

даром до Бразилии, а ваше имущество даст вам возможность прожить там и оплатить проезд на родину.

Что касается моего баркаса, то капитан сказал, что охотно купит его для своего корабля, и выдал мне письменное обязательство уплатить за него восемьдесят серебряных «восьмериков»[7] в Бразилии. Кроме того, он предложил мне шестьдесят «восьмериков» за мальчика Ксури и пообещал, что отпустит его на волю через десять лет, если он примет христианство. Да и сам Ксури выразил желание перейти к капитану.

Наш переезд до Бразилии совершился вполне благополучно, и после двадцатидвухдневного плавания мы вошли в залив Всех Святых. Итак, я ещё раз без особых потерь вышел из самого бедственного положения, в какое только может попасть человек.

Я никогда не забуду, как великодушно отнёсся ко мне капитан португальского корабля. Он ничего не взял с меня за проезд, аккуратнейшим образом возвратил мне все мои вещи и купил

---

[7] Примечания: 7

«Восьмериком» (a piece of eight) называлась испанская серебряная монета, находившаяся в широком обращении в международной торговле XVIII в. Название своё она получила оттого, что стоимость её равнялась восьми реалам (денежная единица, также употреблявшаяся в Бразилии).

всё, что мне хотелось продать, в том числе ящик с винами, два ружья и остаток воску. Словом, я выручил около двухсот «восьмериков» и с этим капиталом сошёл на берег Бразилии.

Вскоре капитан ввёл меня в дом одного своего знакомого, такого же доброго и честного человека, как он сам. Это был владелец плантации сахарного тростника и сахарного завода при ней. Я прожил у него довольно долгое время и благодаря этому познакомился с культурой сахарного тростника и с сахарным производством. Видя, как хорошо живётся плантаторам и как быстро они богатеют, я решил хлопотать о разрешении поселиться здесь окончательно, чтобы самому заняться этим делом. В то же время я старался придумать какой-нибудь способ выписать из Лондона хранившиеся у меня там деньги. Когда мне удалось получить бразильское подданство, я на все мои наличные деньги купил участок невозделанной земли и стал составлять план моей будущей плантации и усадьбы, сообразуясь с размерами той денежной суммы, которую рассчитывал получить из Англии.

Был у меня сосед, португалец из Лиссабона, по фамилии Уэллс. Он находился приблизительно в таких же условиях, как и я. Я называю его сосе-

дом, потому что его плантация прилегала к моей и мы с ним были в самых приятельских отношениях. У меня, как и у него, оборотный капитал был весьма невелик, и первые два года мы оба еле-еле могли прокормиться с наших плантаций. Но по мере того как земля возделывалась, мы богатели. Но мы оба нуждались в рабочих руках, и тут мне стало ясно, как неразумно я поступил, расставшись с мальчиком Ксури.

Но увы! Благоразумием я никогда не отличался. И теперь мне не оставалось ничего более, как продолжать в том же духе. Я навязал себе на шею дело, к которому у меня никогда не лежала душа, прямо противоположное той жизни, о какой я мечтал, ради которой я покинул родительский дом и пренебрёг отцовскими советами. Как часто теперь говорил я себе, что мог бы делать то же самое и в Англии, живя среди друзей!

Вот каким горьким размышлениям о своей судьбе предавался я в Бразилии. Кроме моего соседа-плантатора, с которым я изредка виделся, мне не с кем было перекинуться словом; все работы мне приходилось исполнять собственными руками, и я, бывало, постоянно твердил, что живу, точно на необитаемом острове, и жаловался, что кругом нет ни одной души человеческой.

Мои планы относительно сахарной плантации приняли уже некоторую определённость к тому времени, когда мой благодетель — капитан, подобравший меня в море, должен был отплыть обратно на родину. И он дал мне следующий дружеский совет:

— Сеньор, дайте мне формальную доверенность и напишите в Лондон тому лицу, у которого хранятся ваши деньги, чтобы для вас там закупили товаров, таких, какие находят сбыт в здешних краях, и переслали бы их в Лиссабон по адресу, который я вам укажу; а я, если бог даст, вернусь и доставлю вам их в целости. Но на вашем месте я взял бы на первый раз всего лишь сто фунтов стерлингов, то есть половину вашего капитала. Рискните сначала только этим.

Совет был так хорош, что мне оставалось только последовать ему. Поэтому я, не колеблясь, выдал капитану доверенность и приготовил письмо к вдове английского капитана, которой когда-то отдал на сохранение свои деньги.

Мой друг-капитан тотчас по прибытии своём в Лиссабон через английских купцов переслал в Лондон одному тамошнему купцу заказ на товары, присоединив к нему подробнейшее описание моих похождений. Лондонский купец немед-

ленно передал оба письма вдове английского капитана, и она выдала ему требуемую сумму.

Закупив на все мои сто фунтов английских товаров по указаниям моего приятеля-капитана, лондонский купец переслал их ему в Лиссабон, а тот благополучно доставил мне в Бразилию. В числе других вещей он уже по собственному почину привёз мне всевозможных земледельческих орудий, а также всякой хозяйственной утвари. Всё это были вещи, необходимые для работ на плантации, и все они очень мне пригодились.

Когда прибыл мой груз, я был вне себя от радости и считал свою будущность отныне обеспеченной. Мой добрый опекун кроме всего прочего привёз мне работника, которого нанял с обязательством прослужить мне шесть лет. Так как мои товары были английскими мануфактурными изделиями, которые особенно ценились и требовались в этой стране, то, когда всё было распродано, мой капитал учетверился. Благодаря этому я далеко опередил моего бедного соседа по разработке плантации, ибо первым делом после распродажи товаров купил невольника-негра и нанял ещё одного работника-европейца.

В следующем году я собрал пятьдесят тюков табаку сверх того количества, которое я уступил

соседям в обмен на предметы первой необходимости. Словом, дело моё разрасталось; но по мере того, как я богател, голова моя наполнялась планами и проектами, совершенно несбыточными. Мне по-прежнему суждено было самому быть виновником всех моих несчастий.

Прожив в Бразилии почти четыре года и значительно увеличив своё благосостояние, я не только изучил местный язык, но и завязал большие знакомства с моими соседями-плантаторами, а равно и с купцами из Сан-Сальвадора, ближайшего к нам портового города. Встречаясь с ними, я часто рассказывал им о двух моих поездках к берегам Гвинеи, о том, как ведётся торговля с тамошними неграми и как легко там за безделицу — за какие-нибудь бусы, игрушки, ножи, ножницы, топоры, стекляшки и тому подобные мелочи — приобрести золотой песок и слоновую кость. Мои рассказы они слушали очень внимательно.

* * *

Как-то раз трое из моих собеседников явились ко мне и объявили, что пришли ко мне с предложением снарядить корабль в Гвинею. Вопрос был в том, соглашусь ли я поступить к ним на судно в качестве судового приказчика.

Для меня помышлять о подобном путешествии было величайшим безрассудством. Но мне на роду было написано стать виновником собственной гибели. И я отвечал плантаторам, что с радостью поеду в Гвинею, если в моё отсутствие они возьмут на себя присмотр за моим имуществом и распорядятся им по моим указаниям в случае, если я не вернусь. Они торжественно обещали мне это, скрепив наш договор письменным обязательством, я же, со своей стороны, сделал формальное завещание на случай моей смерти: свою плантацию и движимое имущество я отказывал португальскому капитану, который спас мне жизнь, но с оговоркой, чтобы он взял себе только половину моей движимости, а остальное отослал в Англию.

Итак, корабль был снаряжён, нагружен подходящим товаром, и всё устроено по взаимному соглашению участников экспедиции. В недобрый час, 1 сентября 1659 года, я взошёл на корабль. Это был тот самый день, в который восемь лет тому назад я убежал от отца и матери в Гулле и так неразумно распорядился своею судьбой. В тот же день мы снялись с якоря. Всё время, покуда мы держались наших берегов, стояла прекрасная погода, было только чересчур жарко. После двена-

дцатидневного плавания мы пересекли экватор, когда на нас неожиданно налетел жестокий шквал. Это был настоящий ураган. Он налетел с такою ужасающей силой, что в течение двенадцати дней мы могли только носиться по ветру и, отдавшись на волю судьбы, плыть, куда нас гнала ярость стихий. Нечего и говорить, что все эти двенадцать дней я ежечасно ожидал смерти, да и никто на корабле не чаял остаться в живых.

Однажды ранним утром, когда ветер всё ещё не сдавал, — один из матросов крикнул: «Земля!» — но не успели мы выскочить из каюты, как судно село на мель. В тот же миг от внезапной остановки вода хлынула на палубу с такой силой, что мы уже считали себя погибшими: стремглав бросились мы вниз в закрытые помещения, где и укрылись от брызг и пены. Мы сидели, глядя друг на друга и ежеминутно ожидая смерти. Единственным нашим утешением было то, что, вопреки всем ожиданиям, судно было всё ещё цело, и капитан сказал, что ветер начинает стихать.

Но корабль так основательно сел на мель, что нечего было и думать сдвинуть его с места, и в этом отчаянном положении нам оставалось только позаботиться о спасении нашей жизни какой

угодно ценой. У нас были две шлюпки; одна висела за кормой, но во время шторма её разбило. Оставалась другая шлюпка, но как спустить её на воду? Задача казалась неразрешимой. А между тем нельзя было мешкать: корабль мог каждую минуту расколоться надвое.

В этот критический момент помощник капитана с помощью остальных членов экипажа перебросил шлюпку через борт; мы все, одиннадцать человек, вошли в неё, отчалили и отдались на волю бушующих волн. Хотя шторм значительно поулёгся, всё-таки на берег набегали страшные валы.

Наше положение было поистине плачевно: мы ясно видели, что шлюпка не выдержит такого волнения и что мы неизбежно потонем. Мы гребли к берегу с тяжёлым сердцем: мы отлично знали, что как только шлюпка подойдёт ближе к земле, её разнесёт прибоем на тысячу кусков. И подгоняемые ветром и течением, мы налегли на вёсла, собственноручно приближая момент нашей гибели.

Когда нас отнесло мили на четыре от застрявшего корабля, огромный вал величиной с гору неожиданно набежал с кормы на нашу шлюпку и в один миг опрокинул её. Мы очутились под

водой, далеко и от шлюпки, и друг от друга.

Ничем не выразить смятения в моих мыслях, когда я погрузился в воду. Я отлично плаваю, но я не мог вынырнуть на поверхность и набрать в грудь воздуху, пока подхватившая меня волна, пронеся изрядное расстояние по направлению к берегу, не разбилась и не отхлынула назад, оставив меня на мелком месте, полумёртвого от воды, которой я нахлебался. Я поднялся на ноги и опрометью пустился бежать в надежде достичь берега прежде, чем нахлынет и подхватит меня другая волна, но скоро увидел, что мне от неё не уйти: море шло горой и догоняло, как разъярённый враг, бороться с которым у меня не было ни сил, ни средств. Мне оставалось только, задержав дыхание, нырнуть и плыть к берегу, насколько хватит сил. Главной моей заботой было справиться с новой волной так, чтобы, поднеся меня ещё ближе к берегу, она не увлекла меня в своём обратном движении к морю.

Вновь набежавшая волна подхватила меня и долго с неимоверной силой и быстротой несла к берегу. Я задержал дыхание и поплыл по течению, изо всех сил помогая ему. Я уже почти задыхался, как вдруг почувствовал, что поднимаюсь кверху; вскоре мои руки и голова оказались над водой, и хотя я мог продержаться на поверхности не больше двух секунд, всё же успел перевести дух, и это придало мне силы. Меня снова захлестнуло, но на этот раз я пробыл под водой не так долго. Когда волна разбилась и пошла назад, я не дал ей увлечь себя обратно и скоро почувствовал под ногами дно. Я простоял несколько секунд, чтобы отдышаться и, собрав остаток сил, снова опрометью пустился бежать к берегу. Но и в этот раз я ещё не ушёл от ярости моря: ещё дважды оно меня нагоняло, подхватывало волной и несло всё вперёд и вперёд.

Последний вал едва не оказался для меня роковым: подхватив, он бросил меня на скалу с такой силой, что я лишился чувств и оказался совершенно беспомощным: удар в бок и в грудь совсем отшиб у меня дыхание, и, если б море снова подхватило меня, я бы неминуемо захлебнулся. Но я пришёл в себя как раз вовремя: увидев, что сейчас меня опять накроет волной, я крепко уцепился

за выступ скалы и, задержав дыхание, решил переждать, пока волна не схлынет. Затем я снова пустился бежать и очутился настолько близко к берегу, что следующая волна хоть и перекатилась через меня, но уже не могла поглотить и унести обратно в море. Пробежав ещё немного, я оказался на суше, вскарабкался на прибрежные скалы и опустился на траву. Здесь я был в безопасности: море не могло меня достать.

* * *

Думаю, нет таких слов, которыми можно было бы изобразить восторг души человеческой, восставшей, так сказать, из гроба. Внезапная радость, как и скорбь, ума лишает. Я ходил по берегу, воздевал руки к небу и делал тысячи других жестов и движений, которых теперь не могу уже описать. Я думал о своих товарищах, которые все утонули; от них и следов не осталось, кроме трёх шляп, одной матросской шапки да двух непарных башмаков, выброшенных морем.

Взглянув в ту сторону, где стоял на мели наш корабль, я едва мог рассмотреть его за высоким прибоем — так он был далеко, и я сказал себе: «Каким чудом мог я добраться до берега?»

Утешившись этими мыслями о благополучном

избавлении от смертельной опасности, я стал осматриваться кругом. Моё радостное настроение разом упало: я понял, что хотя я и спасся, но не избавлен от дальнейших ужасов и бед. На мне не оставалось сухой нитки, переодеться было не во что; мне нечего было есть, у меня не было даже воды, чтобы подкрепить силы, а в будущем мне предстояло или умереть голодной смертью, или быть растерзанным хищными зверями. Но что всего ужаснее — у меня не было оружия, так что я не мог ни охотиться за дичью для своего пропитания, ни обороняться от хищников, которым вздумалось бы напасть на меня. У меня вообще не было ничего, кроме ножа, трубки да коробочки с табаком. Это было всё моё достояние. При мысли об этом я пришёл в такое отчаяние, что долго как сумасшедший бегал по берегу.

Когда настала ночь, единственное, что я мог тогда придумать, это взобраться на росшее поблизости толстое ветвистое дерево, похожее на ель, но с колючками, и просидеть на нём всю ночь, а когда придёт утро, решить, какою смертью лучше умереть. Я прошёл с четверть мили от берега вглубь посмотреть, нет ли пресной воды, и нашёл ручеёк. Напившись и положив в рот немного табаку, чтобы заглушить голод, я вернулся к де-

реву, взобрался на него и постарался устроиться таким образом, чтобы не свалиться, если засну. Затем я срезал для самозащиты коротенький сук, вроде дубинки, уселся поплотнее и от крайнего утомления крепко уснул. Я спал так сладко, как не многим спалось бы на моём месте, и никогда не пробуждался от сна таким свежим и бодрым.

Когда я проснулся, было совсем светло: погода прояснилась, ветер утих, и море больше не бушевало и не вздымалось. Но меня крайне поразило то, что корабль очутился на другом месте: должно быть, за ночь его приподняло с мели приливом. Теперь он стоял не дальше мили от того места, где я провёл ночь, и так как держался он почти прямо, то я решил побывать на нём, чтобы запастись едой и другими необходимыми вещами.

Спустившись с дерева, я осмотрелся кругом и увидел нашу шлюпку, лежавшую милях в двух вправо, на берегу, куда её, очевидно, выбросило море. Я поспешил было в том направлении, думая дойти до неё, но оказалось, что путь преграждал глубоко врезывавшийся в берег заливчик шириною в полмили. Тогда я повернул назад, ибо мне было важнее попасть поскорей на корабль, где я надеялся найти что-нибудь для поддержания своего существования.

После полудня волнение на море совсем улеглось, и отлив был так низок, что мне удалось подойти к кораблю на четверть мили. Тут я снова почувствовал приступ глубокого горя, ибо мне стало ясно, что если б мы не покинули корабль, то все остались бы живы: переждав шторм, мы благополучно перебрались бы на берег. При этой мысли слёзы выступили у меня на глазах, но слезами горю не поможешь, и я решил всё-таки добраться до корабля. Раздевшись, я вошёл в воду. Но, когда я подплыл к кораблю, возникло новое затруднение: как на него взобраться? Он стоял на мелководье, весь наружу, и уцепиться было не за что. Дважды я проплыл вокруг него и во второй раз заметил недлинный канат. Он свешивался

так низко над водой, что мне, хоть и не без труда, удалось поймать его конец и взобраться на бак корабля. Судно дало течь, и трюм был полон воды; однако оно так увязло килем в песчаной отмели, что корма была приподнята, а нос почти касался воды. Таким образом, вся кормовая часть оказалась сухой, и всё, что там находилось, не пострадало от воды. Оказалось, во-первых, что весь запас провизии был совершенно сухой, а так как меня мучил голод, то я отправился в кладовую, набрал сухарей и ел их на ходу, чтобы не терять времени. В кают-компании я нашёл бутылку рому и отхлебнул из неё несколько хороших глотков, ибо очень нуждался в подкреплении сил для предстоящей работы.

Прежде всего мне нужна была лодка, чтобы перевезти на берег всё то, что могло мне понадобиться. На корабле были запасные мачты, стеньги и реи. Из них я решил построить плот. Выбрав несколько брёвен полегче, я перекинул их за борт, привязав предварительно каждое верёвкой, чтобы их не унесло. Затем я спустился с корабля, притянул к себе четыре бревна, крепко связал их между собою, скрепив ещё сверху двумя или тремя коротенькими досками, положенными накрест. Мой плот отлично выдерживал

тяжесть моего тела, но для большего груза был слишком лёгок. Тогда я снова принялся за дело и с помощью пилы нашего корабельного плотника распилил запасную мачту на три куска, которые и приладил к своему плоту.

Теперь мой плот был достаточно крепок и мог выдержать порядочную тяжесть. Прежде всего я положил на плот все доски, какие нашлись на корабле; на эти доски я спустил три сундука, принадлежащих нашим матросам, предварительно взломав в них замки и опорожнив их. Затем, прикинув в уме, что из вещей могло мне понадобиться больше всего, я отобрал эти вещи и наполнил ими все три сундука. В один я сложил съестные припасы: хлеб, рис, три круга голландского сыру, пять больших кусков вяленой козлятины, служившей нам главной пищей, и остатки зерна для домашней птицы, которую мы взяли с собой на судно и давно уже съели. Это был ячмень, перемешанный с пшеницей; к великому моему разочарованию, он оказался попорченным крысами. Я нашёл также несколько ящиков вин и пять или шесть галлонов рисовой водки. Все эти ящики я поставил прямо на плот, так как в сундуках они бы не поместились, да и надобности не было их прятать. Между тем, пока я был занят

погрузкой, начался прилив, и, к великому моему огорчению, я увидел, что мой камзол, рубашку и жилет, оставленные на берегу, унесло в море. Таким образом, у меня остались из платья только чулки да коротенькие полотняные штаны до колен, которых я не снимал. Это заставило меня подумать о том, чтобы запастись одеждой. На корабле было немало всякой одежды, но я взял пока только то, что было необходимо в данную минуту: меня гораздо больше соблазняли рабочие инструменты. После долгих поисков я нашёл ящик нашего плотника, и это была для меня поистине драгоценная находка, которой я не отдал бы в то время за целый корабль с золотом.

Теперь мне осталось запастись оружием и зарядами. В кают-компании я нашёл два прекрасных охотничьих ружья и два пистолета, которые и переправил на плот вместе с пороховницей, небольшим мешком с дробью и двумя старыми, заржавленными саблями. Поискав хорошенько, я нашёл три бочонка с порохом. Один оказался подмокшим, а два были совершенно сухи. Теперь мой плот был достаточно нагружен, и я начал думать, как мне добраться до берега без паруса, без вёсел и без руля, — ведь довольно было самого слабого порыва ветра, чтобы опрокинуть всё моё

сооружение.

Три обстоятельства ободряли меня: во-первых, полное отсутствие волнения на море; во-вторых, прилив, который должен был гнать меня к берегу; в-третьих, небольшой попутный ветерок. Итак, разыскав два или три сломанных весла от корабельной шлюпки, прихватив ещё две пилы, топор и молоток, я пустился в море. С милю или около того мой плот шёл отлично; я заметил только, что его относит от того места, куда накануне меня выбросило море. Это навело меня на мысль, что там, должно быть, береговое течение и что, следовательно, я могу попасть в какой-нибудь заливчик или речку, где мне будет удобно пристать с моим грузом.

Так и вышло. Вскоре передо мной открылась маленькая бухточка, и меня быстро понесло к ней. Я правил, как умел, стараясь держаться середины течения.

Но тут, будучи совершенно незнаком с фарватером этой бухточки, я чуть вторично не потерпел кораблекрушение. Мой плот неожиданно наскочил на отмель и сильно накренился; ещё немного, и весь мой груз свалился бы в воду. Я изо всех сил упёрся спиной и руками в мои сундуки, стараясь удержать их на месте, но не

мог столкнуть плот, несмотря на все усилия. С полчаса, не смея шевельнуться, простоял я в этой позе, пока вода не поднялась и плот сам не сошёл с мели. Отдавшись течению, я вошёл наконец в устье небольшой реки с высокими берегами и стал осматриваться, отыскивая, где бы мне лучше пристать: мне не хотелось слишком удаляться от моря, ибо я надеялся когда-нибудь увидеть на нём корабль, и потому решил обосноваться как можно ближе к берегу. Высмотрев удобное местечко, где берег заканчивался ровной площадкой, я пришвартовал мой плот со всем грузом к берегу.

* * *

Следующей моей заботой было осмотреть окрестности и выбрать себе защищённое удобное местечко для жилья. Я всё ещё не знал, куда попал: на материк или на остров, в населённую или в необитаемую страну; не знал, грозит ли мне опасность со стороны хищных зверей или нет. Приблизительно в полумиле от меня виднелся холм, крутой и высокий. Вооружившись ружьём, пистолетом и пороховницей, я отправился на разведку. Когда я взобрался на вершину холма, мне стала ясна моя горькая участь: я был на острове, со всех сторон простиралось море и вокруг не бы-

ло и признака земли, если не считать нескольких торчавших в отдалении скал да двух маленьких островов, поменьше моего, лежавших милях в десяти к западу.

Я сделал и другие открытия: мой остров был совершенно не возделан и необитаем. Может быть, на нём и жили хищные звери, но пока я ни одного не видал. Зато пернатые водились во множестве. Спускаясь с холма, я подстрелил большую птицу, сидевшую на дереве у опушки леса. Но её мясо отдавало падалью и не годилось в пищу.

Удовольствовавшись этими открытиями, я воротился к плоту и принялся перетаскивать вещи на берег. Это заняло у меня весь остаток дня.

Наметив на берегу местечко для ночлега, я загородил его со всех сторон сундуками и ящиками, а внутри этой ограды соорудил из досок нечто вроде шалаша. Что касается пищи, то я не знал ещё, как буду добывать себе впоследствии пропитание: кроме птиц да двух каких-то зверьков вроде нашего зайца, выскочивших из рощи при звуке моего выстрела, никакой живности я здесь не видел. Но теперь я думал только о том, как бы забрать с корабля всё, что там оставалось и что могло мне пригодиться, и прежде всего паруса и канаты. Поэтому я решил, если ничто не поме-

шает, предпринять второй рейс на корабль. А так как я знал, что при первой же буре его разобьёт в щепки, то предпочёл отложить другие дела, пока не переправлю на берег всё, что только смогу взять. И, дождавшись отлива, я пустился в путь, как в первый раз. Только теперь я разделся в шалаше, оставшись в одной нижней клетчатой рубахе, в полотняных кальсонах и в туфлях на босу ногу.

Как и в первый раз, я взобрался на корабль по канату; затем построил новый плот. Но, умудрённый опытом, я сделал его не таким неповоротливым, как первый, и не так тяжело нагрузил. Впрочем, я всё-таки перевёз на нём много полезных вещей. Во-первых, всё, что нашлось в запасах нашего плотника, а именно: два или три мешка с гвоздями, отвёртку, десятка два топоров, а главное, точило. Затем я взял несколько вещей из склада нашего канонира, в том числе три железных лома, два бочонка с ружейными пулями, семь мушкетов, ещё одно охотничье ружьё и немного пороху и большой мешок с дробью.

Кроме перечисленных вещей, я взял с корабля всю одежду, какую нашёл, да прихватил ещё запасной парус, подвесную койку и несколько тюфяков и подушек. Всё это я погрузил на плот

и, к великому моему удовольствию, перевёз на берег в целости.

Отправляясь на корабль, я немного побаивался, как бы в моё отсутствие какие-нибудь хищники не уничтожили мои съестные припасы. Но, воротившись на берег, я не заметил никаких следов непрошеных гостей. Только на одном из сундуков сидел какой-то зверёк, очень похожий на дикую кошку.

Доставив на берег второй груз, я хотел открыть тяжёлые бочонки с порохом и перенести его частями, однако принялся сначала за сооружение палатки. Я сделал её из паруса и жердей, которые для этой цели нарезал в роще. В палатку я перенёс всё, что могло испортиться от солнца и дождя, а вокруг неё нагромоздил пустые ящики и бочки на случай внезапного нападения людей или зверей.

Вход в палатку я загородил снаружи большим сундуком, поставив его боком, а изнутри заложил досками. Затем разостлал на земле постель, в головах положил два пистолета, рядом с тюфяком — ружьё и лёг. Со дня кораблекрушения я в первый раз провёл ночь в постели. От изнеможения я проспал до утра как убитый.

Никто, я думаю, не устраивал для себя такого огромного склада, какой был устроен мною. Но

мне всё было мало: пока корабль был цел и на нём оставалась хоть одна вещь, которой я мог воспользоваться, я считал необходимым пополнять свои запасы. Каждый день с наступлением отлива я отправлялся на корабль и что-нибудь привозил. Особенно удачным было третье моё путешествие. Я разобрал все снасти, взял с собой весь мелкий такелаж (и трос и бечёвки). Я захватил также большой кусок запасной парусины и бочонок с подмокшим порохом, который я было оставил на корабле. В конце концов я переправил на берег все паруса до последнего; только мне пришлось разрезать их на куски и перевозить по частям.

После пяти или шести таких экспедиций, когда я думал, что на корабле уже нечем больше поживиться, я неожиданно нашёл в трюме большую бочку с сухарями, три бочонка рому, ящик с сахаром и бочонок превосходной муки. Это был приятный сюрприз: я больше не рассчитывал найти на корабле какую-нибудь провизию, будучи уверен, что все оставшиеся там запасы подмокли. Сухари я вынул из бочки и перенёс на плот по частям, завёртывая в парусину. Всё это мне удалось благополучно доставить на берег.

На следующий день я предпринял новую поездку. Теперь, забрав с корабля решительно все вещи, какие под силу поднять одному человеку, я принялся за канаты. Каждый канат я разрезал на куски такой величины, чтобы мне было не слишком трудно управиться с ними. Кроме того, я взял с корабля все железные части, какие мог отделить. Затем, обрубив оставшиеся реи, я построил из них плот побольше, погрузил на него все эти тяжёлые вещи и пустился в обратный путь. Но на этот раз счастье мне изменило: мой плот был так неповоротлив и так сильно нагружен, что мне было очень трудно им управлять — я не сумел провести его так искусно, как прежние: он опрокинулся, и я упал в воду со всем грузом.

Что касается меня, то беда была невелика, так как это случилось почти у самого берега; но груз мой, по крайней мере значительная часть его, пропал, главное — железо, о котором я особенно жалел. Впрочем, когда вода спала, я вытащил на берег почти все куски каната и несколько кусков железа, хотя и с великим трудом: я принуждён был нырять за каждым куском. В дальнейшем мои посещения корабля повторялись ежедневно, и каждый раз я привозил новую добычу.

* * *

Уже тринадцать дней я жил на острове и за это время побывал на корабле одиннадцать раз, переправив на берег решительно всё, что в состоянии перетащить пара человеческих рук. Если бы тихая погода продержалась подольше, я убеждён, что перевёз бы весь корабль по кусочкам, но, делая приготовления к двенадцатому рейсу, я заметил, что подымается ветер. Тем не менее дождавшись отлива, я отправился на корабль. Я уже так основательно обшарил нашу каюту, что, казалось, там ничего невозможно было найти; но тут я заметил шкафчик с двумя ящиками: в одном я нашёл две-три бритвы, большие ножницы и с дюжину хороших вилок и ножей; в другом

оказались деньги — около тридцати шести фунтов частью европейской, частью бразильской серебряной и золотой монетой.

Я улыбнулся при виде этих денег. «Ненужный хлам, — проговорил я, — зачем ты мне теперь? Мне нечего с тобой делать. Так оставайся же, где лежишь, и отправляйся на дно морское!» Однако ж, поразмыслив, я решил взять деньги с собой и завернул всё найденное в кусок парусины. Затем я стал подумывать о сооружении плота, но пока я собирался, небо нахмурилось, ветер, дувший с берега, начал крепчать, и через четверть часа совсем засвежело. Надо было спешить добраться до берега, пока не началось большое волнение. Не теряя времени, я спустился в воду и поплыл. То ли от тяжести бывших на мне вещей, то ли оттого, что мне приходилось бороться со встречным течением, у меня едва хватило сил доплыть до моей бухточки. Ветер крепчал с каждой минутой и ещё до начала отлива превратился в настоящий шторм.

Но к этому времени я был уже дома, в безопасности, со всем моим богатством, и лежал в палатке. Всю ночь ревела буря, и, когда поутру я выглянул из палатки, от корабля не осталось и следов!

Мои мысли были теперь всецело поглощены

тем, как мне обезопасить себя от дикарей и от зверей и какое мне лучше устроить жильё: выкопать ли в земле пещеру или поставить палатку? В конце концов я решил сделать и то и другое.

Скоро я убедился, что выбранное мною место на берегу не годится для поселения: это была низина с болотистой почвой, но главное, поблизости не было пресной воды. Поэтому я решил поискать другое место, более здоровое и более удобное для жилья. Оно должно было удовлетворять нескольким условиям. Во-первых, моё жилище должно быть расположено в здоровой местности и поблизости от пресной воды; во-вторых, оно должно укрывать от солнечного зноя; в-третьих, должно быть защищено от нападения хищников как двуногих, так и четвероногих, и, наконец, в-четвёртых, из него должно быть видно море, чтобы мне не упустить случая спастись, если провидение пошлёт какой-нибудь корабль.

После довольно долгих поисков я нашёл небольшую ровную полянку на скате высокого холма, под крутым отвесным как стена обрывом, так что ничто мне не грозило сверху. В этой отвесной стене было небольшое углубление, как будто бы вход в пещеру, но никакой пещеры не было.

Вот на этой-то зелёной полянке возле самого

углубления я и решил разбить свою палатку. Площадка имела не более ста ярдов[8] в ширину и ярдов двести в длину, так что перед моим жильём тянулась как бы лужайка, в конце её холм спускался неправильными уступами в низину, к берегу моря. Расположен был этот уголок на северо-западном склоне холма. Таким образом, он был в тени весь день до вечера.

[8] Примечания: 8
Один ярд равен трём футам (91 см).

Прежде чем ставить палатку, я начертил перед углублением полукруг ярдов двадцать в диаметре. Затем по всему полукругу я набил в два ряда крепкие колья, прочно заколотив их в землю. Верхушки кольев я заострил. Мой частокол вышел около пяти с половиной футов вышиной; между двумя рядами кольев я оставил не более шести дюймов свободного пространства. Весь этот промежуток между кольями я заполнил до самого верху обрезками канатов, взятых с корабля, сложив их рядами один на другой, а изнутри укрепил ограду подпорками, для которых приготовил колья потолще и покороче. Ограда вышла у меня прочная: ни пролезть сквозь неё, ни перелезть через неё не мог ни человек, ни зверь. Эта работа потребовала от меня много времени и труда; особенно тяжело было рубить колья в лесу, перетаскивать их на место постройки и вколачивать в землю. Для входа в это огороженное место я устроил не дверь, но короткую лестницу через частокол; входя к себе, я убирал лестницу, и в этом укреплении чувствовал себя отгороженным от внешнего мира и спокойно спал ночью.

С неимоверным трудом перетащил я к себе в крепость все свои богатства: провизию, оружие и прочее. Затем я поставил в ней большую палатку.

Чтобы укрываться от дождей, которые в тропических странах в известное время года бывают очень сильны, я сделал палатку двойную, то есть сначала разбил одну палатку, поменьше, а над ней поставил другую, побольше, которую накрыл сверху брезентом, захваченным с корабля вместе с парусами.

Теперь я спал уже не на подстилке, брошенной прямо на землю, а на удобной подвесной койке, принадлежавшей помощнику нашего капитана. Я перенёс в палатку съестные припасы и всё, что могло испортиться от дождя.

Затем я принялся рыть пещеру в горе. Вырытые камни и землю я стаскивал во дворик и делал из них внутри ограды насыпь, так что почва в дворике поднялась фута на полтора. Пещера приходилась как раз за палаткой и служила мне погребом.

Понадобилось много дней и много труда, чтобы довести до конца все эти работы. За это время случилось несколько происшествий, о которых я хочу рассказать.

* * *

Как-то раз, когда я ещё только готовился ставить палатку и рыть пещеру, из большой тёмной

тучи хлынул проливной дождь. Потом блеснула молния и раздался страшный раскат грома. У меня замерло сердце, когда я подумал, что весь мой порох может быть уничтожен одним ударом молнии, а ведь от него зависит не только моя безопасность, но и возможность добывать себе пищу. Мне даже в голову не пришло, какой опасности в случае взрыва подвергался я сам.

Этот случай произвёл на меня такое сильное впечатление, что, как только гроза прекратилась, я отложил на время все работы по устройству и укреплению моего жилища и принялся делать мешочки и ящики для пороха. Я решил разделить его на части и хранить понемногу в разных местах. Эта работа заняла у меня почти две недели. Всего пороху у меня было около двухсот сорока фунтов. Я разложил его по мешочкам и по ящикам, разделив по меньшей мере на сто частей. Мешочки и ящики я запрятал в расселины горы в таких местах, куда никоим образом не могла проникнуть сырость, и тщательно отметил каждое место.

Занимаясь возведением ограды, я по крайней мере раз в день выходил из дому с ружьём, отчасти ради развлечения, отчасти чтоб подстрелить какую-нибудь дичь и поближе ознакомиться с

природными богатствами острова. В первую же свою прогулку я сделал открытие, что на острове водятся козы, и очень этому обрадовался; беда лишь в том, что эти козы были столь пугливы, столь чутки и проворны, что подкрасться к ним было труднейшим на свете делом. Меня, однако, это не обескуражило, я не сомневался, что рано или поздно подстрелю одну из них, что вскорости и случилось. И я подметил следующее: если они были на горе, а я появлялся под ними в долине, всё стадо в испуге кидалось прочь, но если случалось, что я был на горе, а козы паслись в долине, тогда они не замечали меня. Это привело меня к заключению, что глаза этих животных не приспособлены для того, чтобы смотреть вверх. С этих пор я всегда взбирался сначала на какую-нибудь скалу, чтобы быть над ними, и тогда мне часто удавалось подстрелить животное.

Первым же выстрелом я убил козу, при которой был сосунок. Мне от души было жалко козлёнка; когда мать упала, он так и остался смирно стоять рядом с нею. Мало того, когда я подошёл к убитой козе, взвалил её на плечи и понёс домой, козлёнок побежал за мной, и так мы дошли до самого дома. У ограды я положил козу на землю, взял в руки козлёнка и перенёс через частокол в надежде

вырастить его и приручить, но он ещё не умел жевать, и я был принуждён зарезать и съесть его. Мне надолго хватило мяса этих двух животных, потому что ел я мало, стараясь по возможности сберечь свои запасы, в особенности хлеб.

* * *

Приступая теперь к подробному описанию полной безмолвия, печальнейшей жизни, какая когда-либо доставалась в удел смертному, я начну

с самого начала и буду рассказывать по порядку.

Было, по моему счёту, 30 сентября, когда нога моя впервые ступила на ужасный остров. Прошло дней десять-двенадцать моего житья на острове, и я вдруг сообразил, что потеряю счёт времени. Чтобы избежать этого, я водрузил на берегу большой деревянный столб и вырезал на доске ножом крупными буквами надпись: «Здесь я ступил на берег 30 сентября 1659 года», которую прибил к столбу. По сторонам этого столба я каждый день делал ножом зарубку, а через каждые шесть зарубок делал одну подлиннее; это означало воскресенье; зарубки же, обозначавшие первое число каждого месяца, я делал ещё длиннее. Таким образом я вёл мой календарь, отмечая дни, недели, месяцы и годы.

Перечисляя предметы, привезённые мною с корабля, я не упомянул о многих мелких вещах, хотя и не особенно ценных, но сослуживших мне тем не менее хорошую службу. Так, например, в каютах корабля я нашёл чернила, перья и бумагу, три или четыре компаса, некоторые астрономические приборы, хронометры, подзорные трубы, географические карты и книги по навигации. Всё это я сложил в один из сундуков на всякий случай, не зная даже, понадобится ли мне что-

нибудь из этих вещей. Я должен ещё упомянуть, что у нас на корабле были две кошки и собака. Кошек я перевёз на берег на плоту, собака же ещё в первую мою экспедицию на корабль сама спрыгнула в воду и поплыла следом за мной. Много лет она была мне верным товарищем и слугой. Она делала для меня всё, что могла, и почти заменяла человеческое общество. Мне хотелось бы только, чтобы она могла говорить, но это ей не было дано.

Перья, чернила и бумагу я экономил до последней возможности и, пока у меня были чернила, аккуратно записывал всё, что случалось со мной; но, когда они вышли, мне пришлось прекратить мои записи, так как я не мог придумать, чем их заменить.

И тогда мне пришло в голову, что, несмотря на огромный склад всевозможных вещей, мне, кроме чернил, недоставало ещё очень многого: у меня не было ни лопаты, ни заступа, ни кирки, и мне нечем было копать или взрыхлять землю, не было ни иголок, ни ниток. Не было у меня и белья, но я скоро научился обходиться без него, не испытывая больших лишений.

Из-за недостатка инструментов всякая работа шла у меня медленно и трудно. Чуть не целый год

понадобился мне, чтоб довести до конца ограду: нарубить в лесу толстых жердей, вытесать из них колья, перетащить эти колья к моей палатке. Колья были так тяжелы, что я не мог поднять более одной штуки сразу, а иногда у меня уходило два дня только на то, чтобы обтесать кол и принести его домой, а третий день — на то, чтобы вбить его в землю. Для этой последней работы я пользовался сначала тяжёлой деревянной дубиной, а потом вспомнил о железных ломах, привезённых мною с корабля, и заменил дубину ломом.

Но что из того, если мне всё равно некуда было девать время? А по окончании постройки я не предвидел для себя другого дела, кроме как скитаться по острову в поисках пищи, чем я и без того занимался почти каждый день.

* * *

Настало время, когда я принялся серьёзно и обстоятельно обдумывать своё положение и начал записывать свои мысли — не для того, чтобы увековечить их в назидание людям, а чтобы высказать словами всё, что меня терзало и мучило, и тем хоть сколько-нибудь облегчить свою душу. Но как ни тягостны были мои размышления, рассудок мой начинал мало-помалу брать верх

над отчаянием. По мере сил я старался утешить себя тем, что могло бы случиться и нечто худшее, и противопоставлял злу добро. С полным беспристрастием я записывал все претерпеваемые мной горести, а рядом — всё, что случилось со мной отрадного.

ЗЛО	ДОБРО
Я заброшен судьбой на мрачный, необитаемый остров и не имею надежды на избавление.	Но я жив, я не утонул, подобно всем моим товарищам.

Я отрезан от всего мира и обречён на горе.	Но зато Тот, кто столь чудесным образом спас меня от смерти, вызволит и из этого безотрадного положения.
Я отдалён от всего человечества; я отшельник, изгнанный из общества людей.	Но я не умер с голоду и не погиб в этом пустынном месте, где человеку нечем пропитаться.
У меня мало одежды, и скоро мне будет нечем прикрыть своё тело.	Но я живу в жарком климате, где я не носил бы одежду, даже если бы она у меня была.
Я беззащитен против нападения людей и зверей.	Но остров, куда я попал, безлюден, и я не видел на нём ни одного хищного зверя, как на берегах Африки.
Мне не с кем перемолвиться словом, и некому утешить меня.	Но Бог сотворил чудо, пригнав наш корабль так близко к берегу, что я не только успел запастись всем необходимым, но и получил возможность добывать себе пропитание до конца моих дней.

Запись эта непреложно свидетельствует о том, что у нас всегда найдётся какое-нибудь утешение, которое в счёте наших бед и благ следует записать в графу прихода.

Итак, вняв голосу рассудка, я начинал мириться со своим положением. Прежде я поминутно смотрел на море в надежде, не покажется ли где-нибудь корабль; теперь я уже покончил с напрасными надеждами и все свои помыслы направил на то, чтобы облегчить своё существование.

Я уже описал своё жилище. Это была палатка, разбитая на склоне горы и обнесённая частоколом. Но теперь мою ограду можно было назвать скорее стеной, потому что вплотную к ней, с наружной её стороны, я вывел земляную насыпь фута в два толщиной. А спустя ещё года полтора я поставил на насыпь жерди, прислонив их к откосу, а сверху сделал настил из разных ветвей. Таким образом, мой дворик оказался под крышей, и я мог не бояться дождей, которые в известное время года лили на моём острове непрерывно.

Я уже упоминал, что всё своё добро перенёс в ограду и в пещеру, которую я выкопал за палаткой. Но первое время вещи были свалены в кучу, перемешаны как попало и загромождали всё пространство, так что мне негде было повернуться. По этой причине я решил углубить мою пещеру. Сделать это было нетрудно, так как гора легко поддавалась моим усилиям. Итак, когда я увидел, что мне не угрожает опасность от хищных зверей, я принялся копать вбок, с правой стороны пещеры, а потом повернул ещё правее и вывел ход наружу, за пределы моего укрепления.

Эта галерея служила не только чёрным ходом к моей палатке, дававшим мне возможность свободно уходить и возвращаться, но также зна-

чительно увеличивала мою кладовую.

Покончив с этой работой, я принялся за изготовление самых необходимых предметов обстановки, прежде всего стола и стула.

И вот я принялся столярничать. Ни разу в жизни до тех пор я не брал в руки столярного инструмента, и тем не менее благодаря трудолюбию и прилежанию я мало-помалу так наловчился, что, несомненно, мог бы сделать что угодно. Но даже и без инструментов или почти без инструментов, с одним только топором да рубанком я смастерил множество предметов, хотя, вероятно, никто ещё не делал их таким способом и не затрачивал на это столько труда. Так, например, когда мне нужна была доска, я должен был срубить дерево, очистить ствол от ветвей и, поставив его перед собой, обтёсывать с обеих сторон до тех пор, пока он не приобретал необходимую форму. А потом доску надо было ещё выстругать рубанком. Правда, при таком методе из целого дерева выходила только одна доска, и выделка этой доски отнимала у меня массу времени и труда. Но против этого у меня было лишь одно средство — терпение.

Итак, я прежде всего сделал себе стол и стул. Я употребил на них короткие доски, которые при-

вёз на плоту с корабля. Когда же затем я натесал длинных досок вышеописанным способом, то приладил в моём погребе несколько полок одну над другой и сложил на них свои инструменты, гвозди, железо и прочий мелкий скарб. Я вбил также колышки в стенку погреба и развесил на них ружья и всё, что можно было повесить. Теперь всё было у меня под руками, и мне доставляло истинное удовольствие заглядывать в этот склад: такой образцовый порядок царил там и столько там было всякого добра.

Только по окончании этой работы я начал вести свой дневник и записывал туда всё сделанное мной в течение дня. Привожу его здесь полностью, хотя описанные в нём события уже известны читателю из предыдущих глав. Я вёл его, пока у меня были чернила, когда же они вышли, дневник поневоле пришлось прекратить.

ДНЕВНИК

30 сентября 1659 года. Я, несчастный Робинзон Крузо, потерпев кораблекрушение во время страшной бури, был выброшен на берег этого угрюмого, злополучного острова, который я назвал островом Отчаяния. Все мои спутники с нашего корабля потонули, и сам я был полумёртв.

Весь остаток дня я провёл в слезах и жалобах на свою злосчастную судьбу. У меня не было ни пищи, ни крова, ни одежды, ни оружия; мне негде было укрыться; отчаявшись получить откуда-нибудь избавление, я видел впереди только смерть. Мне казалось, что меня или растерзают хищные

звери, или убьют дикари, или я умру с голоду. С приближением ночи я взобрался на дерево из боязни хищных зверей. Я отлично выспался, несмотря на то, что всю ночь шёл дождь.

1 октября. Проснувшись поутру, я увидел, к великому моему изумлению, что наш корабль сняло с мели приливом и пригнало гораздо ближе к берегу. С одной стороны, это было весьма утешительно (корабль был цел, не опрокинулся, так что у меня появилась надежда добраться до него, когда ветер утихнет, и запастись едой и другими необходимыми вещами); но, с другой стороны, ещё сильнее стала и моя скорбь по погибшим товарищам. Останься мы на корабле, мы могли бы спасти его или, по крайней мере, утонули бы не все. Тогда мы могли бы построить лодку из обломков корабля, и нам удалось бы добраться до какой-нибудь населённой земли. Эти мысли не давали мне покоя весь день. Тем не менее, как только начался отлив, я отправился на корабль; подойдя к нему поближе по обнажившемуся морскому дну, я пустился вплавь. Весь этот день дождь не прекращался, но ветер совершенно утих.

С 1 по 24 октября. Все эти дни я был занят перевозкой с корабля всего, что можно было снять

оттуда. С началом прилива я на плотах переправлял свой груз на берег. Всё это время шли дожди: вероятно, здесь сейчас дождливое время года.

20 октября. Мой плот опрокинулся, и весь груз затонул; но так как это случилось на мелком месте, а вещи были тяжёлые, то с наступлением отлива мне удалось спасти большую их часть.

25 октября. Всю ночь и весь день шёл дождь и дул порывистый ветер. Корабль за ночь разнесло в щепки; на том месте, где он стоял, торчат какие-то жалкие обломки, да и те видны только во время отлива. Весь этот день я укрывал и защищал спасённое мною добро, чтобы его не попортил дождь.

26 октября. Почти весь день бродил по берегу, отыскивая удобное место для жилья. Больше всего заботился о том, чтобы обезопасить себя от ночных нападений диких зверей и людей. К вечеру нашёл, наконец, подходящее место на крутом склоне холма и решил укрепить его оградой, состоящей из двух рядов кольев, обложенных снаружи дёрном; промежуток между рядами кольев я собирался заполнить корабельными канатами.

С 26 по 30 октября. Усиленно работал: перетаскивал своё имущество в новое жилище, несмотря на то что почти всё время лил сильный дождь.

31 октября. Утром ходил по острову с ружьём в расчёте подстрелить какую-нибудь дичь и осмотреть местность. Убил козу, её козлёнок побежал за мной и проводил меня до самого дома, но мне пришлось убить и его, так как он ещё не умел есть.

1 ноября. Разбил под самой скалой палатку, постаравшись сделать её как можно более обширной, повесил на кольях койку и впервые переночевал в ней.

2 ноября. Собрал все ящики и доски, а также куски брёвен от плотов и соорудил из них баррикаду вокруг палатки на площадке, отведённой для моего укрепления.

3 ноября. Ходил с ружьём. Убил двух птиц, похожих на уток. Их мясо оказалось очень вкусным. После обеда начал делать стол.

4 ноября. Распределил своё время, назначив определённые часы для физических работ, для охоты, для сна и для развлечений.

Вот порядок моего дня: с утра, если нет дождя, часа два-три хожу по острову с ружьём, затем до одиннадцати работаю, а в одиннадцать завтракаю чем придётся, с двенадцати до двух ложусь спать (так как это самая жаркая пора дня), затем к вечеру опять принимаюсь за работу. Все рабочие

часы в последние два дня трудился над изготовлением стола. Я был тогда ещё весьма неумелым столяром. Но время и нужда вскоре сделали из меня мастера на все руки.

5 ноября. Сегодня ходил с ружьём и с собакой. Убил дикую кошку; шкурка довольно мягкая, но мясо никуда не годится. Я сдирал шкурку с каждого убитого мною животного и прятал в свой склад. Возвращаясь домой берегом моря, видел много морских птиц неизвестных мне пород.

Видел ещё двух или трёх тюленей. В первый момент я даже испугался, не распознав, что это за животные. Но когда я к ним присматривался, они нырнули в воду и таким образом ускользнули от меня на этот раз.

6 ноября. После утренней прогулки работал над столом и докончил его, хотя и недоволен своей работой. Вскоре, однако, я так наловчился, что мог его исправить.

7 ноября. Устанавливается ясная погода. Все дни — 7, 8, 9, 10 и частью 12 ноября (11-го было воскресенье) — я делал стул. Мне стоило большого труда придать ему сносную форму. Несколько раз я разбирал его на части и сызнова принимался за работу. И всё-таки недоволен результатом.

Примечание. Я скоро перестал соблюдать вос-

кресные дни, ибо, перестав отмечать их на моём столбе, я сбился в счёте.

13 ноября. Сегодня шёл дождь; он очень освежил меня и охладил землю, но всё время гремел страшный гром и сверкала молния, так что я перепугался за свой порох. Когда гроза прекратилась, я решил мой запас пороха разделить на мелкие части, чтоб он не взорвался весь разом.

14, 15 и 16 ноября. Все эти дни делал ящички для пороха — чтобы в каждый ящичек вошло от одного до двух фунтов. Сегодня разложил весь порох по ящикам и запрятал их в расселины скалы как можно дальше один от другого. Вчера убил большую птицу. Мясо её очень вкусно. Как она называется — не знаю.

17 ноября. Сегодня начал копать углубление в скале за палаткой, чтобы поудобнее разложить своё имущество.

Примечание. Для этой работы крайне необходимы три вещи: кирка, лопата и тачка или корзина, а у меня их нет. Пришлось отказаться от работы. Долго думал, чем бы заменить эти инструменты или как их сделать. Вместо кирки попробовал работать железным ломом; он годится, только слишком тяжёл. Затем остаётся лопата (или заступ). Без неё никак не обойтись, но я решительно не придумаю, как её сделать.

18 ноября. Отыскивая в лесу материал для своих построек, нашёл то дерево (или похожее на него), которое в Бразилии называют железным за его необыкновенную твёрдость. С большим трудом и сильно попортив свой топор, отрубил от него кусок и притащил домой: он оказался неимоверно тяжёлым. Я решил сделать из него

лопату. Дерево было так твёрдо, что эта работа отняла у меня много времени. Мало-помалу придал обрубку форму лопаты, причём рукоятка вышла не хуже, чем делают у нас в Англии, но широкая часть, не будучи обита железом, прослужила мне недолго. Впрочем, я достаточно воспользовался ею для земляных работ, но, я думаю, ни одна лопата на свете не изготовлялась таким способом и так долго.

Мне недоставало ещё тачки или корзины. О корзине нечего было и мечтать, так как у меня не было гибких прутьев, по крайней мере мне не удалось до сих пор найти их. Что же касается тачки, то мне казалось, что я сумею сделать её. Затруднение было только в колесе: я не имел никакого представления о том, как делаются колёса; кроме того, для оси нужен был железный стержень, которого у меня тоже не было. Пришлось оставить это. Чтоб выносить вырытую землю, я сделал нечто вроде корытца, в каких каменщики держат извёстку. Корытце было легче сделать, чем лопату; тем не менее всё вместе — корытце, заступ и бесплодные попытки смастерить тачку — отняло у меня по меньшей мере четыре дня.

23 ноября. Пока я изготовлял эти орудия, вся остальная моя работа стояла. Докончив их, я

опять принялся рыть пещеру. Копал весь день, и у меня ушло на эту работу целых восемнадцать дней. Мне нужно было, чтобы в погребе могло удобно разместиться всё моё имущество.

Примечание. Всё это время я трудился над расширением пещеры, чтобы она могла служить мне складом, кухней, столовой и погребом; помещался же я по-прежнему в палатке, кроме тех дней в дождливое время года, когда палатку пробивало дождём. Впрочем, впоследствии я устроил над своим двориком нечто вроде соломенной крыши: от ограды до откоса горы я проложил жерди, которые прикрыл водорослями и крупными листьями.

10 декабря. Я думал, что покончил со своей пещерой, как вдруг сегодня сверху с одного боку обвалилась земля. Обвал был так велик, что я испугался, и не без основания: находись я там в эту минуту, мне не понадобилось бы могильщика. Этот прискорбный случай причинил мне много хлопот и задал новую работу: нужно было удалить обвалившуюся землю, а главное, пришлось подпирать свод, чтобы обвал не повторился.

11 декабря. С сегодняшнего дня принялся за эту работу. Покамест поставил в виде подпоры два столба; на верху каждого из них укрепил крест-

накрест по две доски. Эту работу я окончил на следующий день. Поставив ещё несколько таких же столбов с досками, я через неделю окончательно укрепил свод. Столбы стоят в ряд и служат в моём погребе перегородкой.

17 декабря. С этого дня по 20-е число прилаживал в погребе полки, вбивал гвозди в столбы и развешивал всё, что можно повесить. Теперь у меня будет хоть какой-то порядок.

20 декабря. Перенёс все вещи и разложил по местам.

Прибил несколько маленьких полочек для провизии: вышло нечто вроде буфета. Досок остаётся очень мало, и я сделал себе ещё один стол.

24 декабря. Проливной дождь всю ночь и весь день; не выходил из дому.

25 декабря. Дождь льёт непрерывно.

26 декабря. Дождь перестал. Стало гораздо прохладнее; очень приятная погода.

27 декабря. Подстрелил двух козлят; одного убил, а другого ранил в ногу, так что он не мог убежать; я поймал его и привёл домой на верёвке. Дома осмотрел ему ногу; она была перебита, и я забинтовал её.

Примечание. Я выходил этого козлёнка: сломанная нога срослась, и он отлично бегал. Я так

долго ухаживал за ним, что он стал ручным и не хотел уходить. Он пасся у меня на лужке перед палаткой. Тогда-то мне в первый раз пришло в голову завести домашний скот, чтобы обеспечить себе пропитание к тому времени, когда у меня выйдут заряды и порох.

28, 29, 30 и 31 декабря. Сильная жара при полном безветрии. Выходил из дому только по вечерам на охоту. Посвятил эти дни окончательному приведению в порядок своего хозяйства.

1 января. Жара не спадает; тем не менее сегодня ходил на охоту два раза: рано утром и вечером.

В полдень отдыхал. Вечером прошёл по долине подальше, в глубь острова, и видел очень много коз; но они крайне пугливы и не подпускают к себе близко. Хочу попробовать охотиться на них с собакой.

2 января. Сегодня взял с собой собаку и натравил на коз; но опыт не удался: всё стадо повернулось навстречу собаке, и она не захотела подойти к ним.

3 января. Начал строить ограду или, вернее, вал. Всё ещё опасаясь неожиданных нападений, я решил сделать её как можно прочнее и толще.

Примечание. Я провозился над ней с 3 января по 14 апреля, хотя вся её длина не превышала

двадцати четырёх ярдов.

* * *

Всё это время я работал не покладая рук. Случалось, что дожди прерывали мою работу на несколько дней и даже недель, но мне казалось, что до окончания вала нельзя чувствовать себя в полной безопасности. Трудно представить себе, сколько труда я положил на эту работу. Особенно тяжело достались мне переноска из лесу брёвен и вбивание их в землю, так как я делал гораздо более толстые колья, чем было нужно.

Когда ограда была окончена и укреплена с наружной стороны земляной насыпью, я успокоился. Мне казалось, что, если бы на острове появились люди, они не заметили бы ничего похожего на человеческое жильё.

В это время я продолжал ежедневные обходы леса в поисках дичи, и во время этих прогулок сделал много полезных открытий. Так, например, я высмотрел особую породу диких голубей, которые вьют гнёзда не на деревьях, а в расселинах скал. Как-то раз я вынул из гнезда птенцов, с тем чтобы выкормить их дома и приручить. Мне удалось их вырастить, но как только у них отросли

крылья, они улетели. Как бы то ни было, я часто находил их гнёзда и брал птенцов, которые были для меня лакомым блюдом.

Когда я начал обзаводиться хозяйством, я увидел, что мне недостаёт многих необходимых вещей. Сделать их самому я вначале считал невозможным, да и действительно кое-что (например, бочки) так и не смог никогда сделать. У меня были два или три бочонка с корабля, но, как я ни бился, мне не удалось смастерить ни одного, хотя я потратил на эту работу несколько недель.

Затем мне очень недоставало свечей. Как только начинало темнеть — смеркалось обычно около семи часов, — мне приходилось ложиться спать. Я часто вспоминал про тот кусок воска, из которого делал свечи во время моих приключений у берегов Африки, но воска у меня не было. Единственным выходом было воспользоваться жиром коз, которых я убивал на охоте. Я устроил себе светильник из козьего жиру: плошку собственноручно вылепил из глины, а потом обжёг на солнце, на фитиль же взял пеньку от старой верёвки. Светильник горел хуже, чем свеча, свет его был неровный и тусклый. В разгар этих работ, шаря однажды в своих вещах, я нашёл небольшой мешок с зерном для птицы. Остатки этого зерна

были изъедены крысами, а так как мешок мне был нужен для чего-то другого, то я вытряхнул его на землю под скалой.

Это было незадолго до начала проливных дождей. Я давно забыл про это. Но прошло около месяца, и я увидел на полянке несколько зелёных стебельков. Сначала я думал, что это какое-нибудь неизвестное мне растение. Но каково же было моё изумление, когда спустя ещё несколько недель зелёные стебельки (их было всего штук десять–двенадцать) выпустили колосья ячменя!

Невозможно передать, в какое смятение повергло меня это открытие! А вскоре я заметил, что рядом, на той же полянке, между стеблями ячменя показались редкие стебельки риса. Я подумал, что этот рис и ячмень растёт здесь ещё

где-нибудь. Я обошёл всю эту часть острова, где уже бывал раньше, обшарил все уголки, заглядывал под каждую кочку, но нигде не нашёл ни риса, ни ячменя. Тогда наконец я вспомнил про мешок с птичьим кормом, который я вытряхнул на землю подле своего жилища.

Я тщательно собрал колосья, когда они созрели (это было в конце июня). Я подобрал каждое зёрнышко и решил снова посеять весь урожай в надежде накопить со временем столько зерна, чтобы его хватило мне на пропитание. Но только на четвёртый год я мог позволить себе уделить весьма скромную часть этого зерна на еду. Но это было уже потом. Возвращаюсь к моему дневнику.

* * *

14 апреля ограда была кончена, и я решил, что буду входить и выходить через стену по приставной лестнице, чтобы снаружи не было никаких признаков жилья.

16 апреля. Кончил лестницу; перелезаю через стену и каждый раз убираю лестницу за собой. Теперь я огорожен со всех сторон. В моей крепости довольно простора, и проникнуть в неё нельзя иначе, как через стену.

* * *

Но на другой же день после того, как я окончил свою ограду, весь мой труд чуть не пропал даром, да и сам я едва не погиб. Вот что произошло. Я чем-то был занят у входа в пещеру, как вдруг надо мной посыпалась земля со свода пещеры и с вершины горы, и два передних столба, поставленных мною, рухнули со страшным треском. Я очень испугался, но не догадался о настоящей причине случившегося, а просто подумал, что свод обвалился, как это было раньше. Боясь, чтобы меня не засыпало новым обвалом, я побежал к лестнице и перелез через стену. Но не успел я сойти на землю, как мне стало ясно, что на этот раз причиной обвала в пещере было страшное землетрясение. Земля подо мной колебалась, и в течение каких-нибудь восьми минут было три таких сильных толчка, что от них рассыпалось бы самое прочное здание, если бы оно стояло здесь. Я видел, как у скалы, находившейся у моря в полумиле от меня, отвалилась вершина и рухнула с таким грохотом, какого я в жизни своей не слыхал. Море тоже яростно забушевало; мне даже казалось, что в море подземные толчки были сильнее, чем на острове.

Я был так ошеломлён, что всё во мне словно окаменело. От колебаний почвы со мной сделалась морская болезнь, как от качки; однако грохот падающего утёса вывел меня из оцепенения и вверг в ужас. Я думал только о том, что гора обрушится на мою палатку и погребёт под собою всё моё хозяйство, и от этой мысли я обмер второй раз.

Когда после третьего толчка наступило затишье, я начал приходить в себя, однако у меня не хватило мужества перелезть через ограду, ибо я боялся быть похороненным заживо и сидел на земле в полном унынии.

Между тем собрались тучи; потемнело, как перед дождём. Задул ветер, сначала слабо, потом всё сильнее, и через полчаса разразился страшнейший ураган. Море запенилось, забурлило и с рёвом билось о берега; деревья вырывало с корнями; картина была ужасная. Так продолжалось часа три; потом буря стала стихать, и ещё часа через два наступил мёртвый штиль и полил дождь.

Всё время, покуда свирепствовал ураган, я сидел на земле, подавленный, но вдруг мне пришло в голову, что этот ливень и ветер, должно быть, последствия землетрясения; стало быть,

оно кончилось, и я могу рискнуть вернуться в моё жилище. Я перелез через ограду и уселся в палатке; однако ливень был настолько силён, что палатку захлёстывало водой, и я был вынужден перейти в пещеру, хотя и боялся, как бы она не обвалилась мне на голову.

Этот ливень задал мне новую работу; пришлось проделать в ограде отверстие для стока воды, иначе затопило бы мою пещеру. Просидев там некоторое время и видя, что подземные толчки больше не повторяются, я стал успокаиваться. Для поддержания бодрости, что было мне крайне необходимо, я подошёл к своему «буфету» и отхлебнул маленький глоток рома. Я расходовал ром весьма экономно, зная, что, когда выйдет весь мой запас, мне неоткуда будет его пополнить.

Дождь лил всю ночь и почти весь следующий день, и я не выходил наружу. Немного успокоившись, я начал обдумывать, что делать дальше. Я пришёл к заключению, что коль скоро этот остров подвержен землетрясениям, мне нельзя жить в пещере. Следовало построить шалаш где-нибудь на открытом месте, а чтобы обезопасить себя от нападения животных и людей, огородить его стеной, как я это сделал здесь. Ибо если я останусь в пещере, то рано или поздно буду похо-

ронен заживо.

В самом деле, моя палатка стояла на опасном месте — под выступом горы, которая в случае нового землетрясения легко могла обрушиться на неё. Поэтому я решил перекочевать на другое место вместе с палаткой. Два следующих дня — 19 и 20 апреля — я провёл, ломая голову, где и как построить новое жилище.

От страха, что меня может засыпать заживо, я не мог спать по ночам; ночевать на открытом месте за оградой я тоже не решался. А вместе с тем, когда я оглядывал своё жильё и видел, как я уютно устроился, в каком порядке у меня хозяйство и как хорошо я укрыт от всякой опасности извне, я с крайней неохотой думал о переселении.

Затем у меня явилась мысль, что на переселение понадобится очень много времени и всё равно придётся мириться с опасностью обвала, пока я не укреплю новое место. Придя к такому выводу, я успокоился, но всё-таки решился приняться, не теряя времени, за возведение ограды на новом месте и, как только она будет готова, перенести в неё свою палатку. Это было 21 апреля.

22 апреля. На следующее утро я начал думать о том, как мне осуществить своё решение. Главная трудность была в инструментах. У меня имелось

три больших топора и множество маленьких (мы их взяли для меновой торговли с индейцами), но все они зазубрились и затупились. Правда, у меня было точило, но я не мог одновременно приводить в движение рукой камень и точить на нём. В конце концов мне удалось приладить к точилу колесо с ремнём, которое приводилось в движение ногой и вращало точильный камень, оставляя свободными обе руки.

Примечание. Устройство этого приспособления заняло у меня целую неделю.

28 и 29 апреля. Два последних дня точил инструменты: моё приспособление действует очень хорошо.

30 апреля. Сегодня заметил, что мой запас сухарей на исходе. Пересчитал все мешки и, как это ни грустно, постановил съедать не более одного сухаря в день.

1 мая. Сегодня утром во время отлива заметил издали на берегу какой-то крупный предмет, похожий на бочку. Пошёл посмотреть, и оказалось, что это небольшой бочонок. Тут же валялось два-три деревянных обломка от корабля. Должно быть, всё это было выброшено на берег в последнюю бурю. Я взглянул в ту сторону, где торчал остов корабля, и мне показалось, что он выступа-

ет над водой больше обыкновенного. Осмотрел выброшенный морем бочонок; он оказался с порохом, но порох весь подмок и сбился в камень. Тем не менее я выкатил бочонок повыше, а сам по отмели отправился к остову корабля.

Подойдя поближе, я заметил, что он как-то странно переместился. Носовая часть, которою прежде он почти зарывался в песок, приподнялась, а корма, разбитая на куски, была отброшена в сторону и лежала боком. Кроме того, в этом месте образовался такой высокий нанос песку, что я мог вплотную подойти к кораблю, тогда как раньше ещё за четверть мили до него я должен был пускаться вплавь. Такая перемена в положении корабля сначала меня удивила, но вскоре я сообразил, что это объясняется землетрясением. От этого же корабль разломался ещё более, так что к берегу ежедневно прибивало ветром и течением разные предметы, которые уносило водой из открытого трюма.

Происшествие с кораблём совершенно отвлекло мои мысли от намерения переселиться на новое место. Весь день я делал попытки проникнуть во внутреннее помещение корабля, но это оказалось невозможным, так как все они были забиты песком. Однако это меня не смутило. Я

стал растаскивать корабль по кусочкам, зная, что мне в моём положении всё пригодится.

3 мая. Сегодня начал работать пилой. Перепилил в корме бимс и, отодрав несколько досок, выгреб песок с того бока кормы, которым она лежит кверху. Принуждён был отложить работу, потому что начался прилив.

4 мая. Удил рыбу, но ни одной съедобной не поймал. Соскучившись, хотел было уже уходить, но, закинув удочку в последний раз, поймал маленького дельфина. Удочка у меня была самодельная: лесу я сделал из пеньки от старой верёвки, а крючков у меня совсем не было. Тем не менее на мою удочку ловилось столько рыбы, что я мог есть её вволю. Ел я её вяленою, просушивая на солнце.

5 мая. Работал на корабле. Распилил другой бимс. Отодрал от палубы три больших сосновых доски, связал их вместе и, дождавшись прилива, переправил на берег.

6 мая. Работал на корабле. Отделил кое-какие железные части, в том числе несколько болтов. Работал изо всех сил, вернулся домой совсем измученный. Подумываю, не бросить ли это.

7 мая. Опять ходил к кораблю, но не с тем, чтобы работать. Так как бимсы были перепилены, я мог

заглянуть в трюм; но он почти доверху наполнен песком и водой.

8 мая. Ходил на корабль с железным ломом: решил развороти́ть всю палубу, которая теперь совсем очистилась от песка. Отодрал две доски и пригнал их к берегу с приливом. Лом оставил на корабле для завтрашней работы.

9 мая. Был на корабле. Взломал ещё несколько досок и пробрался в трюм. Нащупал там пять или шесть бочек. Высвободил их ломом, но вскрыть не мог. Нащупал даже свёрток английского листового свинца и приподнял немного, но вытащить не хватило силы.

С 10 по 14 мая. Все эти дни бывал на корабле. Добыл много кусков дерева, досок, брусьев и т. п., а также два-три центнера железа.

15 мая. Сегодня брал с собой на корабль два маленьких топора: хотел попробовать отрубить кусок листового свинца. Но так как свинец лежит фута на полтора под водой, то я не мог ударить с надлежащей силой.

16 мая. Ночью поднялся сильный ветер. Остов корабля ещё больше расшатало волнами. Я долго искал в лесу голубей на обед, замешкался и уж не мог попасть на корабль из-за прилива.

17 мая. Сегодня видел несколько обломков ко-

рабля, прибитых к берегу, милях в двух от моего жилья. Я решил взглянуть, что это такое; оказалось: кусок от носовой части, но такой большой и тяжёлый, что я не мог его поднять.

24 мая. Все эти дни работал на корабле. С величайшим трудом так сильно расшатал ломом несколько предметов, что с первым же приливом всплыли наверх несколько бочек и два матросских сундука. Но ветер дул с берега, так что их угнало в море. Зато сегодня прибило к берегу несколько обломков и большую бочку с остатками бразильской свинины, которая, впрочем, была совсем попорчена солёной водой и песком.

Я продолжал эту работу с 25 мая по 15 июня ежедневно, кроме тех часов, когда приходилось добывать пропитание. Но с тех пор, как возобновились мои работы, я охочусь только во время прилива, чтобы к началу отлива уже ничто не мешало мне идти к кораблю. За эти три недели набрал такую кучу дерева и железа, что их хватило бы на хорошую лодку, если б я сумел её сделать. Кроме того, мне удалось всё же нарезать в несколько приёмов до центнера листового свинца.

16 июня. Нашёл на берегу большую черепаху. Раньше я никогда их здесь не видал, что объясня-

ется просто случайностью, так как черепахи на моём острове были совсем не редкость, и, если б я попал на другую сторону острова, я мог бы ловить их сотнями каждый день.

17 июня. Весь день жарил черепаху на угольях. Нашёл в ней штук шестьдесят яиц. Никогда в жизни я не едал такого вкусного мяса, да и неудивительно: с тех пор как я оказался на этом ужасном острове, мою пищу составляли исключительно козы да птицы.

18 июня. С утра до вечера шёл дождь, и я не выходил. Должно быть, я простудился, и весь день меня знобит.

19 июня. Мне очень нездоровится: так зябну, точно на дворе зима.

20 июня. Всю ночь не сомкнул глаз: сильная головная боль и озноб.

21 июня. Совсем плохо. Смертельно боюсь занемочь всерьёз: каково будет тогда моё положение без всякой помощи!

22 июня. Сегодня мне получше, но страх болезни не покидает меня.

23 июня. Опять нехорошо: весь день знобило и сильно болела голова.

24 июня. Гораздо лучше.

25 июня. Был сильный приступ лихорадки;

в течение часов семи меня бросало то в холод, то в жар. Закончился приступ лёгкой испариной.

26 июня. Лучше. У меня вышел весь запас мяса, и я ходил на охоту, хотя чувствовал страшную слабость. Убил козу, через силу дотащил её до дому, изжарил кусочек на угольях и поел. Мне очень хотелось сварить из неё супу, но у меня нет горшка.

27 июня. Опять лихорадка настолько сильная, что я весь день пролежал в постели, не ел и не пил. Я умирал от жажды, но не в силах был встать и сходить за водой. Я метался часа два или три, покуда приступ не прошёл, и я уснул и не просыпался до поздней ночи. Проснувшись, почувствовал себя гораздо бодрее, хотя был очень слаб. Меня мучила жажда, но у меня не было ни капли воды. Под утро я снова уснул.

28 июня. Наутро, немного освежённый сном, я встал; моя лихорадка совершенно прошла; но я рассудил, что на другой день приступ может повториться, и потому решил заранее припасти всё необходимое на этот случай. Первым делом я наполнил водой большую четырёхугольную бутыль и поставил её на стол на таком расстоянии от постели, чтобы до неё можно было достать не вставая; а чтобы обезвредить воду, лишив её

свойств, вызывающих простуду или лихорадку, я влил в неё около четверти пинты рому. Затем я отрезал козлятины и изжарил её на угольях, но съел самый маленький кусочек — больше не мог. Пошёл было прогуляться, но от слабости еле передвигал ноги. Вечером поужинал тремя испечёнными в золе черепашьими яйцами.

Перед ужином снова пытался пройтись, но был так слаб, что с трудом мог нести ружьё. Прошёл недалеко, сел на землю и стал смотреть на расстилавшееся передо мной гладкое и спокойное море. Задумчивый и грустный поднялся я и побрёл в своё убежище. Я перелез через ограду, зажёг светильник, так как уже начинало смеркаться, и опустился на стул у стола. Страх перед тем, что болезнь может вернуться, весь день не покидал меня, и вдруг я вспомнил, что жители Бразилии от всех почти болезней лечатся табаком; между тем в одном из моих сундуков лежало несколько пачек. Я встал и пошёл за табаком в свою кладовую.

Я не знал, как применяется табак против болезней, не знал даже, помогает ли он от лихорадки; поэтому я произвёл несколько опытов в надежде, что так или иначе действие его должно проявиться. Прежде всего я отделил из пачки один лист,

положил его в рот и разжевал. Табак был ещё зелёный, очень крепкий; вдобавок, я к нему не привык, так что сначала он почти одурманил меня. Затем я положил немного табаку в ром и настаивал его час или два с тем, чтобы выпить эту настойку перед сном. Наконец я сжёг немного табаку в жаровне и втягивал носом дым до тех пор, пока не начинал задыхаться; я повторил эту операцию несколько раз.

Настала ночь, от табака голова моя отяжелела, и мне захотелось спать. Я выпил табачную настойку и лёг. Настойка оказалась такой крепкой и противной на вкус, что я еле её проглотил. Она сразу бросилась мне в голову, и я крепко уснул. Когда я проснулся на другой день, было, судя по солнцу, около трёх часов пополудни; мне сдаётся, что я проспал тогда не одну, а две ночи и проснулся только на третий день; по крайней мере ничем другим я не могу объяснить, каким образом из моего счёта выпал один день, как это обнаружилось спустя несколько лет.

Но как бы то ни было, этот сон удивительно меня освежил: я встал бодрый и в весёлом настроении духа. У меня заметно прибавилось сил, желудок, очевидно, поправился, ибо я чувствовал голод. Лихорадка в тот день не повторилась, и вообще с тех пор я начал быстро выздоравливать. Это было 29 июня.

30-е число было счастливым для меня днём. Выходил с ружьём, но старался не слишком уда-

ляться от дома. Убил несколько морских птиц, похожих на казарок. Принёс их домой, но не решился съесть, ограничив свой обед черепашьими яйцами, которые были очень вкусны. Вечером повторил приём лекарства, которое так помогло мне накануне (я говорю о табачной настойке на роме). Только в этот раз я выпил его не так много, табачных листьев не жевал и не вдыхал табачного дыма. Однако на другой день, 1 июля, чувствовал себя не так хорошо: меня опять знобило, хотя и не сильно.

2 июля. Снова принял табак всеми тремя способами, как в первый раз, удвоив количество выпитой настойки.

3 июля. Окончательно освободился от приступов лихорадки, однако полностью силы мои восстановились лишь по прошествии нескольких недель.

4 июля. Теперь, как только ко мне вернулись здоровье и силы, я стал энергично работать над восполнением того, чего мне ещё не хватало.

С 4 по 14 июля я большею частью ходил с ружьём, но каждый раз лишь понемногу, как положено человеку, который не совсем ещё окреп после болезни, ибо трудно себе представить, как я отощал тогда и ослаб. Моё лечение табаком,

вероятно, никогда ещё до сих пор не применялось против лихорадки, и я не решусь никому рекомендовать его. Правда, оно остановило болезнь, но вместе с тем страшно ослабило меня, и в течение некоторого времени я страдал судорогами во всём теле и нервною дрожью.

Кроме того, болезнь научила меня, что здесь пагубнее всего для здоровья оставаться под открытым небом во время дождей, особенно если они сопровождаются грозами и ураганами, и что поэтому не так опасны дожди, которые льют в дождливый сезон, то есть в сентябре и октябре, как те, что перепадают случайно в сухую пору.

* * *

Прошло десять с лишком месяцев моего житья на злосчастном острове. Я был твёрдо убеждён, что никогда до меня человеческая нога не ступала на эти пустынные берега, так что приходилось, по-видимому, отказаться от всякой надежды на избавление. Теперь, когда я был спокоен за безопасность моего жилья, я решил более основательно обследовать остров и посмотреть, нет ли на нём ещё каких-нибудь животных и растений, неизвестных мне до сей поры.

Я начал это обследование 15 июля. Прежде всего

я направился к той бухточке, где я причаливал с моими плотами. Пройдя мили две вверх по течению, я убедился, что прилив не доходит дальше и, начиная с этого места и выше, вода в ручье была чистая и прозрачная. Из-за сухого времени года ручей местами если не пересох, то еле струился.

По берегам его тянулись красивые луга, ровные, гладкие, покрытые травой, а дальше — там, где низина постепенно переходила в возвышенность и куда, надо думать, не достигала вода, — я обнаружил обилие зелёного табака с высокими и толстыми стеблями. Там были и другие растения, каких я раньше никогда не видал; весьма возможно, что, знай я их свойства, я мог бы извлечь из них пользу для себя. Я искал кассавы[9], из корня которой индейцы тех широт делают муку, но не нашёл. Я увидел также большие растения вроде алоэ и сахарный тростник. Но я не знал, можно ли как-нибудь употребить алоэ; что же касается сахарного тростника, то он рос в диком состоянии и потому вряд ли годился в пищу. На первый раз я удовольствовался этими открытиями и пошёл домой, раздумывая по дороге о том, как бы мне

[9] Примечания: 9

Кассáва — тропическое растение с мясистыми корнями; индейцы Южной Америки растирают и прессуют эти корни для получения съедобного крахмала.

научиться распознавать свойства и доброкачественность плодов и растений, которые я найду. Но мне не удалось ничего придумать. Во время пребывания в Бразилии я так мало обращал внимания на тамошнюю флору, что не знал даже самых обыкновенных полевых растений; во всяком случае, мои сведения почти не пригодились в теперешней моей бедственной жизни.

На другой день, 16-го, я отправился той же дорогой, но прошёл немного дальше, туда, где кончался ручей и луга и начиналась более лесистая местность. В этой части острова я нашёл разные плоды, в числе прочих — дыни (в большом изобилии) и виноград. Виноградные лозы вились по стволам деревьев, и их роскошные гроздья только что созрели. Это неожиданное открытие удивило меня и обрадовало, однако, наученный опытом, я поел винограда с большой осторожностью, опасаясь дизентерии. Но я придумал великолепное употребление для этого винограда — высушить его на солнце и сделать из него изюм; я справедливо заключил, что он будет служить мне вкусным и полезным лакомством в то время, когда виноград уже сойдёт.

Я не вернулся домой в этот день; к слову сказать, это была первая моя ночь на острове, проведён-

ная вне дома. Как и в день кораблекрушения, я взобрался на дерево и отлично выспался, а наутро продолжал свой обход. Судя по длине долины, я прошёл ещё мили четыре в прежнем направлении.

В конце этого пути было открытое место, заметно понижавшееся к западу. Родничок же, пробивавшийся откуда-то сверху, тёк в противоположном направлении, то есть на восток. Вся окрестность зеленела, цвела и благоухала, точно сад, насаждённый руками человека.

Я спустился в эту очаровательную долину и с тайным удовольствием, хотя и не свободным от примеси никогда не покидавшей меня грусти, подумал, что всё это моё: я царь и хозяин этой земли; права мои на неё бесспорны, и, если б я мог перевести её в обитаемую часть света, она стала бы таким же безусловным достоянием моего рода, как поместье английского лорда. Тут было множество кокосовых пальм, апельсинных и лимонных деревьев, но все дикорастущие, и лишь на немногих из них были плоды, по крайней мере в то время. Тем не менее я нарвал зелёных лимонов, которые были не только приятны на вкус, но и очень мне полезны. Я пил потом воду с лимонным соком, и она меня освежала и подкрепляла.

Мне предстояло теперь много работы со сбором плодов и переноской их домой, так как я решил запастись виноградом и лимонами на приближавшееся дождливое время года.

С этой целью я набрал винограда и сложил его в большую кучу в одном месте и в кучу поменьше — в другом. Так же поступил я и с лимонами, сложив их в третью кучу. Затем, взяв с собой немного тех и других плодов, отправился домой, с тем чтобы захватить мешок и унести домой остальное.

Я вернулся домой (так я буду теперь называть мою палатку и пещеру) после трёхдневного отсутствия; к концу этого путешествия мой виноград совершенно испортился. Сочные, тяжёлые ягоды раздавили друг друга и оказались совершенно негодными. Лимоны хорошо сохранились, но я принёс их очень немного.

На следующий день, 19-го, я снова пустился в путь с двумя небольшими мешками, в которых собирался принести домой собранные плоды. Но как же я был поражён, когда, придя на то место, увидел, что мои роскошные спелые гроздья разбросаны по земле и сочные ягоды частью объедены, частью растоптаны.

Значит, здесь хозяйничали какие-то животные, но какие именно — я не знал.

Итак, убедившись, что складывать виноград в кучи и затем перетаскивать его в мешках невозможно, ибо мой сбор окажется частью уничтоженным, частью попорченным, я придумал другой способ. Нарвав порядочное количество винограда, я развесил его на деревьях так, чтобы он мог сохнуть на солнце. Что же касается лимонов, то я унёс их с собой, сколько был в силах поднять.

Вернувшись домой, я с удовольствием обра-

щался мыслью к открытой мной плодоносной долине. Представляя себе её живописное местоположение, я думал о том, как хорошо она защищена от ветров, какое в ней обилие воды и леса, и пришёл к заключению, что выбрал для жилья одно из худших мест на острове. Естественно, я стал подумывать о переселении. Нужно было лишь подыскать в этой цветущей, плодоносной долине пригодное местечко и сделать его таким же безопасным, как моё теперешнее жилище.

Но, поразмыслив и приняв в расчёт, что теперь я живу в виду моря и, следовательно, имею хоть маленькую надежду на благоприятную для меня перемену, я решил отказаться от этого намерения. Тот самый злой рок, который занёс меня на остров, мог занести на него и другого несчастного. Конечно, такая случайность была маловероятна, но запереться среди холмов и лесов в глубине острова, вдали от моря, значило заточить себя навеки и сделать освобождение не только маловероятным, но и просто невозможным.

Однако я был так пленён этой долиной, что провёл там почти весь конец июля, и хотя решил не переносить своего жилья на новое место, но поставил там себе шалаш, огородил его наглухо двойным плетнём выше человеческого роста на

крепких столбах, а промежуток между плетнями заложил хворостом; входил же и выходил по приставной лестнице, как и в старое жильё. Таким образом, я и здесь был в безопасности. Случалось, что я ночевал в своём шалаше по две, по три ночи подряд. Теперь у меня есть дом на берегу моря и дача в лесу, говорил я себе. Работы на ней заняли у меня всё время до начала августа.

Я только что доделал ограду и начал наслаждаться плодами своих трудов, как полили дожди, и мне пришлось перебраться в моё старое гнездо. Правда, я и на новом месте поставил очень хорошую палатку, сделанную из паруса, но здесь у меня не было ни горы, которая защищала бы меня от ветров, ни пещеры, куда я мог бы укрыться, когда ливни становились чересчур сильными.

* * *

К началу августа я закончил постройку шалаша и дня два-три отдыхал. 3 августа я заметил, что развешенные мною гроздья винограда совершенно высохли на солнце и превратились в превосходный изюм. С того же дня я начал снимать их с деревьев, и хорошо сделал, иначе их бы попортило дождём и я лишился бы большей

части своих зимних запасов: у меня сушилось более двухсот больших кистей. Как только всё было собрано и большею частью перенесено в пещеру, начались дожди и с 14 августа до половины октября шли почти безостановочно изо дня в день. Иногда дождь лил так сильно, что я по нескольку дней не высовывал носа из пещеры.

В этот период дождей я был удивлён неожиданным приращением моего семейства. Одна из моих кошек давно уже пропадала; я не знал, сбежала ли она или околела, и очень о ней сокрушался, как вдруг в конце августа она вернулась с тремя котятами. Это очень меня удивило, так как обе мои кошки были самки. Правда, я видел на острове диких котов (как я их называл) и даже подстрелил одного, но мне казалось, что эти зверьки совсем другой породы, чем наши европейские кошки. А между тем котята, которых привела с собой моя кошка, были как две капли воды похожи на свою мать. От этих трёх котят у меня развелось такое несметное потомство, что я был вынужден истреблять кошек как вредных зверей и гнать их подальше от своего дома.

С 14 по 26 августа дожди не прекращались, и я почти не выходил из дому, ибо теперь я очень боялся промокнуть. Между тем, пока я отсиживался

в пещере, выжидая ясной погоды, мои запасы провизии стали истощаться, и два раза я даже рискнул выйти на охоту. В первый раз убил козу, а во второй, 26-го (это был последний день моего заточения), поймал огромную черепаху, и это было для меня настоящее пиршество. В то время моя еда распределялась так: завтрак — кисть винограда, на обед — кусок козлятины или черепашьего мяса, жареного (на моё несчастье, мне не в чем было варить или тушить мясо и овощи), на ужин — два или три черепашьих яйца.

В течение двенадцати дней, которые я просидел в пещере, прячась от дождя, я ежедневно по два-три часа посвящал земляным работам, расширяя свою пещеру. Я прокапывал её всё дальше в одну сторону до тех пор, пока не вывел ход наружу, за ограду. Я устроил там дверь, через которую мог свободно выходить и входить, не прибегая к приставной лестнице. Зато я не был так спокоен, как прежде: прежде моё жильё было со всех сторон загорожено, теперь доступ ко мне был открыт. Впрочем, мне некого бояться на моём острове, где я не видал ни одного животного крупнее козы.

* * *

30 сентября. Итак, я дожил до печальной годовщины моего пребывания на острове: я сосчитал зарубки на столбе, и оказалось, что я живу здесь уже триста шестьдесят пять дней.

Около этого времени мой запас чернил стал подходить к концу. Приходилось расходовать их экономнее; я прекратил ежедневные записи и стал отмечать лишь выдающиеся события моей жизни.

Я обратил внимание, что дождливое время года совершенно правильно чередуется с периодом бездождья, и, таким образом, мог заблаговременно подготовиться к дождям и засухе. Но свои знания я покупал дорогою ценою. Я уже упоминал выше, как был поражён неожиданным появлением возле моего дома нескольких колосьев риса и ячменя. Помнится, было около тридцати колосьев риса и колосьев двадцать ячменя. И вот после дождей я решил, что наступило самое подходящее время для посева.

Я вскопал небольшой клочок земли деревянной лопатой, разделил его пополам и засеял одну половину рисом, а другую — ячменём; во время посева мне пришло в голову, что лучше

на первый раз не высевать всех семян, — я же не знаю наверно, когда нужно сеять. И я посеял около двух третей всего запаса зерна, оставив по горсточке каждого сорта про запас.

Для меня было счастьем, что я принял эту меру предосторожности, ибо из первого моего посева ни одно зерно не взошло — наступили сухие месяцы. Впоследствии же, когда начались дожди, оно взошло, как будто я только что посеял его.

Видя, что мой первый посев не всходит, что я вполне естественно объяснил засухой, я стал искать другого места с более влажной почвой, чтобы произвести новый опыт. Я разрыхлил новый клочок земли около моего шалаша и посеял здесь остатки зерна. Это было в феврале, незадолго до весеннего равноденствия. Мартовские и апрельские дожди щедро напоили землю: семена взошли великолепно и дали обильный урожай. Но так как семян у меня осталось очень мало и я не решился засеять их все, то и сбор вышел невелик. Зато я был теперь опытным хозяином и точно знал, какая пора наиболее благоприятна для посева и что ежегодно я могу сеять дважды и, следовательно, получать два сбора.

Покуда рос мой хлеб, я сделал маленькое открытие. Как только прекратились дожди и погода установилась — это было приблизительно в ноябре, — я отправился на свою лесную дачу, где нашёл всё в том же виде, как оставил, несмотря на то, что не был там несколько месяцев.

Двойной плетень, поставленный мной, был не только цел, но все его колья, на которые я брал росшие поблизости молодые деревца, пустили длинные побеги. Я не знал, что это за деревья, и был изумлён, увидя, что моя ограда зазеленела. Я подстриг все деревца, постаравшись придать им по возможности одинаковую форму. Трудно описать, как красиво разрослись они за три года. Несмотря на то что огороженное место имело до двадцати пяти ярдов в диаметре, деревья скоро покрыли его своими ветвями и давали густую тень, в которой можно было укрыться от солнца в период жары.

Это навело меня на мысль нарубить ещё несколько таких же кольев и вбить их полукругом вдоль ограды моего старого жилья. Так я и сделал. Я втыкал их в два ряда, ярдов на восемь отступая от прежней ограды. Они принялись, и вскоре у меня образовалась живая изгородь; сначала она укрывала меня от зноя, а впоследствии послужила мне для защиты.

* * *

По моим наблюдениям, на моём острове времена года следует разделять не на холодные и тёплые, как они делятся у нас в Европе, а на дожд-

ливые и сухие, приблизительно таким образом:

С половины февраля до половины апреля.	Дожди: солнце стоит в зените или почти в зените.
С половины апреля до половины августа.	Засуха: солнце перемещается к северу.
С половины августа до половины октября.	Дожди: солнце снова стоит в зените.
С половины октября до половины февраля.	Засуха — солнце перемещается к югу.

Изведав на опыте, как вредно для здоровья пребывание под открытым небом во время дождя, я теперь всякий раз перед началом дождей заблаговременно запасался провизией, чтобы выходить пореже, и просиживал дома почти все дождливые месяцы.

Я пользовался этим временем для работ, которые можно было производить, не покидая жилища. В моём хозяйстве недоставало ещё очень многих вещей, а чтобы сделать их, требовались упорный труд и неослабное прилежание. Я, например, много раз пытался сплести корзину,

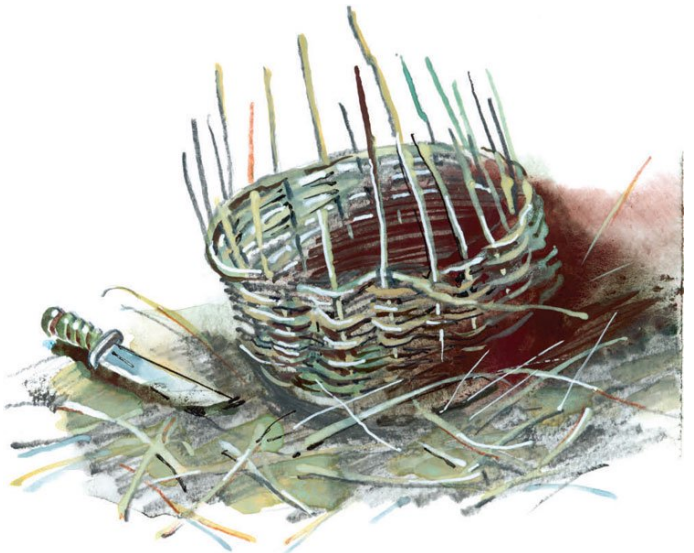
но все прутья, какие я мог достать, оказывались такими ломкими, что у меня ничего не выходило. В детстве я очень любил ходить к одному корзинщику, жившему по соседству от нас, и смотреть, как он работает. Теперь это мне очень пригодилось. Как все мальчишки, я был весьма наблюдателен и полон готовности помогать взрослым. Иной раз я помогал и корзинщику, так что теперь мне не хватало только материала, чтобы приступить к работе. Вдруг мне пришло в голову, не подойдут ли для корзины ветки тех деревьев, из которых я нарубил кольев и которые потом проросли; ведь у них должны быть упругие, гибкие ветки, как у нашей английской вербы, ивы или лозняка. И я решил попробовать.

На другой же день я отправился на свою дачу, как я называл моё жильё в долине, нарезал там несколько веточек, выбирая самые тонкие, и убедился, что они как нельзя лучше годятся для моей цели. В следующий раз я пришёл с топором, чтобы сразу нарубить, сколько мне нужно. Нарубив прутьев, я сволок их за ограду и принялся сушить, а когда они подсохли, перенёс в пещеру. В ближайший дождливый сезон я принялся за работу и наплёл много корзин для носки земли, для укладки всяких вещей и для разных других

надобностей. Правда, у меня они не отличались изяществом, но вполне годились для моих целей. С тех пор я никогда не забывал пополнять свой запас корзин: по мере того как старые разваливались, я плёл новые. Особенно я запасался прочными глубокими корзинами для хранения в них зерна на тот случай, если у меня накопится большое его количество.

Разрешив эту задачу, на что у меня ушла уйма времени, я стал придумывать, как мне восполнить ещё два недостатка. У меня не было посуды для хранения жидкости, если не считать двух бочонков, занятых ромом, да несколько бутылок и бутылей, в которых я держал воду и спирт. У меня не было ни одного горшка, в котором можно было бы что-нибудь сварить. Правда, я захватил с корабля большой котёл, но он был слишком велик, чтобы варить в нём суп и тушить мясо. Другая вещь, о которой я часто мечтал, была трубка, но я не умел сделать её. Однако в конце концов я придумал, чем её заменить.

Всё лето, иначе говоря, всё сухое время года, я был занят устройством живой изгороди вокруг своего старого жилья и плетением корзин. Но меня отвлекло новое дело, отнявшее у меня гораздо больше времени, чем я рассчитывал.



* * *

Я уже говорил, что мне давно хотелось обойти весь остров и что я несколько раз доходил до ручья и дальше, до того места долины, где я по-

строил свой шалаш и откуда открывался вид на море по другую сторону острова. И вот я наконец решился пройти весь остров поперёк и добраться до противоположного берега. Я взял ружьё, топорик, больше, чем обычно, пороха, дроби и пуль, прихватил про запас два сухаря и большую кисть винограда и пустился в путь в сопровождении собаки. Пройдя то место долины, где стоял мой шалаш, я увидел впереди на западе море, а дальше виднелась полоса земли. Был яркий, солнечный день, и я хорошо различал землю, но не мог определить, материк это или остров. Эта земля представляла собою высокое плоскогорье и отстояла очень далеко от моего острова.

Я не имел понятия, что это за земля, и мог сказать только одно — должно быть, это какая-нибудь часть Америки, лежащая недалеко от испанских владений. Весьма возможно, что она населена дикарями и что, если б я попал туда вместо моего острова, моё положение было бы ещё хуже. И как только у меня явилась эта мысль, я перестал терзаться бесплодными сожалениями, зачем меня выбросило именно сюда.

К тому же, подумав как следует, я сообразил, что если новооткрытая мною земля составляет часть испанских владений, то рано или поздно я

непременно увижу какой-нибудь корабль, идущий туда или оттуда. Если же это не испанские владения, то, стало быть, это береговая полоса, лежащая между испанскими владениями и Бразилией, населённая исключительно дикарями, и притом самыми свирепыми — людоедами, которые убивают и съедают всех, кто попадает им в руки.

Погрузившись в такие размышления, я не спеша подвигался вперёд. Эта часть острова показалась мне гораздо привлекательнее той, в которой я поселился: везде, куда ни взглянешь, зелёные луга, пестреющие цветами, красивые рощи. Я заметил здесь множество попугаев, и мне захотелось поймать хоть одного, чтобы приручить его и научить разговаривать. После многих бесплодных попыток мне удалось изловить птенца, сбив его палкой; он быстро оправился, и я принёс его домой. Но понадобилось несколько лет, прежде чем он заговорил; тем не менее я всё-таки добился, чтобы он стал называть меня по имени.

Я остался как нельзя более доволен моим обходом. В низине, на лугах, мне попадались зайцы и много лисиц; но эти лисицы резко отличались от своих родичей, которых мне случалось видеть

раньше. Мне не нравилось мясо этих животных, хотя я и подстрелил их несколько штук. Да, впрочем, в этом не было и надобности: в пище я не терпел недостатка; можно даже сказать, что я питался очень хорошо. Я всегда мог иметь любой из трёх сортов мяса: козлятину, голубей или черепаху, а с прибавкой изюма получался совсем роскошный стол.

Во время этого путешествия я делал не более двух миль в день, если считать по прямой, но я так много кружил, осматривая местность в надежде, не встречу ли чего нового, что добирался до ночлега очень усталым. Спал я обыкновенно на дереве, а иногда, если находил подходящее место между деревьями, устраивал ограду из кольев, втыкая их от дерева до дерева, так что никакой хищник не мог подойти ко мне, не разбудив меня.

Дойдя до берега моря, я окончательно убедился, что выбрал для поселения самую худшую часть острова. На моей стороне я за полтора года поймал только трёх черепах; здесь же весь берег был усеян ими. Кроме того, здесь было несметное множество птиц всевозможных пород. Мясо многих из них оказалось очень вкусным.

Я мог, если бы хотел, настрелять пропасть птиц,

но я берёг порох и дробь и предпочитал охотиться на коз, так как их мясо вкуснее. Но хотя здесь обитало много коз — гораздо больше, чем в моей части острова, — к ним было очень трудно подобраться, потому что местность здесь была ровная и они замечали меня гораздо скорее.

Бесспорно, этот берег был много привлекательнее моего, и тем не менее я не имел ни малейшего желания переселяться. Прожив в своём гнезде более полутора лет, я к нему привык; здесь же я чувствовал себя как бы на чужбине, и меня тянуло домой. Пройдя вдоль берега к востоку, я решил, что пора возвращаться. Я воткнул в землю высокую веху, чтобы заметить место, так как решил, что в следующий раз я приду сюда с другой стороны от моего жилища и таким образом докончу обозрение моего острова.

Я хотел вернуться домой новой дорогой, полагая, что я всегда могу окинуть взглядом весь остров и не собьюсь с пути. Однако я ошибся, ибо, отойдя от берега не больше двух-трёх миль, я спустился в широкую котловину, которую со всех сторон так тесно обступали холмы, поросшие густым лесом, что не было никакой возможности осмотреться. Я мог бы держать путь по солнцу, но надо было в точности знать его положение в это время дня.

На моё горе, погода была пасмурная. Не видя солнца в течение трёх или четырёх дней, я плутал, тщетно отыскивая дорогу. В конце концов я принуждён был выйти опять к берегу моря, на то место, где стояла моя веха, и оттуда вернулся домой прежним путём. Шёл я не спеша, часто отдыхая, так как стояли необычайно жаркие дни, а ружьё, заряды и топор составляли довольно тяжёлую поклажу.

Во время этого путешествия моя собака вспугнула козлёнка и бросилась на него; но я успел вовремя подбежать и спас его от собачьих клыков. Мне захотелось взять его с собой: я давно уже мечтал приручить пару козлят и развести стадо ручных коз, чтобы обеспечить себя мясом к тому времени, когда у меня выйдут все запасы

пороха и дроби.

Я сделал козлёнку ошейник и с некоторым трудом повёл его на верёвке. Добравшись до своего шалаша, я пересадил козлёнка за ограду и там оставил, ибо мне не терпелось добраться поскорее до дому, где я не был уже больше месяца.

Не могу выразить, с каким чувством удовлетворения я вернулся к своей старой хижине и растянулся на подвесной койке. Это путешествие и бесприютная жизнь так меня утомили, что мой «дом», как я его называл, показался мне вполне благоустроенным жилищем: здесь меня окружало столько удобств и было так уютно, что я решил никогда больше не уходить из него далеко.

С неделю я отдыхал и отъедался после моих скитаний. Большую часть этого времени я был занят трудным делом: устраивал клетку для моего Попки; он становился совсем ручным и очень со мной подружился. Затем я вспомнил о своём бедном козлёнке, которого оставил в ограде, и решился сходить за ним. Я застал его там, где оставил; но он почти умирал с голоду. Я нарубил сучьев и веток, какие мне попались под руку, и перебросил ему за ограду. Когда он поел, я хотел было вести его на верёвке, как раньше, но от голода он до того присмирел, что побежал за мной,

как собака. Я всегда кормил его сам, и он сделался таким ласковым и ручным, что вошёл в семью моих домашних животных и впоследствии никогда не отходил от меня.

* * *

Опять настала дождливая пора осеннего равноденствия, и опять я торжественно отпраздновал 30 сентября — вторую годовщину моего пребывания на острове. Надежды на избавление у меня было так же мало, как и в момент моего прибытия сюда.

Начался третий год моего заточения. Я не хотел утомлять читателя мелочными подробностями, а потому второй год моей жизни на острове описан у меня не так обстоятельно, как первый. Всё же нужно сказать, что я и в этот год редко оставался праздным. Одним из ежедневных моих дел была охота, занимавшая у меня часа по три каждое утро, когда не было дождя. Ещё я занимался сортировкой, сушкой и приготовлением убитой или пойманной дичи; на эту работу уходила большая часть дня. При этом следует принять в расчёт, что, начиная с полудня, когда солнце подходило к зениту, наступал такой гнетущий зной, что не было возможности даже двигаться; затем оставалось ещё не более четырёх вечерних часов, которые я мог уделить работе. Случалось и так, что я менял часы охоты и домашних занятий, поутру работал, а перед вечером выходил на охоту.

У меня не только было мало времени, которое я мог посвящать работе, но она стоила мне также невероятных усилий и подвигалась очень медленно. Сколько часов терял я из-за отсутствия инструментов, помощников и недостатка сноровки! Так, например, я потратил сорок два дня только на то, чтобы сделать доску для длинной полки в моём погребе.

Я действовал так: выбрал большое дерево, ибо мне была нужна широкая доска. Три дня я рубил это дерево и два дня обрубал с него ветви, чтобы получить бревно. Уж и не знаю, сколько времени я обтёсывал и обстругивал его с обеих сторон, покуда тяжесть его не уменьшилась настолько, что его можно было сдвинуть с места. Тогда я обтесал одну сторону начисто по всей длине бревна, затем перевернул его этой стороной вниз и обтесал таким же образом другую. Работу я продолжал до тех пор, пока не получил ровной и гладкой доски толщиною около трёх дюймов. Читатель может судить, какого труда стоила мне эта доска. Но упорство и труд помогли мне довести до конца как эту работу, так и много других.

В ноябре и декабре я ждал урожай ячменя и риса. Засеянный мной участок был невелик, ибо у меня вследствие засухи пропал весь посев

первого года и оставалось совсем мало зерна. На этот раз урожай обещал быть превосходным, как вдруг я сделал открытие, что снова рискую потерять весь сбор, так как моё поле опустошается многочисленными врагами, от которых трудно уберечься. Эти враги были, во-первых, козы, во-вторых, те зверьки, которых я назвал зайцами. Очевидно, стебельки риса и ячменя пришлись им по вкусу: они дневали и ночевали на моём поле и начисто уничтожали всходы, не давая им возможности выкинуть колос.

Против этого было лишь одно средство: огородить всё поле, что я и сделал. Но эта работа стоила мне большого труда, потому что надо было спешить. Впрочем, моё поле было таких скромных размеров, что через три недели изгородь была готова. Днём я отпугивал врагов выстрелами, а на ночь привязывал к изгороди собаку, которая лаяла всю ночь напролёт. Благодаря этим мерам предосторожности прожорливые животные ушли от этого места; мой хлеб отлично выколосился и стал быстро созревать.

Но теперь, когда он заколосился, меня начали разорять птицы. Как-то раз, обходя свою пашню, я увидел, что над ней кружатся целые стаи пернатых, видимо, карауливших, когда я уйду. Я сейчас

же выпустил в них заряд дроби. Но не успел я выстрелить, как с самой пашни поднялась другая стая, которой я сначала не заметил.

Это не на шутку взволновало меня. Я предвидел, что ещё несколько дней такого грабежа — и пропадут все мои надежды собрать урожай. Я не мог придумать, чем помочь горю. Тем не менее я решил во что бы то ни стало отстоять свой хлеб, хотя бы мне пришлось караулить его день и ночь. Но сначала я обошёл всё поле, чтобы установить, много ли ущерба причинили мне птицы. Оказалось, что хлеб порядком попорчен, но так как зерно ещё не совсем созрело, то потеря была бы невелика, если б удалось сберечь остальное.

Я зарядил ружьё и сделал вид, что ухожу с поля (я видел, что птицы притаились на ближайших деревьях и ждут, чтобы я ушёл). Действительно, едва я скрылся из виду, как эти воришки стали спускаться на поле один за другим. Это так меня рассердило, что я не мог утерпеть и не дождался, пока их спустится побольше. Я знал, что каждое зерно, которое они съедят теперь, может принести со временем целый пек[10] хлеба. Подбежав к изгороди, я выстрелил; три птицы остались на

---

[10] Примечания: 10

Пек равен одной четверти бушеля (или 9,09 литра).

месте. Того только мне и нужно было; я поднял всех трёх и поступил с ними, как поступают у нас в Англии с отъявленными ворами: повесил их для острастки других. Невозможно описать, какое поразительное действие произвела эта мера: не только ни одна птица не села больше на поле, но все улетели из моей части острова, по крайней мере я не видел ни одной за всё время, пока мои три пугала висели на шесте. Легко представить, как я был этому рад. К концу декабря — время второго сбора хлебов — мои ячмень и рис поспели, и я снял урожай.

Перед жатвой я был в большом затруднении, не имея ни косы, ни серпа, единственное, что я мог сделать, — воспользоваться для этой работы широким тесаком, взятым мною с корабля в числе другого оружия. Впрочем, урожай мой был так невелик, что убрать его не составляло большого труда, да и убирал я его особенным способом: я срезывал только колосья, которые и уносил в большой корзине, а затем перетирал руками. В результате из столь малого количества семян вышло около двух бушелей[11] риса и два с половиной бушеля ячменя.

---

[11] Примечания: 11

Буше́ль — мера объёма для сыпучих тел (равна 35,3 литра).

Такая удача очень меня ободрила: теперь я мог надеяться, что со временем у меня будет постоянный запас хлеба. Но передо мной явились новые затруднения. Как измолоть зерно или превратить его в муку? Как просеять муку? Как сделать из муки тесто? Как, наконец, испечь из теста хлеб? Ничего этого я не умел. Все эти затруднения в соединении с желанием отложить про запас побольше семян, чтобы обеспечить себя хлебом, привели меня к решению не трогать урожая этого года, оставив его весь на семена, а тем временем приложить все старания для разрешения главной задачи, то есть превращения зерна в хлеб.

* * *

Оказавшись в самых первобытных условиях жизни, я ежедневно приходил в отчаяние, ибо трудности давали себя знать всё сильнее и сильнее, начиная с той минуты, когда я собрал первую горсть зёрен ячменя и риса, так неожиданно выросших у моего дома.

Во-первых, у меня не было ни плуга для вспашки, ни даже заступа или лопатки, чтобы хоть как-нибудь вскопать землю. Как уже было сказано, я преодолел это препятствие, сделав себе деревянную лопату. Но каков инструмент, такова

и работа. Не говоря уже о том, что моя лопата, не будучи обита железом, служила очень недолго (хотя, чтобы сделать её, мне понадобилось много дней), работать ею было тяжелее, чем железной, и сама работа выходила много хуже.

Однако я с этим примирился: вооружившись терпением и не смущаясь качеством своей работы, я продолжал копать. Когда зерно было посеяно, нечем было забороновать его. Пришлось вместо бороны возить по полю большой тяжёлый сук, который только царапал землю.

А сколько разнообразных дел мне пришлось переделать, пока мой хлеб рос и созревал! Надо было обнести поле оградой, караулить его, потом жать, убирать, молотить (то есть перетирать в руках колосья, чтобы отделить зерно от мякины). Затем мне понадобились: мельница, чтобы смолоть зерно, сито, чтобы просеять муку, соль и дрожжи, чтобы замесить тесто, печь, чтобы выпечь хлеб. И однако я обошёлся без всех этих вещей. Иметь хлеб было для меня неоценимой наградой и наслаждением. А так как я решил не расходовать зерна до тех пор, пока его не накопится побольше, то у меня было впереди шесть месяцев, которые я мог всецело посвятить изобретению и изготовлению орудий, необходимых для

переработки зерна в хлеб. Но сначала надо было приготовить под посев более обширный участок земли, так как теперь у меня было столько семян, что я мог засеять больше акра. Ещё прежде я сделал лопату, что отняло у меня целую неделю. Новая лопата была тяжела, и ею было вдвое труднее работать. Как бы то ни было, я вскопал своё поле и засеял два больших и ровных участка земли, которые я обнёс частоколом из того дерева, которое так легко принималось. Таким образом, через год мой частокол должен был превратиться в живую изгородь. Всё вместе — распашка земли и сооружение изгороди — заняло у меня не менее трёх месяцев, так как большая часть работы пришлась на дождливую пору.

В те дни, когда шёл дождь, я делал другую работу, стараясь между делом развлекаться разговорами со своим попугаем. Скоро он уже знал своё имя, а потом научился довольно громко произносить его — «Попка». Но разговоры с Попкой были для меня не работой, а только развлечением. В то время я был занят очень важным делом. Давно уже я старался тем или иным способом изготовить себе глиняную посуду, в которой я сильно нуждался. Я не сомневался, что сумею вылепить что-нибудь вроде горшка, если только

мне удастся найти хорошую глину и что, посохнув на солнце, посуда станет настолько крепкой, что можно будет брать её в руки и хранить в ней припасы, которые надо держать в сухом виде. И вот я решил вылепить несколько кувшинов, возможно большего размера, чтобы хранить в них зерно, муку и т. п.

Трудно представить, как неумело я замесил глину, какие нелепые, уродливые произведения выходили у меня, сколько моих изделий развалилось оттого, что глина была слишком рыхлая и не выдерживала собственной тяжести, сколько других потрескалось оттого, что я поспешил выставить их на солнце, и сколько рассыпалось на мелкие куски при первом же прикосновении к ним как до, так и после просушки. Довольно сказать, что после двухмесячных неутомимых трудов, когда я наконец нашёл глину, накопал её, принёс домой и начал работать, у меня получилось только две большие безобразные глиняные посудины, потому что кувшинами их нельзя было назвать.

Когда мои горшки хорошо высохли и затвердели на солнце, я осторожно приподнял их один за другим и поставил каждый в одну из больших корзин, которые я сплёл специально для них. В пустое пространство между горшками и корзинами я напихал рисовой и ячменной соломы. Чтобы горшки эти не отсырели, я предназначил их для хранения сухого зерна, а со временем, когда оно будет перемолото, — под муку.

Хотя крупные изделия из глины вышли у меня неудачными, дело пошло значительно лучше с мелкой посудой: круглыми горшками, тарелками, кружками, котелками и тому подобными вещицами. Солнечный жар обжигал их и делал достаточно прочными.

Но моя главная цель всё же не была достигнута: мне нужна была посуда, которая не пропускала бы воду и выдерживала бы огонь, а этого-то я и не мог добиться. Но вот как-то раз я развёл большой огонь, чтобы приготовить себе мясо. Когда мясо изжарилось, я хотел загасить уголья и нашёл между ними случайно попавший в огонь черепок от разбившегося глиняного горшка; он затвердел, как камень, и стал красным, как кирпич. Я был поражён этим и решил, что если черепок так затвердел от огня, то, значит, с таким же успехом

можно обжечь на огне и целую посудину.

Это заставило меня подумать о том, как развести огонь для обжигания моих горшков. Я не имел никакого понятия о печах, какими пользуются гончары. Поставив на кучу горячей золы три больших глиняных горшка и на них три поменьше, я обложил их кругом и сверху дровами и хворостом и развёл огонь. По мере того как дрова прогорали, я подкладывал новые поленья, пока мои горшки не прокалились насквозь, причём ни один из них не раскололся. В этом раскалённом состоянии я держал их в огне часов пять или шесть. Я сидел подле них всю ночь, чтобы не дать огню слишком быстро погаснуть, и к утру в моём распоряжении было три очень хороших, хотя и не очень красивых, глиняных кувшина и три горшка, так хорошо обожжённых, что лучше нельзя и желать.

Я едва мог дождаться, когда мои горшки остынут, чтобы можно было налить в один из них воды и сварить в нём мясо. Всё вышло превосходно: я сварил себе из куска козлёнка очень хорошего супу, хотя у меня не было ни овсяной муки, ни других приправ, какие обыкновенно кладутся туда.

Следующей моей заботой было придумать,

как сделать каменную ступку, чтобы толочь в ней зерно. Не один день потратил я на поиски подходящего камня, то есть достаточно твёрдого и такой величины, чтобы в нём можно было выдолбить углубление, но ничего не нашёл. На моём острове были, правда, большие утёсы, но от них я не мог ни отколоть, ни отломать нужный кусок. К тому же эти утёсы были из довольно хрупкого песчаника. Потеряв много времени на бесплодные поиски, я отказался от каменной ступки и решил приспособить для этой цели большую колоду из твёрдого дерева, которую мне удалось найти гораздо скорее. Остановив свой выбор на чурбане такой величины, что я с трудом мог его сдвинуть, я обтесал его топором, чтобы придать ему нужную форму, а затем выжег в нём углубление, вроде того, как бразильские краснокожие делают свои лодки. Покончив со ступкой, я вытесал большой, тяжёлый пест из так называемого железного дерева. И ступку, и пест я приберёг до следующего урожая.

Дальнейшее затруднение заключалось в том, как сделать сито или решето для очистки муки от мякины и сора. У меня не было для этого никакого материала: ни кисеи, ни редкой ткани. От полотняного белья у меня оставались одни

лохмотья; была козья шерсть, но я не умел ни прясть, ни ткать.

На несколько месяцев дело остановилось совершенно. Наконец я вспомнил, что между матросскими вещами, взятыми мною с корабля, было несколько шейных платков из коленкора или муслина. Из этих-то платков я и сделал себе три сита, правда, маленьких, но вполне годных для работы. Ими я обходился несколько лет.

Теперь надо было подумать, как я буду печь свои хлебы, когда приготовлю муку. Меня сильно затрудняло устройство печи. Тем не менее я наконец нашёл выход. Я вылепил из глины несколько больших круглых посудин, очень широких, но мелких; блюда эти я хорошенько обжёг на огне и спрятал в кладовую. Когда пришла пора печь хлеб, я развёл большой огонь на очаге, который выложил четырёхугольными, хорошо обожжёнными плитами также моего собственного приготовления. Дождавшись, чтобы дрова прогорели, я разгрёб уголья по всему очагу и дождался, пока очаг не раскалился. Тогда я отгрёб весь жар в сторонку, поместив на очаге свои хлебы, накрыл их глиняным блюдом, опрокинув его кверху дном, и завалил горячими угольями. Мои хлебы испеклись, как в самой лучшей печке. Я

научился печь лепёшки из риса и стал хорошим пекарем; только пирогов я не делал, да и то потому, что, кроме козлятины да птичьего мяса, их было нечем начинять.

* * *

Неудивительно, что на все эти работы ушёл почти целиком третий год моего жилья на острове, особенно если принять во внимание, что в промежутках мне нужно было убрать новый урожай и исполнять текущие работы по хозяйству. Хлеб я убрал своевременно, сложил в большие корзины и перенёс домой, оставив его в колосьях, пока у меня найдётся время перетереть их.

Между тем, с увеличением моего запаса зерна у меня явилась потребность в более обширном амбаре. Последняя жатва дала мне около двадцати бушелей ячменя и столько же, если не больше, риса, так что для всего зерна не хватало места. Теперь я мог, не стесняясь, расходовать его на еду, что было очень приятно, так как мои сухари давно уже вышли. Я решил при этом рассчитать, какое количество зерна мне потребуется в течение года, чтобы сеять только раз в год.

Оказалось, что сорока бушелей риса и ячменя мне с избытком хватает на год, и я решил сеять

ежегодно столько, сколько посеял в этом году, рассчитывая, что мне будет достаточно и на хлеб, и на лепёшки.

За этой работой я постоянно вспоминал про землю, которую видел с другой стороны моего острова, и в глубине души не переставал лелеять надежду добраться до этой земли, воображая, что я как-нибудь найду возможность проникнуть дальше, а может быть, и вовсе вырваться отсюда.

Но я упускал из виду опасности, которые могли грозить мне в таком предприятии. Лишь потом я понял всю несообразность своей затеи, но в то время меня не пугали никакие опасности: моя голова всецело была занята мыслями, как бы попасть на отдалённый берег.

Вот когда я пожалел о моём маленьком приятеле Ксури и о парусном боте, на котором я прошёл вдоль африканских берегов с лишком тысячу миль! Но что толку было вспоминать?.. Я решил сходить взглянуть на нашу корабельную шлюпку, которую выбросило на остров в нескольких милях от моего жилья. Шлюпка лежала не совсем на прежнем месте: её опрокинуло прибоем кверху дном и отнесло немного повыше, на самый край песчаной отмели, и воды около неё не было.

Если б мне удалось починить и спустить на воду шлюпку, она выдержала бы морское путешествие, и я без особенных затруднений добрался бы до Бразилии. Но для такой работы было мало одной пары рук, да и сдвинуть с места эту шлюпку для меня была такая же непосильная задача, как сдвинуть с места мой остров. Но, невзирая ни на что, я решил сделать всё, что было в моих силах: отправился в лес, нарубил жердей, которые должны были служить мне рычагами, и перетащил их к шлюпке. Я тешил себя мыслью, что, если мне удастся перевернуть шлюпку на дно, я исправлю её повреждения, и у меня будет такая лодка, в которой смело можно пуститься в море.

И я не пожалел сил на эту бесплодную работу, потратив на неё недели три или четыре. Убедившись под конец, что с моими слабыми силами мне не поднять такую тяжесть, я принялся подкапывать песок с одного бока шлюпки, чтобы она упала и перевернулась сама; при этом я то здесь, то там подкладывал под неё обрубки дерева, чтобы направить её падение куда нужно.

Но, когда я закончил эти подготовительные работы, я всё же был неспособен ни пошевелить шлюпку, ни подвести под неё рычаги, а тем более спустить её на воду, так что мне пришлось

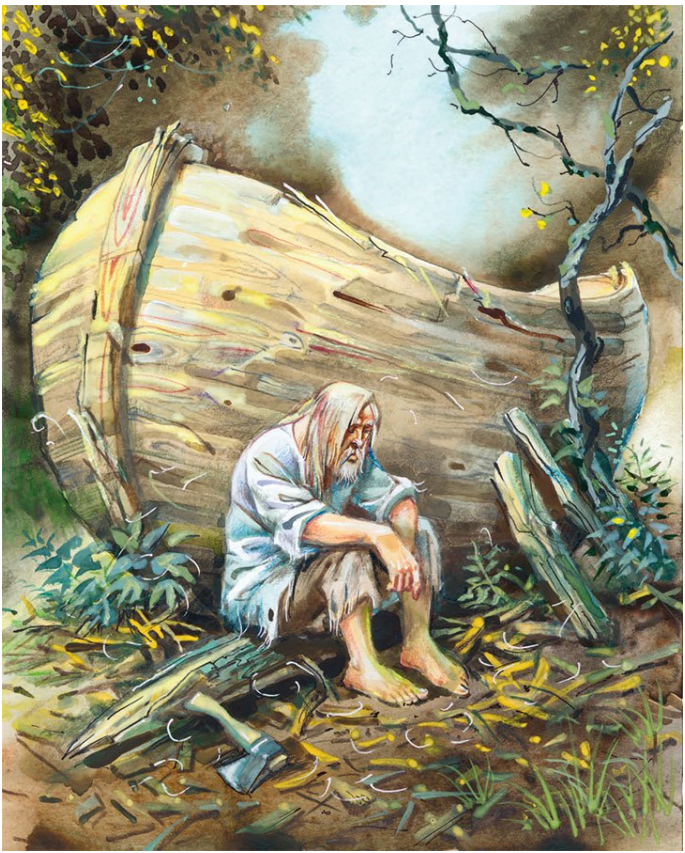
отказаться от своей затеи. Несмотря на это, моё стремление пуститься в океан не только не ослабевало, но, напротив, возрастало вместе с ростом препятствий на пути к его осуществлению.

Наконец я решил попытаться сделать челнок или, ещё лучше, пирогу, какие делают туземцы в этих странах, почти без всяких инструментов и без помощников, прямо из ствола большого дерева. Я считал это не только возможным, но и лёгким делом, и мысль об этой работе очень увлекала меня. Конечно, если бы я хоть сколько-нибудь отдавал себе отчёт в своём положении, то, прежде чем соорудить лодку, непременно задался бы вопросом, как я спущу её на воду. Но все мои помыслы до такой степени были поглощены предполагаемым путешествием, что я ни разу даже не подумал об этом, хотя было очевидно, что несравненно легче проплыть на лодке сорок пять миль по морю, чем протащить её по земле сорок пять сажен, отделявших её от воды.

Одним словом, взявшись за эту работу, я вёл себя глупо для человека, находящегося в здравом уме. Я тешился своей затеей, не давая себе труда рассчитать, хватит ли у меня сил справиться с ней. И не то чтобы мысль о спуске на воду совсем не приходила мне в голову — нет, я просто не

давал ей ходу, устраняя её всякий раз глупейшим ответом: «Прежде сделаю лодку, а там уж, наверно, найдётся способ спустить её».

Рассуждение самое нелепое, но моя разыгравшаяся фантазия не давала мне покоя, и я принялся за работу. Я повалил огромнейший кедр. Двадцать дней я рубил самый ствол, да ещё четырнадцать дней мне понадобилось, чтобы обрубить сучья и отделить огромную, развесистую верхушку. Целый месяц я отделывал мою колоду снаружи, стараясь придать ей форму лодки, так, чтобы она могла держаться на воде прямо. Три месяца ушло потом на то, чтобы выдолбить её внутри. Правда, я обошёлся без огня и работал только стамеской и молотком. Наконец благодаря упорному труду мной была сделана прекрасная пирога, которая смело могла поднять человек двадцать пять, а следовательно, и весь мой груз. Теперь оставалось только спустить её на воду, и я не сомневался, что, если бы это мне удалось, я предпринял бы безумнейшее и самое безнадёжное из всех морских путешествий.



Но все мои старания спустить её на воду не привели ни к чему. До воды было никак не более ста ярдов; но первое затруднение состояло в том, что местность поднималась к берегу в гору. Я храбро решился его устранить, сняв всю лишнюю землю таким образом, чтобы образовался отлогий спуск. Сколько труда я положил на эту работу! Но кто бережёт труд, когда дело идёт о получении свободы? Когда это препятствие было устранено, дело не подвинулось ни на шаг.

Тогда я измерил расстояние, отделявшее мою лодку от моря, и решил вырыть канал: видя, что я не в состоянии подвинуть лодку к воде, я хотел подвести воду к лодке. И я уже начал было копать, но когда я прикинул в уме необходимую глубину и ширину канала, когда подсчитал, в какое приблизительно время может сделать такую работу один человек, то оказалось, что мне понадобится не менее десяти-двенадцати лет, чтобы довести её до конца. Берег был здесь очень высок, и его надо было углублять по крайней мере на двадцать футов.

К моему крайнему сожалению, мне пришлось отказаться и от этой попытки. Я был огорчён до глубины души и тут только сообразил — правда, слишком поздно, — как глупо приниматься за ра-

боту, не рассчитав, во что она обойдётся и хватит ли сил для доведения её до конца.

* * *

В разгар этой работы наступила четвёртая годовщина моего житья на острове. Мне жилось теперь гораздо легче, чем раньше, и в физическом и в нравственном отношении.

Я так давно жил здесь, что многие из взятых мною с корабля вещей или совсем испортились, или кончили свой век, а корабельные припасы частью совершенно вышли, частью подходили к концу.

Чернил у меня оставалось очень немного, и я всё больше и больше разводил их водой, пока они не стали такими бледными, что почти не оставляли следов на бумаге. До тех пор, пока у меня было хоть слабое их подобие, я отмечал в коротких словах дни месяца, на которые приходились выдающиеся события моей жизни.

Вслед за чернилами у меня вышел запас корабельных сухарей. Я растягивал их до последней возможности, и всё-таки до того, как я собрал со своего поля такое количество зерна, что можно было начать употреблять его в пищу, я почти год сидел без крошки хлеба.

Запасы одежды тоже сильно оскудели. Из белья у меня давно уже не оставалось ничего, кроме клетчатых рубах, которые я нашёл в сундуках наших матросов и берёг пуще глаза, ибо на моём острове бывало зачастую так жарко, что приходилось ходить в одной рубахе, и я не знаю, что бы я делал без этого запаса. Было у меня ещё несколько толстых матросских шинелей; все они хорошо сохранились, но я не мог их носить из-за жары. Собственно говоря, в таком жарком климате вовсе не было надобности одеваться; но я стыдился ходить нагишом; я не допускал даже мысли об этом.

К тому же, когда на мне было что-нибудь надето, я легче переносил солнечный зной. Никогда не мог я также привыкнуть ходить на солнце с непокрытой головой: всякий раз, когда я выходил без шляпы, у меня разбаливалась голова.

Итак, надо было привести в порядок хоть то тряпьё, какое у меня ещё оставалось и которое я торжественно именовал своим платьем. Прежде всего мне нужна была куртка. Я решил переделать на куртки матросские шинели. И вот я принялся портняжничать, или, вернее, кромсать и ковырять иглой. Как бы то ни было, я с грехом пополам состряпал две или три куртки, которых,

по моему расчёту, мне должно было надолго хватить. О первой моей попытке сшить брюки лучше не говорить, так как она окончилась постыдной неудачей.

Я уже говорил, что сохранял шкурки всех убитых мною животных. Каждую шкурку я просушивал на солнце, растянув на шестах. И по большей части они становились такими жёсткими, что едва ли могли на что-нибудь пригодиться, но некоторые из них были очень хороши. Первым делом я сшил себе из них большую шапку. Я сделал её мехом наружу, чтобы лучше предохранить себя от дождя. Шапка так мне удалась, что я решил соорудить себе из такого же материала полный костюм, то есть куртку и штаны. Их я сделал совершенно свободными, а последние — короткими до колен, ибо и то и другое было мне нужно скорее для защиты от солнца, чем для тепла. Покрой и работа, надо признаться, никуда не годились. Как бы то ни было, моё изделие отлично мне служило, особенно когда мне случалось выходить во время дождя: вся вода стекала по длинному меху шапки и куртки, и я оставался совершенно сухим.

После куртки и брюк я потратил очень много времени на изготовление зонтика, который был

очень мне нужен. Я видел, как делают зонтики в Бразилии: там никто не ходит без зонтика из-за жары, а на моём острове было ничуть не менее жарко, пожалуй, даже жарче, чем в Бразилии. Много времени прошло, прежде чем мне удалось сделать что-то похожее на зонтик (раза два или три я выбрасывал испорченный материал и начинал снова).

Главная трудность заключалась в том, чтобы он раскрывался и закрывался. Сделать раскрытый зонтик мне было легко, но тогда пришлось бы всегда носить его над головой, а это было неудобно. Но я преодолел эту трудность, и мой зонтик мог закрываться. Я обтянул его козьими шкурами мехом наружу: дождь стекал по нему, как по наклонной крыше, и он прекрасно защищал от солнца, а когда он был мне не нужен, закрывал его и нёс под мышкой.

Так я жил на моём острове тихо и спокойно.

* * *

Следующие пять лет прошли, насколько я могу припомнить, без всяких чрезвычайных событий. Жизнь моя протекала по-старому — тихо и мирно; я жил на прежнем месте и по-прежнему делил своё время между работой и охотой. Главным

моим занятием — конечно, помимо ежегодных работ по посеву и уборке хлеба и по сбору винограда (хлеба я засевал ровно столько, чтобы хватало на год, и с таким же расчётом собирал виноград) и не считая ежедневных экскурсий с ружьём, — главным моим занятием, говорю я, была постройка новой лодки. На этот раз я не только сделал лодку, но и спустил её на воду: я вывел её в бухточку по каналу (в шесть футов ширины и четыре глубины), который мне пришлось прорыть на протяжении полумили без малого. Первую мою лодку, как уже знает читатель, я сделал таких огромных размеров, не рассчитав заблаговременно, буду ли я в состоянии спустить её на воду, что принуждён был оставить её на месте постройки как памятник моей глупости. Действительно, в следующий раз я поступил гораздо практичнее. Правда, я и теперь построил лодку чуть не в полумиле от воды, так как ближе не нашёл подходящего дерева, но теперь я, по крайней мере, хорошо соразмерил её величину и тяжесть со своими силами. Видя, что моя затея на этот раз вполне осуществима, я твёрдо решил довести её до конца. Почти два года я провозился над сооружением лодки, но не жалел об этом: так я жаждал получить, наконец, возможность

пуститься в путь по морю.

Надо, однако, заметить, что новая пирога совершенно не подходила для осуществления моего первоначального намерения: она была так мала, что нечего было и думать переплыть на ней те сорок миль или больше, которые отделяли мой остров от материка. Таким образом, мне пришлось распроститься с этой мечтой. Но у меня явился новый план — объехать вокруг острова. Я уже побывал однажды на противоположном берегу, и открытия, которые я сделал в эту экскурсию, так заинтересовали меня, что мне ещё тогда очень хотелось осмотреть всё побережье острова. И вот теперь, когда у меня была лодка, я только и думал о том, как бы совершить эту поездку.

Чтобы осуществить это намерение, я сделал для своей лодки маленькую мачту и сшил соответствующий парус из кусков корабельной парусины.

Когда лодка была оснащена, я попробовал её ход и убедился, что парус действует отлично. Тогда я сделал на корме и на носу по большому ящику, чтобы провизия, заряды и прочие нужные вещи, которые я собирался взять в дорогу, не подмокли от дождя и от морских брызг. Для ружья я выдолбил в дне лодки узкий жёлоб и

для предохранения от сырости приделал к нему откидную крышку.

Затем я укрепил на корме раскрытый зонтик в виде мачты так, чтобы он защищал меня от солнца, подобно тенту. И вот я время от времени стал предпринимать небольшие прогулки по морю, но никогда не выходил в открытое море, стараясь держаться возле бухточки. Наконец желание ознакомиться с границами моего маленького царства победило, и я решил совершить свой рейс. Я запасся в дорогу всем необходимым, начиная с провизии и кончая одеждой. Я взял с собой два десятка ячменных лепёшек, большой глиняный горшок поджаренного риса, бутылочку рома и половину козьей туши; взял также пороха и дроби, чтобы пострелять ещё коз, а из одежды — две куртки, которые оказались в перевезённых мною с корабля матросских сундуках; одной из этих курток я предполагал пользоваться в качестве матраца, другой — укрываться.

Шестого ноября, в шестой год моего царствования, или, если угодно, пленения, я отправился в путь. Проездил я гораздо дольше, чем рассчитывал. Хотя мой остров сам по себе и невелик, но когда я приблизился к восточной его части, то увидел длинную гряду скал; она выдавалась миль

на шесть в открытое море, а дальше, за скалами, ещё мили на полторы тянулась песчаная отмель. Таким образом, чтобы обогнуть косу, пришлось сделать большой крюк.

Сначала, когда я увидел эти рифы, я хотел было отказаться от своего предприятия и повернуть назад, не зная, как далеко мне придётся углубиться в открытое море, чтобы обогнуть их; тем более что я не был уверен, смогу ли я повернуть назад. И вот я бросил якорь (перед отправлением в путь я смастерил себе некоторое его подобие из обломка шлюпочного якоря), взял ружьё и сошёл на берег. Взобравшись на довольно высокую гору, я смерил на глаз длину косы, которая отсюда была видна вся, и решился рискнуть.

Обозревая море с этой возвышенности, я заметил сильное и бурное течение, подходившее к самой косе. Тогда уже я подумал, что тут кроется опасность: что, если я попаду в это течение, меня может унести в море. Вероятно, так бы оно и было, если б я не произвёл разведки, потому что такое же морское течение виднелось и с другой стороны острова, только подальше, и я заметил сильное встречное течение у берега. Значит, мне нужно было выйти за пределы первого течения, и меня тотчас же должно было понести к берегу.

Я простоял, однако, на якоре два дня, так как дул свежий ветер и по всей косе ходили высокие буруны; было опасно и держаться подле берега из-за прибоя, и очень удаляться от него из-за течения.

На третий день ветер стих, море успокоилось, и утром я решился пуститься в путь. Но не успел я достичь косы, находясь от берега всего лишь на длину моей лодки, как очутился на большой глубине, среди течения, бурного, как вода из-под мельничного колеса. Лодку мою понесло с такой силой, что всё, что я мог сделать, — это держаться с краю течения. Между тем меня уносило всё дальше и дальше от встречного течения, оставшегося слева от меня. Ни малейший ветерок не приходил мне на помощь, работать же вёслами было пустой тратой сил. Я уже прощался с жизнью: я знал, что через несколько миль течение, в которое я попал, сольётся с другим течением, огибающим остров, и тогда я безвозвратно погиб. А между тем я не видел никакой возможности свернуть. Итак, меня ожидала верная смерть, и не в волнах морских, потому что море было довольно спокойно, а от голода. Правда, на берегу я нашёл черепаху, такую большую, что еле мог поднять, и взял её с собой в лодку. Был у меня

также полный кувшин пресной воды. Но что это значило для несчастного путника, затерявшегося в безбрежном океане, где можно пройти тысячи миль, не увидав и признаков земли.

На свой пустынный, заброшенный остров я смотрел теперь как на земной рай, и единственным моим желанием было вернуться в этот рай. Я упрекал себя в неблагодарности, вспоминая, как я роптал на своё одиночество. Чего бы я не дал теперь, чтобы очутиться вновь на том безлюдном берегу! Однако я грёб почти до потери сил, стараясь направить лодку на север, то есть к той стороне течения, которая приближалась к встречному течению. Вдруг после полудня, когда солнце повернуло на запад, с юго-востока, то есть прямо мне навстречу, потянул ветерок. Это немного меня ободрило. Но представьте мою радость, когда ветерок начал быстро свежеть и через полчаса задул как следует. К этому времени меня угнало бог знает на какое расстояние от моего острова. Поднимись на ту пору туман или соберись тучи, мне пришёл бы конец. Я поставил мачту, поднял парус и стал править на север, стараясь выбиться из течения.

Как только моя лодка повернула по ветру и пошла наперерез течению, я заметил в нём перемену: вода стала гораздо светлее. Это привело меня к заключению, что течение по какой-то причине начинает ослабевать, так как раньше вода была мутная. И в самом деле, вскоре я увидел на востоке группу утёсов (их можно было различить издалека по белой пене бурливших вокруг них волн); эти утёсы разделяли течение на две струи,

и в то время, как главная продолжала течь к югу, другая круто заворачивала назад и, образовав водоворот, стремительно направлялась на северо-запад.

Только те, кто знает по опыту, что значит получить помилование, стоя на эшафоте, или спастись от разбойников в последний момент, когда нож уже приставлен к горлу, поймут мой восторг при этом открытии и радость, с какой я направил свою лодку в обратную струю, подставив парус ещё более посвежевшему попутному ветру, и весело понёсся назад.

Это встречное течение принесло меня прямо к острову, но милях в шести севернее того места, откуда меня угнало в море, так что, приблизившись к острову, я оказался у северного берега его, то есть противоположного тому, от которого я отчалил.

Пройдя с помощью этого встречного течения около трёх миль, я заметил, что оно ослабевает и неспособно гнать меня дальше. Но теперь я был уже в виду острова, в совершенно спокойном месте, между двумя сильными течениями. Пользуясь попутным ветром, я продолжал держать на остров, хотя продвигался уже не так быстро.

Около четырёх часов пополудни, находясь

милях в трёх от острова, я обнаружил, что гряда скал, виновница моих злоключений, тянувшаяся к югу и в том же направлении отбрасывавшая течение, порождает другое, встречное течение в северном направлении; оно оказалось очень сильным, но не вполне совпадающим с направлением моего пути, шедшего на запад. Однако благодаря свежему ветру я пересёк это течение и приблизительно через час подошёл к острову на расстояние мили, где море было спокойно, так что я без труда причалил к берегу.

Почувствовав под собой твёрдую землю, я решил раз и навсегда отказаться от своего плана освобождения при помощи лодки. Затем, подкрепившись бывшей со мной едой, я провёл лодку в маленькую бухточку под деревья и, вконец обессиленный, прилёг.

Я был в большом затруднении, не зная, как мне доставить домой мою лодку. О том, чтобы вернуться прежней дорогой, то есть вокруг восточного берега острова, не могло быть и речи: я уж и так довольно натерпелся страху. Другая же дорога — вдоль западного берега — была мне совершенно незнакома, и у меня не было ни малейшего желания рисковать. Вот почему на другое утро я решил пройти по берегу на запад

и посмотреть, нет ли там бухточки, где бы я мог оставить свой фрегат в безопасности и затем воспользоваться им, когда понадобится. И действительно, милях в трёх я открыл отличный заливчик, который глубоко вдавался в берег, постепенно суживаясь и переходя в ручеёк. Сюда-то я и привёл мою лодку, словно в нарочно приготовленный док. Поставив и укрепив её, я сошёл на берег, чтобы посмотреть, где я.

Оказалось, что я был совсем близко от того места, где поставил шест в тот раз, когда приходил пешком на этот берег. Захватив с собой только ружьё да зонтик, я пустился в путь. После моего несчастного морского путешествия эта экскурсия показалась мне очень приятной. К вечеру я добрался до моей лесной дачи, где застал всё в исправности и в полном порядке.

Я перелез через ограду, улёгся в тени и, чувствуя страшную усталость, скоро заснул. Но каково было моё изумление, когда я был разбужен чьим-то голосом, звавшим меня по имени несколько раз: «Робин, Робин, Робин Крузо! Бедный Робин Крузо! Где ты, Робин Крузо? Где ты? Где ты был?»

Измученный утром греблей, а после полудня ходьбой, я спал таким мёртвым сном, что не мог сразу проснуться, и мне долго казалось, что я слышу этот голос во сне. Но от повторявшегося оклика: «Робин Крузо, Робин Крузо!» — я наконец

очнулся и в первый момент страшно испугался. Я вскочил, дико озираясь кругом, и вдруг, подняв голову, увидел на ограде своего Попку. Конечно, я сейчас же догадался, что это он меня окликал: таким же точно жалобным тоном я часто говорил ему эту самую фразу, и он отлично её затвердил; сядет, бывало, мне на палец, приблизит клюв к самому моему лицу и долбит: «Бедный Робин Крузо! Где ты? Где ты? Как ты сюда попал?» — и другие фразы, которым я научил его.

Но даже убедившись, что это был попугай, и понимая, что, кроме попугая, некому было заговорить со мной, я ещё долго не мог оправиться. Я совершенно не понимал, во-первых, как он попал на мою дачу, во-вторых, почему он прилетел именно сюда, а не в другое место. Но так как у меня не было ни малейшего сомнения в том, что это он, мой верный Попка, то, недолго думая, я протянул руку и назвал его по имени. Общительная птица сейчас же села мне на большой палец, как она это делала всегда, и снова заговорила: «Бедный Робин Крузо! Как ты сюда попал? Где ты был?» Он точно радовался, что снова видит меня. Уходя домой, я унёс его с собой.

* * *

Теперь у меня надолго пропала охота совершать прогулки по морю, и много дней я размышлял об опасностях, которым подвергался. Конечно, было бы хорошо иметь лодку по сю сторону острова, но я не мог придумать никакого способа привести её. О восточном побережье я не хотел и думать: я ни за что не рискнул бы обогнуть его ещё раз; от одной мысли об этом у меня замирало сердце и стыла кровь в жилах. Западные берега острова были мне совсем незнакомы. Но что, если течение по ту строну было так же сильно и быстро, как и по другую? В таком случае я подвергался опасности если не быть унесённым в открытое море, то быть разбитым о берега острова. Приняв всё это во внимание, я решил обойтись без лодки, несмотря на то, что её постройка и спуск на воду стоили мне многих месяцев тяжёлой работы.

Около года я вёл тихую, уединённую жизнь. Мои мысли пришли в полное равновесие; я чувствовал себя счастливым, покорившись воле провидения. Я ни в чём не терпел недостатка, за исключением человеческого общества.

В этот год я усовершенствовался во всех ремёслах, каких требовали условия моей жизни.

Думаю, из меня мог бы выйти отличный плотник. Ещё я научился пользоваться гончарным кругом — теперь вместо аляповатых, грубых изделий у меня выходили аккуратные вещи правильной формы.

Но никогда я, кажется, так не радовался и не гордился собой, как в тот день, когда мне удалось сделать трубку. Конечно, моя трубка была самая первобытная — из простой обожжённой глины, как и все мои гончарные изделия, и далеко не красивой, но она была достаточно крепка и хорошо тянула дым, а главное, это была всё-таки трубка, о которой я давно мечтал.

Я проявил также большую изобретательность в плетении корзин: у меня было их несметное множество самых разнообразных видов. Теперь, когда мне случалось застрелить козу, я подвешивал тушу на дерево, делил на части и приносил домой в корзине. То же и с черепахами: теперь мне было незачем тащить на спине целую черепаху; я мог отрезать кусок, какой мне нужно, уложить в корзину, а остальное оставить. В большие глубокие корзины я складывал зерно, которое вымолачивал, как только оно высыхало.

Мой запас пороха начинал заметно убывать. Эту убыль при всём желании я возместить не

мог, и меня не на шутку начинало заботить, что я буду делать, когда у меня выйдет весь порох, и как я буду охотиться. Я уже рассказывал, как на третий год моего житья на острове я поймал и приручил молодую козочку. Я надеялся поймать козлёнка, но всё не случалось. Так моя козочка и состарилась без потомства. Потом она околела от старости: у меня не хватило духу зарезать её.

Но на одиннадцатый год моего заточения, когда мой запас пороха начал истощаться, я стал серьёзно подумывать о применении какого-нибудь способа ловить коз живьём. Больше всего мне хотелось поймать матку с козлятами. Я начал с силков. Я поставил их несколько штук в разных местах. И козы попадались в них, но за неимением проволоки я делал силки из старых бечёвок, и всякий раз бечёвка оказывалась оборванной, а приманка съеденной.

Тогда я решил попробовать волчьи ямы. Зная места, где чаще всего паслись козы, я выкопал там три глубокие ямы, закрыл их плетёнками собственного изделия, присыпал землёй и набросал на них колосьев риса и ячменя. Я скоро убедился, что козы приходят и съедают колосья, так как кругом виднелись следы козьих ног. Тогда я устроил настоящие западни, но на другое

утро, обходя их, я увидел, что приманка съедена, а коз нет. Это было очень печально. Тем не менее я не пал духом: я изменил устройство ловушек, приладив крышки несколько иначе, и на другой же день нашёл в одной яме большого старого козла, а в другой — трёх козлят: одного самца и двух самок.

Старого козла я выпустил на волю, потому что не знал, что с ним делать. Он был такой дикий и злой, что взять его живым было нельзя, а убивать было незачем. Как только я приподнял плетёнку, он выскочил из ямы и пустился бежать со всех ног. Но я не знал в то время, что голод укрощает даже львов. Если б я тогда заставил моего козла поголодать дня три-четыре, а потом принёс бы ему поесть и напиться, он сделался бы смирным и ручным не хуже козлят. Козы вообще очень смышлёные животные, и, если с ними хорошо обращаться, их очень легко приручить. Выпустив козла, я подошёл к той яме, где сидели козлята, вынул их одного за другим, связал вместе верёвкой и притащил домой.

Довольно долго я не мог заставить козлят есть; однако бросив им несколько зелёных колосьев, я соблазнил их и затем мало-помалу приручил. И вот я задумал развести целое стадо, рассудив, что

это единственный способ обеспечить себя мясом к тому времени, когда у меня выйдут порох и дробь. Конечно, мне надо было отделить их от диких коз, так как, подрастая, все они убежали бы в лес. Против этого было лишь одно средство — держать их в загоне, огороженном прочным частоколом или плетнём так, чтобы козы не могли сломать его ни изнутри, ни снаружи.

Устроить такой загон было нелёгкой работой для одной пары рук. Но он был необходим. Поэтому я, не откладывая, принялся подыскивать подходящее место, то есть такое, где бы мои козы были обеспечены травой и водой и защищены от солнца.

Такое место скоро нашлось: это была широкая, ровная луговина; в двух-трёх местах по ней протекали ручейки с чистой, прозрачной водой, а с одного края была тенистая роща. По первоначальному плану изгородь должна была охватить собой весь луг, имевший по меньшей мере две мили в окружности. Но я не сообразил, что держать коз в таком громадном, хотя бы огороженном загоне, было всё равно что пустить их пастись по всему острову: они росли бы такими же дикими, и их было бы так же трудно ловить.

Я начал изгородь и вывел её ярдов на пятьдесят,

когда это соображение пришло мне в голову и заставило несколько изменить мой план. Я решил огородить кусок луга ярдов в полтораста длиной и в сто шириной и на первый раз ограничился этим. На таком выгоне могло пастись всё моё стадо, а к тому времени, когда оно разрослось бы, я всегда мог увеличить выгон.

Я рьяно принялся за работу. Первый участок я огораживал около трёх месяцев, и во время своей работы перевёл в загон всех трёх козлят, стреножив их и держа поблизости, чтобы приручить. Я часто приносил им ячменных колосьев или горсточку риса и давал есть из рук, так что, когда изгородь была окончена и я развязал их, они ходили за мной следом и блеяли, выпрашивая подачки. Это отвечало моей цели, и года через полтора у меня было двенадцать коз, считая и козлят, а ещё через два года моё стадо выросло до сорока трёх голов.

Итак, у меня был теперь неистощимый запас не только козьего мяса, но и молока. Последнее явилось для меня приятным сюрпризом, так как сначала я не думал о молоке, и только потом мне пришло в голову коз доить. Я устроил молочную ферму, с которой получал иной раз до двух галлонов молока в день. Никогда в жизни я не доил

корову, а тем более козу, и только в детстве видел, как делают масло и сыр, но, когда приспела нужда, научился — конечно, не сразу, а после многих неудачных опытов — и доить, и делать масло и сыр, и никогда потом не испытывал недостатка в этих продуктах. Никто не удержался бы от улыбки, если бы увидел меня с моим маленьким семейством, сидящим за обеденным столом. Прежде всего восседал я — его величество, король и повелитель острова, я мог казнить и миловать, дарить и отнимать свободу, и никто не выражал неудовольствия. Нужно было видеть, с каким королевским достоинством я обедал один, окружённый моими слугами. Одному только Попке, как фавориту, разрешалось беседовать со мной. Моя собака — она давно уже состарилась и одряхлела — садилась всегда по правую мою руку; а две кошки, одна — по одну сторону стола, а другая — по другую, не спускали с меня глаз в ожидании подачки, являвшейся знаком особого благоволения.

Но это были не те кошки, которых я привёз с корабля: те давно околели, и я собственноручно похоронил их подле моего жилья. Одна из них уже на острове окотилась, не знаю, от какого животного; я оставил у себя пару котят, и они

выросли ручными, а остальные убежали в лес и одичали. С течением времени они стали настоящим наказанием для меня: забирались ко мне в кладовую, таскали провизию и оставили меня в покое, только когда я пальнул в них из ружья и многих уложил наповал. Так жил я с этой свитой, в достатке и, можно сказать, ни в чём не нуждался, кроме человеческого общества. Впрочем, скоро в моих владениях появилось, пожалуй, слишком большое общество.

* * *

Хотя я твёрдо решил никогда больше не предпринимать рискованных морских путешествий, но всё-таки мне очень хотелось иметь лодку под руками для небольших экскурсий. Я часто думал о том, как бы мне перевести её на мою сторону острова, но всякий раз отказывался от этой затеи. Однако меня почему-то сильно тянуло сходить на ту горку, куда я взбирался в последнюю мою экскурсию, посмотреть, каковы очертания берегов и каково направление морского течения. Наконец я не выдержал и решил пойти туда пешком, вдоль берега.

Если бы у нас в Англии прохожий встретил человека в таком наряде, как я, он, я уверен, ша-

рахнулся бы от него в испуге или расхохотался бы. Разрешите мне сделать набросок моей внешности.

На голове у меня красовалась высокая бесформенная шапка из козьего меха со свисающим назад назатыльником, который прикрывал мою шею от солнца, а во время дождя не давал воде попадать за ворот.

Затем на мне был короткий камзол с полами, доходящими до половины бёдер, и штаны до колен, тоже из козьего меха; только на штаны у меня пошла шкура очень старого козла с такой длинной шерстью, что она закрывала мне ноги до половины икр. Чулок и башмаков у меня совсем не было, а вместо них я соорудил себе нечто вроде полусапог, застёгивающихся сбоку, как гетры, но самого варварского фасона.

Поверх куртки я надевал широкий кушак из козьей шкуры, но очищенный от шерсти; пряжку я заменил двумя ремешками, на которые затягивал кушак, а с боков пришил к нему ещё по петельке, но не для шпаги и кинжала, а для пилы и топора. Кроме того, я носил кожаный ремень через плечо с такими же застёжками, как на кушаке, но только поуже. К этому времени я приделал две сумки таким образом, чтобы они

приходились под левой рукой; в одной сумке я носил порох, в другой — дробь. На спине у меня болталась корзина, на плече я нёс ружьё, а над головой держал огромный меховой зонтик, крайне безобразный, но после ружья составлявший, пожалуй, самую необходимую принадлежность моей экипировки. Но зато цветом лица я менее походил на мулата, чем можно было бы ожидать, принимая во внимание, что я жил в девяти или десяти градусах от экватора и нимало не старался уберечься от загара. Бороду я одно время отпустил в полфута, но так как у меня был большой выбор ножниц и бритв, то я обстриг её довольно коротко, оставив только то, что росло на верхней губе в форме огромных мусульманских усов, — я видел такие у турок в Сале; длины они были невероятной — ну, не такой, конечно, чтобы повесить на них шапку, но всё же настолько внушительной, что в Англии пугали бы маленьких детей.

В описанном наряде я отправился в новое путешествие, продолжавшееся дней пять или шесть. Сначала я пошёл вдоль берега прямо к тому месту, куда приставал с моей лодкой, чтобы взойти на горку и осмотреть местность. Так как лодки со мной теперь не было, я направился к этой горке напрямик, более короткой дорогой. Но как

же я удивился, когда, взглянув на каменистую гряду, которую мне пришлось огибать на лодке, увидел совершенно спокойное, гладкое море! Ни волн, ни ряби, ни течения — ни там, ни в других местах.

Эта загадка поставила меня в тупик, и для её разрешения я решил наблюдать море в продолжение некоторого времени. Вскоре я убедился, что причиной этого течения является прилив, идущий с запада и соединяющийся с потоком вод какой-нибудь большой реки, впадающей неподалёку в море, и что, смотря по тому, дует ли ветер с запада или с севера, это течение то приближается к берегу, то удаляется от него. В самом деле, подождав до вечера, я снова поднялся на горку и ясно различил то же морское течение; только теперь оно проходило милях в полутора, а не у самого берега, как в тот раз, когда моя лодка попала в его струю и её унесло в море; значит, такая опасность угрожала бы ей не всегда.

Это открытие привело меня к заключению, что теперь ничто мне не мешает перевести лодку на мою сторону острова: стоит только выбрать время, когда течение удалится от берега. Но, когда я подумал о практическом осуществлении плана, воспоминание об опасности привело меня

в такой ужас, что я принял другое решение: построить ещё один челнок или пирогу и иметь в своём распоряжении две лодки: одну — на одной, другую — на другой стороне острова.

* * *

Теперь я перехожу к новому периоду моей жизни.

Однажды около полудня я шёл берегом моря, направляясь к своей лодке, и, к величайшему своему изумлению, вдруг увидел след голой человеческой ноги, ясно отпечатавшейся на песке. Я остановился как громом поражённый. Я прислушивался, озирался кругом, но не услышал и не увидел ничего подозрительного. Я взбежал вверх на откос, чтобы лучше осмотреть местность; опять спустился, ходил взад и вперёд по берегу — но других следов нигде не обнаружил. Я пошёл ещё раз взглянуть на отпечаток ноги, чтоб удостовериться, действительно ли это человеческий след и не вообразилось ли мне. Но нет, я не ошибся; это был, несомненно, отпечаток человеческой ступни. Как он сюда попал? Я терялся в догадках. В полном смятении, не чуя под собой земли, я пошёл в свою крепость. Я был охвачен невероятным ужасом: через каждые два-три шага я оглядывался назад, пугался каждого куста, каждого дерева, и каждый показавшийся

вдали пень принимал за человека. Невозможно описать, какие дикие мысли проносились в моей голове и какие нелепые решения принимал я всё время по дороге.

Добравшись до своего замка, я мгновенно очутился за оградой. Я даже не помнил, перелез ли я через ограду по приставной лестнице или вошёл через наружный ход в горе.

Всю ночь я не сомкнул глаз; страх терзал меня. Я был до такой степени потрясён, что воображе-

ние рисовало мне невероятные ужасы. В самом деле, кто мог забраться в эти места? Где лодка, которая привезла сюда человека? И где другие следы его ног? Да и каким образом мог попасть сюда человек?

И у меня возникало страшное предположение: это дикари с материка, лежавшего против моего острова. Вероятно, они попали на остров случайно: вышли в море на своей пироге и их пригнало сюда течением или ветром; они побывали на берегу, а потом опять ушли в море, потому что у них было так же мало желания оставаться в этой пустыне, как у меня видеть их здесь.

По мере того как я укреплялся в этой последней догадке, моё сердце наполнялось благодарностью за то, что тогда я не был в тех местах и они не заметили моей лодки, иначе они догадались бы, что на острове кто-то живёт, и пустились бы на поиски. Но тут меня пронизала страшная мысль: а что, если они видели мою лодку? Предположили, что здесь есть люди? Ведь если так, то они вернутся с целой ватагой своих соплеменников и съедят меня. А если не найдут, так всё равно увидят мои поля и выгоны, разорят мои пашни, угонят коз, и я умру с голоду.

Страх вытеснил из моей души всякую надежду.

Я упрекал себя в легкомыслии, из-за которого сеял лишь столько, чтобы мне хватало на год, точно не могло произойти случайности, помешавшей бы мне собрать посеянный хлеб. И упрёки показались мне столь справедливыми, что я решил впредь сеять с таким расчётом, чтобы уберечься от неожиданностей и запастись хлебом на два или три года.

В самом разгаре моих страхов, когда я бросался от предположения к предположению и ни на чём не мог остановиться, мне пришло в голову, что всё это лишь плод моего воображения, и не я ли сам оставил этот след, когда в предпоследний раз ходил смотреть свою лодку и потом возвращался домой? Положим, возвращался я обыкновенно другою дорогой; но разве не могло случиться, что я изменил своему обыкновению в тот раз? Это было давно, и мог ли я с уверенностью утверждать, что шёл именно той, а не этой дорогой? Конечно, я постарался уверить себя, что так оно и было, что это мой собственный след.

Эти мысли придали мне мужества, и я стал выходить из дому, ибо первые трое суток после сделанного мною открытия я не высовывал носа из своей крепости и начал даже голодать: я не держал дома больших запасов провизии. Ме-

ня тревожило также, что мои козы, которых я обыкновенно доил каждый вечер, остаются недоенными: я знал, что бедные животные должны от этого страдать и что у них может пропасть молоко. Мои опасения оправдались: многие козы захворали и почти перестали доиться.

Итак, ободрив себя уверенностью, что это след моей собственной ноги и что я воистину испугался собственной тени, я начал снова ходить на дачу доить коз. Но если бы вы видели, как несмело я шёл, с каким страхом озирался назад, как я был всегда начеку, готовый в каждый момент бросить свою корзину и пуститься наутёк ради спасения живота своего, вы приняли бы меня либо за преступника, терзаемого совестью, либо за человека, пережившего жестокий испуг, что и соответствовало истине.

Но после того, как я выходил в течение двух или трёх дней и не открыл ничего подозрительного, я сделался смелее. Я положительно начинал приходить к заключению, что всё это мои собственные фантазии, но чтобы уже не оставалось никаких сомнений, я решил ещё раз сходить на тот берег и сличить таинственный след с отпечатком моей ноги. Но когда я пришёл на то место, то для меня, во-первых, стало очевидным, что, когда я в тот раз

вышел из лодки и возвращался домой, я никоим образом не мог очутиться в этой стороне берега, а во-вторых, когда я сравнил следы, то моя нога оказалась значительно меньше. И опять меня обуял панический страх: я весь дрожал, как в лихорадке.

Я ушёл домой в полном убеждении, что на моём острове недавно побывали люди или по крайней мере один человек. Я даже готов был допустить, что остров обитаем, а отсюда следовало, что меня каждую минуту могут захватить врасплох. Но я совершенно не знал, как оградить себя от этой опасности.

К каким только нелепым решениям не приходит человек под влиянием страха! Если дикари, рассуждал я, найдут моих коз и увидят мои поля с растущим на них хлебом, они будут постоянно возвращаться на остров за новой добычей, а если они заметят моё жильё, то непременно примутся разыскивать его обитателей и доберутся до меня. Поэтому первой моей мыслью было переломать изгороди всех моих загонов и выпустить весь скот, затем перекопать оба поля и таким образом уничтожить всходы риса и ячменя, наконец, снести свою дачу, чтобы не осталось никаких признаков присутствия человека. Этот план сло-

жился у меня в первую ночь по возвращении из только что описанной экспедиции на тот берег.

Так велико было моё смятение, что я не мог заснуть всю ночь. Зато под утро, когда мой дух ослабел от долгого бдения, я уснул крепким сном и, проснувшись, почувствовал себя гораздо лучше. Теперь я начал рассуждать спокойнее, и, по зрелом размышлении, вот к чему я пришёл. Мой остров, богатый растительностью и лежащий недалеко от материка, был, конечно, не до такой степени заброшен людьми, как я воображал до сих пор, и хотя постоянных жителей на нём не было, но представлялось весьма вероятным, что дикари с материка приезжали на него иногда в своих пирогах; возможно было и то, что их пригоняло сюда течением или ветром; во всяком случае, они могли здесь бывать.

Но так как за пятнадцать лет, которые я прожил на острове, я до последнего времени не открыл и следа человеческого, то, стало быть, если дикари и приезжали сюда, они тотчас же снова уезжали и никогда не имели намерения водвориться здесь.

Следовательно, единственная опасность, какая могла мне грозить, была опасность наткнуться на них в один из этих редких наездов. Но так как они приезжали сюда не по доброй воле, а

их пригоняло ветром, то они спешили поскорее убраться домой, проведя на острове всего какую-нибудь ночь, чтобы не упустить отлива и успеть вернуться засветло.

Значит, мне нужно было только обеспечить себе безопасное убежище на случай их высадки на остров.

Мне пришлось теперь горько пожалеть, зачем я расширил пещеру за своей палаткой и вывел из неё ход наружу, за пределами моего укрепления. И вот, подумав, я решил построить вокруг моего жилья ещё одну ограду, тоже полукругом, на таком расстоянии от прежней стены, чтобы выход из пещеры пришёлся внутри укрепления. Впрочем, мне даже не понадобилось воздвигать новую стену: двойной ряд деревьев, которые я лет двенадцать назад посадил вдоль старой ограды, представлял уже и сам по себе надёжный оплот — так часто были насажены деревья и так сильно они разрослись. Оставалось только забить кольями промежутки между ними, чтобы превратить весь этот полукруг в сплошную, крепкую стену. Так я и сделал.

Теперь моя крепость была окружена двумя стенами. Внутреннюю стену я укрепил земляной насыпью футов в десять толщиной. Это было

ещё тогда, когда я расширил пещеру. Наружная же стена состояла из двойного ряда деревьев, между которыми я набил кольев, заложив пустое пространство внутри кусками старых канатов, обрубками дерева и всем, что только могло придать прочности моему брустверу и что оказалось у меня под рукой. Но я оставил в наружной стене семь небольших отверстий, настолько узких, что еле можно было просунуть в них руку. Эти отверстия должны были служить мне бойницами. Я вставил в каждое из них по мушкету (я перевёз к себе с корабля семь мушкетов). Мушкеты были у меня установлены на подставках, как пушки на лафетах, так что в какие-нибудь две минуты я мог разрядить все семь ружей. Много месяцев тяжёлой работы потратил я на возведение этого укрепления: мне всё казалось, что я не могу считать себя в безопасности, пока оно не будет готово.

Но мои труды не кончились на этом. Огромную площадь за наружной стеной я засадил теми похожими на иву деревьями, которые так хорошо принимались. Я думаю, что посадил их не менее двадцати тысяч штук. Но между деревьями и стеной я оставил довольно большое свободное пространство, чтобы мне было легче заметить

неприятеля, если бы таковой вздумал атаковать мою крепость.

Через два года перед моим жильём была уже молодая рощица, а ещё лет через пять-шесть его обступал высокий лес, почти непроходимый — так часто были насажены в нём деревья и так густо они разрослись. Никому в мире не пришло бы теперь в голову, что за этим лесом скрыто человеческое жильё. Чтобы входить в мою крепость и выходить из неё (так как я не оставил аллеи в лесу), я пользовался двумя лестницами, приставляя одну из них к сравнительно невысокому выступу в скале, на который ставил другую лестницу, так что, когда обе лестницы были убраны, ни одна живая душа не могла проникнуть ко мне, не сломав себе шею. Но даже допуская, что какому-нибудь смельчаку удалось бы благополучно спуститься с горы в мою сторону, он очутился бы всё-таки не в самой крепости, а за пределами её наружной стены.

Итак, я принял для своей безопасности все меры, какие только могла мне подсказать моя изобретательность.

Но, прилагая все старания, чтобы оградить себя от вторжения, я в то же время не забрасывал и других своих дел. Я по-прежнему тщательно

ходил за моим маленьким стадом. Мои козы кормили и одевали меня, а это избавляло от необходимости охотиться и таким образом сберегало не только мой порох, но и силы и время. Выгода была так ощутима, что мне, разумеется, не хотелось лишиться её.

Чтобы избежать этого несчастья, я решил, что у меня только два способа сохранить коз: или загонять на ночь всё стадо в пещеру (которую пришлось бы выкопать нарочно для этой цели), или устроить ещё два или три отдельных загончика в укромных местах, где бы их было трудно найти, и поместить в каждом из них по полдюжине молодых коз: тогда, если бы даже главное стадо погибло, у меня всё-таки осталось бы несколько коз, и я мог бы без особенных хлопот развести новое стадо. В конце концов я остановился на последнем проекте.

Я исходил весь остров, отыскивая самые глухие места, и наконец выбрал один уголок, такой уединённый, что лучшего нельзя было и желать. Это была небольшая полянка в низине, в чаще леса — того самого леса, где я заблудился, когда возвращался домой с восточной части острова. Вся полянка занимала около трёх акров; лес обступал её со всех сторон почти сплошной стеной,

образуя как бы естественную ограду; во всяком случае, устройство ограды потребовало от меня гораздо меньше труда, чем в других местах.

Я немедленно принялся за работу, и недели через четыре мой новый загон был огорожен настолько плотно, что можно было перевести в него коз.

Теперь это не представляло большого труда, так как новые поколения коз утратили свою природную дикость. Я, не откладывая, отделил от стада десять молодых коз и двух козлов и перевёл их в новый загон. Ещё некоторое время я употребил на окончательное укрепление изгороди и делал это не торопясь, очень медленно.

После своего открытия вот уже два года, как я распростился со своей прежней безмятежной жизнью. Каждый вечер я ложился с той мыслью, что, может быть, не доживу до утра, что ночью на меня нападут дикари, что они убьют меня и съедят, и этот страх до крайней степени угнетал мою душу.

Но возвращаюсь к рассказу. Обеспечив себя таким образом живым провиантом, я стал подыскивать другое укромное местечко для новой партии коз. Как-то раз во время этих поисков я добрался до западной оконечности острова, где

никогда не бывал до тех пор. Не доходя до берега, я поднялся на пригорок, и мне показалось, что вдали в море виднеется лодка. В одном из сундуков, перевезённых мною с нашего корабля, я нашёл несколько подзорных трубок, но их со мной не было, и я не мог различить, была ли то действительно лодка. Спускаясь к берегу с пригорка, я уже ничего не видел. Но с того дня я дал себе слово никогда не выходить из дому без подзорной трубы.

* * *

Добравшись до берега (это была часть острова, где я раньше не бывал), я не замедлил убедиться, что следы человеческих ног совсем не такая редкость на моём острове, как я воображал. Да, я убедился, что, не попади я по особенной милости Провидения на ту сторону острова, куда не приставали дикари, я бы давно уже знал, что посещения ими моего острова — самая обыкновенная вещь и что западные его берега служат им не только постоянной гаванью во время морских экскурсий, но и местом, где они справляют свои каннибальские пиры.

То, что я увидел, когда спустился с пригорка и подошёл к морю, буквально ошеломило меня.

Весь берег был усеян человеческими костями: черепами, скелетами, костями рук и ног. Не могу выразить, какой ужас охватил мою душу при виде этой картины. Мне было известно, что дикие племена часто воюют между собой. Должно быть, думал я, после каждой стычки победители привозят с материка своих военнопленных на это побережье, где по зверскому обычаю убивают и съедают их. В одном месте я заметил круглую, плотно утрамбованную площадку, посреди которой виднелись остатки костра: здесь-то, вероятно, и сидели бесчеловечные варвары, справляя свои ужасные пиры.

Всё это до того меня поразило, что я даже не сразу вспомнил об опасности, которой подвергался, оставаясь на этом берегу, — ужас перед возмутительным извращением человеческой природы, способной дойти до такой зверской жестокости, вытеснил из моей души всякий страх за себя. Я не раз слыхал о подобных проявлениях зверства, но никогда до тех пор мне не случалось видеть их самому. С крайним омерзением отвернулся я от ужасного зрелища, ни одной лишней минуты я не мог оставаться в этом месте; со всей быстротой, на какую был способен, я поднялся на пригорок и устремился назад, к своему жилью.

Я вернулся в свой замок и с того дня стал меньше бояться дикарей. На основании своих наблюдений я убедился, что эти варвары никогда не приезжали на остров за добычей — потому ли, что ни в чём не нуждались, или потому, что не рассчитывали чем-нибудь поживиться в таком пустынном месте: в лесистой части острова они, несомненно, бывали не раз, но, вероятно, не нашли там для себя ничего подходящего. Досто-

верно было одно: я прожил на острове без малого восемнадцать лет и до последнего времени ни разу не находил человеческих следов, из чего следовало, что я мог прожить здесь ещё столько же и не попасться на глаза дикарям, разве что наткнулся бы на них по собственной неосторожности. Но этого нечего было опасаться, так как единственной моей заботой было как можно лучше скрывать все признаки моего присутствия на острове и как можно реже выползать из своей норы, по крайней мере до тех пор, пока мне не представится лучшее общество, чем общество каннибалов.

Однако ужас и отвращение, внушённые мне этими дикими извергами и их бесчеловечным обычаем пожирать друг друга, повергли меня в мрачное настроение, и около двух лет я просидел безвыходно в той части острова, где были расположены мои земли, то есть две мои усадьбы — крепость под горой и лесная дача, и та полянка в чаще леса, на которой я устроил загон. За это время я ни разу не сходил взглянуть на свою пирогу: я даже стал подумывать о сооружении другой лодки, так как окончательно решил, что не стану и пытаться привести свою лодку с той стороны острова. Я не имел ни малейшего же-

лания столкнуться в море с дикарями, ибо знал, какая участь меня ожидает, если я попадусь им в руки.

* * *

Между тем время и уверенность в том, что дикари не могут открыть моё убежище, сделали своё дело: я перестал их бояться и зажил своей прежней мирной жизнью, с той лишь разницею, что теперь я стал осторожнее и принимал все меры, чтоб не попасться им на глаза. Главное, я остерегался стрелять, чтобы не привлечь внимание дикарей. К счастью, я мог теперь обходиться без охоты, так как вовремя позаботился обзавестись домашним скотом; несколько диких коз, которых я съел за это время, были пойманы с помощью силков или западнёй, так что за два года я, кажется, не сделал ни одного выстрела, хотя никогда не выходил без ружья. Больше того, я всегда засовывал за пояс пару пистолетов, найденных мной на корабле, и подвешивал на ремне через плечо остро отточенный тесак. Таким образом, вид у меня был теперь самый устрашающий: ружьё, топор, пара пистолетов и огромный тесак без ножен.

Итак, если откинуть в сторону необходимость

быть всегда настороже, жизнь моя вошла на некоторое время в своё прежнее покойное русло. В моём теперешнем положении я почти ни в чём не испытывал недостатка: мне кажется, что страх этих извергов-дикарей и, как последствие страха, вечная забота о своей безопасности сделали меня более равнодушным к житейским удобствам. День и ночь я думал только о том, как бы мне истребить несколько этих чудовищ во время их зверских развлечений и, если можно, спасти несчастную жертву, обречённую на съедение, которую они привезут с собой. Мне хотелось, если не удастся истребить этих извергов, хотя бы напугать их хорошенько и таким образом отвадить от моего острова. Однако это была пустая трата времени. Чтобы наказать людоедов, надо вступить с ними в бой, а что мог сделать один человек с двумя-тремя десятками этих варваров, вооружённых копьями и луками, из которых они умели попадать в цель не хуже, чем я из ружья.

Приходило мне в голову подвести мину под то место, где они разводили огонь, и заложить в неё пять-шесть фунтов пороху. Когда они зажгут свой костёр, порох воспламенится и взорвёт всё, что окажется поблизости. Но мне, во-первых, было жалко пороху, которого у меня оставалось

немного, а во-вторых, я не мог быть уверен, что взрыв произойдёт именно тогда, когда они соберутся у костра. В противном случае какой был бы из этого толк? Конечно, они испугались бы, но настолько ли, чтобы больше не появляться на острове? Так я и бросил эту затею. Думал я также устроить в подходящем месте засаду: спрятаться с тремя заряженными ружьями и выстрелить в дикарей в разгар их кровавой оргии, с полной уверенностью, что уложу на месте или раню двух-трёх человек каждым выстрелом, а потом выскочить из засады и напасть на них с пистолетами и тесаком. Я не сомневался, что при таком способе действия сумею управиться со всеми своими врагами, будь их хоть двадцать человек. Я несколько недель носился с этой мыслью: она до такой степени меня поглощала, что часто мне снилось, будто я стреляю в дикарей или бросаюсь на них из засады.

На некоторое время я до того увлёкся этим проектом, что потратил несколько дней на поиски подходящего места для предполагаемой засады. Я начал посещать место их сборищ и даже как-то освоился с ним. И всё же в те минуты, когда моя душа жаждала мести и ум был полон кровожадных планов избиения отвратительных,

пожирающих друг друга выродков, ужас при виде страшных следов кровавой расправы человека с человеком несколько глушил мою злобу.

Место для засады было наконец найдено, то есть, собственно говоря, я подыскал два укромных местечка: с одного из них я предполагал стрелять в дикарей, другое же должно было служить мне пунктом для предварительных наблюдений. Это был выступ на склоне холма, откуда я мог, оставаясь невидимым, следить за каждой приближавшейся к острову лодкой. Завидев издали пирогу с дикарями, я мог, прежде чем они успели бы высадиться, незаметно пробраться в ближайший лесок. Там в одном дереве было такое большое дупло, что я легко мог в нём спрятаться. Сидя в этом дупле, я мог отлично наблюдать за дикарями и, улучив момент, когда они столпятся в кучу и будут представлять удобную мишень, стрелять, но без промаха, так, чтобы уложить первым же выстрелом трёх-четырёх человек.

Как только было выбрано место засады, я стал готовиться к походу. Я тщательно осмотрел и привёл в порядок свои пистолеты, оба мушкета и охотничье ружьё. Мушкеты я зарядил семью пулями каждый: двумя большими кусками свинца и пятью пистолетными пулями; в охотничье

ружьё я всыпал хорошую горсть самой крупной дроби. Затем я заготовил пороху и пуль ещё для трёх зарядов и собрался в поход.

Когда мой план кампании был окончательно разработан и даже неоднократно приведён в исполнение в моём воображении, я начал ежедневно совершать экскурсии к вершине холма, который находился более чем в трёх милях от моего замка. Я целыми часами смотрел, не видно ли в море каких-нибудь судов и не подходит ли к острову пирога с дикарями. Месяца два или три я самым добросовестным образом отправлял мою караульную службу, но наконец это мне надоело, ибо за все три месяца я ни разу не увидел ничего похожего на лодку не только у берега, но и на всём пространстве океана, какое можно охватить глазом через подзорную трубу.

До тех пор, пока я аккуратно посещал свой наблюдательный пост, моё воинственное настроение не ослабевало, и я не находил ничего предосудительного в жестокой расправе, которую собирался учинить. Избиение двух-трёх десятков почти безоружных людей казалось мне делом самым обыкновенным.

Затем мне пришло в голову, что, каких бы зверских обычаев ни придерживались дикари,

меня это не касается. Меня они ничем не обидели, так за что же мне их убивать? Вот если б они напали на меня и мне пришлось бы защищать свою жизнь, тогда другое дело. Но пока я не был в их власти, пока они не знали даже о моём существовании и, следовательно, не могли иметь никаких коварных замыслов против меня, до тех пор и я не имел права на них нападать. Я подумал, что осуществление моего плана не только не принесёт мне избавления от дикарей, но приведёт меня к гибели. Ведь только в том случае я могу быть уверен, что избавился от них, если мне удастся перебить их всех до единого, и не только всех тех, которые высадятся в следующий раз, но и всех, которые будут являться потом. Если же хотя бы один из них ускользнёт и расскажет дома о случившемся, они нагрянут ко мне тысячами отомстить за смерть своих соплеменников! И я, таким образом, навлеку на себя верную гибель, которая в настоящее время вовсе мне не угрожала.

Взвесив все эти доводы, я решил, что вмешиваться в дела варваров было бы с моей стороны неблагоразумно и что мне следует как можно лучше скрывать свои следы, чтоб дикари не могли догадаться, что на острове обитает челове-

ческое существо.

* * *

В таком состоянии духа я пробыл около года. Всё это время я был так далёк от каких-либо поползновений расправиться с дикарями, что ни разу не взбирался на холм посмотреть, не видно ли их и не оставили ли они каких-нибудь следов своего недавнего пребывания на берегу: я боялся, как бы при виде этих извергов во мне снова не заговорило желание хорошенько проучить их, и я не соблазнился удобным случаем застать их врасплох. Я только увёл оттуда свою лодку и переправил её на восточную сторону острова, где для неё нашлась очень удобная бухточка, защищённая со всех сторон отвесными скалами. Я знал, что из-за течения дикари ни за что не решатся высадиться в этой бухточке.

Кроме того, я жил более замкнуто, чем когда-либо, и без крайней необходимости не выползал из своей норы. Правда, я регулярно ходил доить коз и присматривать за своим маленьким стадом в лесу, но это было в противоположной стороне острова, так что я не подвергался ни малейшей опасности. Можно было с уверенностью сказать, что дикари приезжали не за добычей и,

следовательно, не ходили в глубь острова. Я не сомневался, что они не раз побывали на берегу и до, и после того, как напуганный сделанным мною открытием, я стал осторожнее. Я с ужасом думал о том, какова была бы моя участь, если бы, не подозревая о грозящей мне опасности, я случайно наткнулся на них в то время, когда, полунагой и почти безоружный, я беззаботно разгуливал по всему острову в поисках дичи, обшаривая каждый кустик. Что было бы со мной, если бы вместо отпечатка человеческой ноги я увидел бы вдруг человек пятнадцать-двадцать дикарей, и они погнались бы за мной и, разумеется, настигли бы меня?

Сознание вечно грозящей опасности, под гнётом которого я жил последние годы, и никогда не покидавшие меня страх и тревога убили во мне всякую изобретательность и положили конец всем моим затеям касательно увеличения моего благосостояния и домашних удобств. Мне было не до забот об улучшении моего стола, когда я только и думал, как бы спасти свою жизнь. Я не смел ни вбить гвоздя, ни расколоть полена, боясь, что дикари могут услышать стук. Стрелять я и подавно не решался по той же причине. Но главное, на меня нападал неописуемый страх всякий раз,

когда мне приходилось разводить огонь, так как дым, который днём виден на большом расстоянии, всегда мог выдать меня. Ввиду этого я даже перенёс в новое помещение все те поделки (в том числе и гончарную мастерскую), для которых требовался огонь. Я забыл сказать, что как-то раз я, к несказанной моей радости, нашёл природную пещеру в скале, очень просторную внутри, куда, я уверен, ни один дикарь не отважился бы забраться, даже если бы он находился у самого входа в неё; только человеку, который, как я, нуждался в безопасном убежище, могла прийти фантазия залезть в эту дыру.

Устье пещеры находилось под высокой скалой, у подножия которой я рубил толстые сучья на уголь. Но прежде чем продолжать, я должен объяснить, зачем мне понадобился древесный уголь.

Как уже сказано, я боялся разводить огонь подле моего жилья — боялся из-за дыма; а между тем не мог же я не печь хлеба, не варить мяса, вообще обходиться без стряпни! Вот я и придумал заменить дрова углем, который почти не имеет дыма. Я видел в Англии, как добывают уголь, пережигая толстые сучья под слоем дёрна. То же стал делать и я. Я производил эту работу в лесу, перетаскивал

домой готовый уголь и жёг его вместо дров без риска выдать дымом моё местопребывание.

* * *

Так вот, в один из тех дней, когда я работал в лесу топором, я вдруг заметил за большим кустом небольшое углубление в скале. Меня заинтересовало, куда может вести этот ход; я пролез в него, хоть и с большим трудом, и очутился в пещере высотой в два человеческих роста. Но сознаюсь, что вылез оттуда гораздо скорее, чем залез. И немудрено: всматриваясь в темноту, я увидел два горящих глаза какого-то существа — человека или дьявола, не знаю, — они сверкали, как звёзды, отражая слабый дневной свет, проникающий в пещеру снаружи.

Немного погодя я опомнился и обозвал себя дураком. Кто прожил двадцать лет один-одинёшенек среди океана, тому нечего бояться, сказал я себе. Наверное, уж в этой пещере нет никого страшнее меня! И, набравшись храбрости, захватил горящую головню и снова залез в пещеру. Но не успел я ступить и трёх шагов, освещая себе путь головешкой, как попятился назад, перепуганный чуть ли не больше прежнего: я услышал громкий вздох, как вздыхают от

боли, затем какие-то прерывистые звуки вроде бормотанья и опять тяжкий вздох. Я оцепенел от ужаса; холодный пот выступил у меня по всему телу, и волосы встали дыбом… Тем не менее я не потерял присутствия духа, снова двинулся вперёд и при свете факела, который держал над головой, увидел на земле огромного страшного старого козла. Он лежал неподвижно и тяжело дышал в предсмертной агонии: по-видимому, он околевал от старости.

Я пошевелил его ногой, чтобы заставить подняться. Он попробовал встать, но не мог. Пускай его лежит, покуда жив, подумал я тогда; если он меня напугал, то, наверно, не меньше напугает каждого дикаря, который вздумает сунуться сюда.

Оправившись от испуга, я стал осматриваться кругом. Пещера была очень маленькая — около двенадцати квадратных футов, — крайне бесформенная: ни круглая, ни квадратная, — было ясно, что здесь работала одна природа, без всякого участия человеческих рук. Я заметил также в глубине её отверстие, уходившее ещё дальше под землю, но настолько узкое, что пролезть в него можно было только ползком. Не зная, куда ведёт этот ход, я не захотел без свечи проникнуть в

него, но решил прийти сюда снова на другой день со свечами, с коробочкой для трута, которую я смастерил из ружейного замка, и горящим углем в миске.

Так я и сделал. Я взял с собой шесть больших свечей из козьего жира собственного изделия и вернулся в пещеру. Подойдя к узкому ходу в глубине пещеры я вынужден был стать на четвереньки и ползти в таком положении десять ярдов, что было довольно смелым поступком с моей стороны, если принять во внимание, что я не знал, куда ведёт этот ход и что ожидает меня впереди. Миновав самую узкую часть прохода, я увидел, что он начинает всё больше расширяться, и тут глаза мои были поражены зрелищем, великолепнее которого я на моём острове ничего не видал. Я стоял в просторном гроте футов в двадцать вышиной; пламя моих двух свечей отражалось от стен и свода, и они отсвечивали тысячами разноцветных огней. Были ли то алмазы, или другие драгоценные камни, или же — что казалось всего вернее — золото?

Я находился в восхитительном, хотя и совершенно тёмном, гроте с сухим и ровным дном, покрытым мелким песком. Нигде никаких признаков плесени или сырости; нигде ни следа

отвратительных насекомых и ядовитых гадов. Единственное неудобство — узкий ход, но для меня это неудобство было преимуществом, так как я хлопотал о безопасном убежище, а безопаснее этого трудно было сыскать. Я был в восторге от своего открытия и решил, не откладывая, перенести в мой грот все те свои вещи, которыми я особенно дорожил, и прежде всего порох и всё запасное оружие, а именно: два охотничьих ружья (всех ружей у меня было три) и три из восьми находившихся в моём распоряжении мушкетов. Таким образом, в моей крепости осталось только пять мушкетов, которые у меня всегда были заряжены и стояли на лафетах, как пушки, у моей наружной ограды, но всегда были к моим услугам, если я собирался в какой-нибудь поход.

Перетаскивая в новое помещение порох и запасное оружие, я заодно откупорил и бочонок с подмоченным порохом. Оказалось, что вода проникла в бочонок только на три-четыре дюйма кругом; подмокший порох затвердел и ссохся в крепкую корку, в которой остальной порох лежал как ядро ореха в скорлупе. Таким образом, я неожиданно разбогател ещё фунтов на шестьдесят очень хорошего пороху. Это был весьма приятный сюрприз. Весь этот порох я перенёс в

мой грот для большей сохранности и никогда не держал в своей крепости более трёх фунтов на всякий случай. Туда же я перетащил и весь свой запас свинца, из которого я делал пули.

Я воображал себя в то время одним из древних великанов, которые, говорят, жили в расщелинах скал и в пещерах, неприступных для простых смертных. Пусть хоть пятьсот дикарей рыщут по острову, разыскивая меня: они не откроют моего убежища, говорил я себе, а если даже и откроют, так всё равно не посмеют проникнуть ко мне.

Старый козёл, которого я нашёл издыхающим при входе в пещеру, на другой же день околел. Во избежание зловония от разлагающегося трупа я закопал его в яму, вырыв её тут же, в пещере; это было легче, чем вытаскивать его вон.

Шёл уже двадцать третий год моего житья на острове, и я успел до такой степени освоиться с этой жизнью, что, если бы не страх перед дикарями, которые могли потревожить меня, я бы охотно согласился провести здесь весь остаток моих дней до последнего часа. Я придумал себе несколько маленьких развлечений, и время протекало для меня гораздо веселее, чем прежде. Во-первых, я научил говорить своего Попку, и он так мило болтал, произносил слова так раздельно

и внятно, что было большим удовольствием слушать его. Он прожил у меня не менее двадцати шести лет. Как долго жил он потом, я не знаю; впрочем, я слышал, что попугаи живут по сто лет. Может быть, верный мой Попка и теперь ещё летает по острову, призывая бедного Робина Крузо. Мой пёс был мне верным и преданным другом в течение шестнадцати лет, но он околел от старости. Что касается моих кошек, то, как я уже говорил, они так расплодились, что я принуждён был стрелять по ним несколько раз, иначе они загрызли бы меня и уничтожили бы все мои запасы. Когда две старые кошки, взятые мной с корабля, издохли, я продолжал распугивать остальных выстрелами и не давал им есть, так что в заключение все они удрали в лес и одичали. Я оставил у себя только двух или трёх любимиц, которых приручил и потомство которых неизменно топил, как только оно появлялось на свет; они стали членами моей разношёрстной семьи. Кроме того, я всегда держал при себе двух-трёх козлят, приучая их есть из моих рук. Было у меня ещё два попугая, не считая старого Попки; оба они тоже умели говорить и оба выкликали: «Робин Крузо», но далеко не так хорошо, как первый. Затем я поймал и приручил несколько морских

птиц. Всем им я подрезал крылья, так что они не могли улететь. Молодые деревца, посаженные мною перед крепостью, чтоб лучше скрыть её на случай появления дикарей, разрослись в густую рощу, и мои птицы поселились в этой роще и плодились, что меня очень радовало. Таким образом, я чувствовал себя спокойно и хорошо и был бы совершенно доволен своею судьбой, если б мог избавиться от страха перед дикарями.

Но судьба судила иначе.

* * *

Итак, шёл двадцать третий год моего заточения. Наступил декабрь — время южного солнцестояния, а для меня — время уборки хлеба, требовавшей постоянного моего присутствия на полях. И вот однажды, выйдя из дому перед рассветом, я был поражён, увидев огонь на берегу, милях в двух от моего жилья и, к великому моему ужасу, не в той стороне острова, где, по моим наблюдениям, высаживались посещавшие его дикари, а в той, где жил я сам.

Я был поистине сражён тем, что увидел, и притаился в своей роще, не смея ступить дальше ни шагу, чтобы не наткнуться на нежданных гостей. Но и в роще я не чувствовал себя спокойно, я

боялся: если дикари начнут шнырять по острову и увидят мои поля с растущим на них хлебом или что-нибудь из моих работ, они сейчас же догадаются, что на острове живут люди, и не успокоятся, пока не разыщут меня. Подгоняемый страхом, я живо вернулся в свою крепость, поднял за собой лестницу, чтоб замести следы, и начал готовиться к обороне.

Я зарядил все мои мушкеты и пистолеты и решил защищаться до последнего вздоха. В этом положении я пробыл два часа, не получая никаких вестей извне: у меня не было лазутчиков, чтобы провести разведку.

Просидев так ещё несколько времени и истощив своё воображение, я не в силах был выносить далее неизвестность и полез на гору способом, описанным выше, то есть при помощи лестницы, приставляя её к уступу горы, спускавшейся в мою сторону. Добравшись до самой вершины, я вынул из кармана подзорную трубу, лёг животом на землю и, направив трубу на то место берега, где я видел огонь, стал смотреть. Я увидел человек десять голых дикарей, сидевших кружком подле костра. Конечно, костёр они развели не для того, чтобы погреться, так как стояла страшная жара, а затем, чтобы состряпать свой варварский обед

из человечьего мяса.

Дикари приехали в двух лодках, которые теперь лежали на берегу: было время отлива, и они, видимо, дожидались прилива, чтобы пуститься в обратный путь. Вы не можете себе представить, в какое смятение повергло меня это зрелище, а главное, то, что они высадились на моей стороне острова, так близко от моего жилья. Впрочем, потом я немного успокоился, сообразив, что, вероятно, они всегда приезжают во время прилива и что, следовательно, во всё время отлива я смело могу выходить, если только они не высадились до его начала. Это наблюдение успокоило меня, и я как ни в чём не бывало продолжал уборку урожая.

Как я ожидал, так и вышло: лишь только начался прилив, дикари сели в лодки и отчалили. Я забыл сказать, что за час или за полтора до отъезда они плясали на берегу: я ясно различал в подзорную трубу их странные телодвижения и прыжки. Я видел также, что все они были нагишом, но были ли то мужчины или женщины — не мог разобрать.

Как только они отчалили, я спустился с горы, вскинул на плечи оба свои ружья, заткнул за пояс два пистолета, тесак без ножен и, не теряя вре-

мени, отправился к тому холму, откуда впервые заметил появление этих людей. Добравшись туда (что заняло не менее двух часов), я взглянул в сторону моря и увидел ещё три лодки с дикарями, направлявшиеся от острова к материку.

Это открытие подействовало на меня удручающим образом, особенно когда, спустившись к берегу, я увидел остатки только что справлявшегося там пиршества. Меня охватило такое негодование при виде этой картины, что я снова стал обдумывать план уничтожения первой же группы варваров, которую я увижу на берегу, как бы ни была она многочисленна.

Не подлежало, однако, сомнению, что дикари посещают мой остров очень редко: прошло пятнадцать с лишним месяцев со дня последнего их визита, и за всё это время я не видел ни их самих, ни свежих следов человеческих ног, вообще ничего такого, что бы указывало на недавнее их присутствие на берегу. В дождливый же сезон они, наверно, совсем не бывали на моём острове — вероятно, не отваживались выходить из дому, по крайней мере так далеко. Тем не менее все эти пятнадцать месяцев я не знал покоя, ежеминутно ожидая, что ко мне нагрянут незваные гости и нападут на меня врасплох.

Не могу выразить, каким тревожным временем были для меня эти пятнадцать месяцев. Я плохо спал, каждую ночь видел страшные сны и часто просыпался в испуге. Я и днём не знал ни минуты покоя.

В середине мая, а именно 16-го, если верить моему жалкому деревянному календарю, на котором я продолжал отмечать числа, с утра до вечера бушевала сильная буря с грозой, и день сменился такою же бурною ночью. Вдруг я услышал пушечный выстрел, как мне показалось, со стороны моря.

Я вздрогнул от неожиданности; но эта неожи-

данность не имела ничего общего с теми сюрпризами, какие судьба посылала мне до сих пор. Боясь потерять хотя бы секунду драгоценного времени, я сорвался с места, мигом приставил лестницу к уступу горы и стал карабкаться наверх. Едва я успел взобраться на вершину, как передо мной блеснул огонёк выстрела, и через полминуты раздался второй пушечный выстрел. По направлению звука я без труда различил, что стреляют в той части моря, куда когда-то меня угнало течением вместе с моей лодкой.

Я догадался, что это какой-нибудь погибающий корабль подаёт сигналы о своём бедственном положении и что невдалеке находится другой корабль, к которому он взывает о помощи. Несмотря на всё волнение, я сохранил присутствие духа и успел сообразить, что если я не могу выручить из беды этих людей, зато они, может быть, выручат меня. Не теряя времени, я собрал весь валежник, какой нашёлся поблизости, сложил его в кучу и зажёг. Сухое дерево сразу занялось, несмотря на сильный ветер, и так хорошо разгорелось, что с корабля — если только это действительно был корабль — не могли не заметить моего костра. И он был, несомненно, замечен, потому что, как только вспыхнуло пламя, раздался новый

пушечный выстрел, потом ещё и ещё, всё с той же стороны. Я поддерживал костёр всю ночь до рассвета, а когда совсем рассвело и небо прояснилось, я увидел в море с восточной стороны острова, но очень далеко от берега не то парус, не то кузов корабля — я не мог разобрать даже в подзорную трубу из-за тумана, который на море ещё не совсем рассеялся.

Весь день я наблюдал за видневшимся в море предметом и вскоре убедился, что он неподвижен. Я заключил, что это стоящий на якоре корабль. Легко представить, как не терпелось мне удостовериться в правильности моей догадки; я схватил ружьё и побежал на юго-восточный берег, к скалам, где я когда-то был унесён течением. Погода между тем совершенно прояснилась, и, придя на место, я, к великому моему огорчению, отчётливо увидел кузов корабля, наскочившего ночью на подводные рифы.

Должно быть, эти люди, кто б они ни были, не зная о существовании рифов, наскочили на них ночью из-за сильного восточно-северо-восточного ветра. Если бы на корабле заметили остров, то спустили бы шлюпки и попытались бы добраться до берега. Но то обстоятельство, что там палили из пушек, особенно после того, как я

зажёг свой костёр, породило во мне множество предположений: то я воображал, что, увидев мой костёр, они сели в шлюпку и стали грести к берегу, но не могли выгрести из-за волнения и потонули; то мне казалось, что они лишились всех своих шлюпок ещё до крушения, что могло случиться вследствие многих причин: например, при сильном волнении, когда судно зарывается в воду, очень часто приходится выбрасывать за борт или ломать шлюпки. Возможно было и то, что погибший корабль был лишь одним из двух или нескольких судов, следовавших в одном направлении, и что, услыхав сигнальные выстрелы, эти последние корабли подобрали всех бывших на нём людей. Наконец, могло случиться и так: спустившись в шлюпку, экипаж корабля попал в упомянутое выше течение и был унесён в открытое море на верную смерть, и теперь эти несчастные умирают от голода и готовы съесть друг друга.

Так как всё это были простые догадки, то в моём положении я мог только пожалеть несчастных. Трудно было допустить, чтобы кому-нибудь из людей удалось спастись в такую страшную бурю, если только их не подобрало другое судно, находившееся поблизости. Но ведь это была лишь

возможность, да и то очень слабая: по крайней мере, никаких следов другого корабля я не видел.

Где я найду слова, чтобы передать ту страстную тоску, те горячие желания, которые овладели мной, когда я увидел корабль? С моих губ, помимо моей воли, беспрестанно слетали слова: «Ах, если бы хоть два или три человека… нет, хоть бы один из них спасся и приплыл ко мне! Тогда у меня был бы товарищ, был бы живой человек, с которым я мог бы разговаривать». Ни разу за все долгие годы моей отшельнической жизни не испытал я такой настоятельной потребности в обществе людей и ни разу не почувствовал так больно своего одиночества.

Через несколько дней я сделал одно печальное открытие: нашёл на берегу, против того места, где разбился корабль, труп утонувшего юнги. На нём были короткие холщовые штаны, синяя холщовая же рубаха и матросская куртка. Ни по каким признакам нельзя было определить его национальность: в карманах у него не оказалось ничего, кроме двух золотых монет да трубки, и, разумеется, последней находке я обрадовался гораздо больше, чем первой.

После бури наступил полный штиль, и мне очень хотелось попробовать добраться в лодке до корабля. Я был уверен, что найду там много такого, что может мне пригодиться; но, собственно, не это прельщало меня, а надежда, что, может быть, на корабле осталось какое-нибудь живое существо, которое я могу спасти от смерти и таким образом скрасить свою печальную жизнь. Эта мысль овладела всей моей душой: я чувствовал, что ни днём, ни ночью не буду знать покоя, пока не попытаюсь добраться в лодке до корабля.

Я поспешил вернуться в свой замок и стал готовиться к поездке. Я взял хлеба, большой кувшин пресной воды, компас, бутылку рома (которого у меня оставался ещё изрядный запас), корзину с изюмом и, навьючив на себя всю эту кладь,

отправился к своей лодке, выкачал из неё воду, спустил в море, сложил в неё всё, что принёс, и вернулся домой за новым грузом. На этот раз я взял большой мешок риса, второй большой кувшин с пресной водой, десятка два небольших ячменных лепёшек, бутылку козьего молока, кусок сыру и зонтик, который должен был служить мне тентом. Всё это я перетащил в лодку и отчалил. Стараясь держаться поближе к берегу, я прошёл на вёслах всё расстояние до северо-восточной оконечности острова. Отсюда мне предстояло пуститься в открытое море. Риск был большой. Идти или нет? Я взглянул на быструю струю морского течения, огибавшего остров на некотором расстоянии от берега, вспомнил свою первую экскурсию, вспомнил, какой страшной опасности я тогда подвергался, и решимость начала мне изменять; я знал, что, если я попаду в струю течения, меня унесёт далеко от берега, и я могу даже потерять из виду мой островок, а тогда стоит лишь подняться свежему ветру, чтобы мою лодчонку залило водой.

Эти мысли так меня обескуражили, что я готов был отказаться от своего предприятия. Я причалил к берегу в маленькой бухточке, вышел из лодки и сел на пригорок, колеблясь между

желанием побывать на корабле и страхом перед опасностями, меня ожидающими. В то время как я был погружён в свои размышления, на море начался прилив, и волей-неволей я должен был отложить своё путешествие на несколько часов. Тогда мне пришло в голову, что хорошо бы воспользоваться этим временем и, забравшись на какое-нибудь высокое место, удостовериться, как направляется течение при приливе и нельзя ли будет воспользоваться этим течением на обратном пути с корабля на остров. Не успел я это подумать, как увидал невдалеке горку, невысокую, но на открытом месте, так что с неё должно было быть видно море по обе стороны острова и направление течений. Поднявшись на эту горку, я не замедлил убедиться, что течение отлива идёт с южной стороны острова, а течение прилива — с северной стороны и что, следовательно, при возвращении с корабля мне нужно будет держать курс на север острова, и я доберусь до берега вполне благополучно.

Ободрённый этим открытием, я решил пуститься в путь на следующее же утро, как только начнётся отлив. Переночевал я в лодке, укрывшись матросской курткой, а наутро вышел в море. Сначала я взял курс прямо на север и шёл

этим курсом, пока не попал в струю течения, направлявшегося на восток. Меня понесло очень быстро, но всё же не с такой быстротой, с какой несло меня южное течение в первую мою поездку. Тогда я совершенно не мог управлять лодкой, теперь же свободно действовал рулевым веслом и нёсся прямо к кораблю. Я добрался до него менее чем через два часа.

Грустное зрелище открылось мне: корабль (по виду испанский) застрял между двух утёсов. Вся корма была снесена; грот- и фок-мачту срезало до основания, но бушприт и вообще вся носовая часть уцелели. Когда я подошёл к борту, на палубе показалась собака. Увидев меня, она принялась выть и визжать, а когда я поманил её, спрыгнула в воду и подплыла ко мне. Я взял её в лодку. Бедное животное буквально умирало от голода. Я дал ей хлеба, и она набросилась на него, как изголодавшийся за зиму волк. Когда она наелась, я поставил перед ней воду, и она стала так жадно лакать, что, наверное, лопнула бы, если бы дать ей волю.

Затем я поднялся на корабль. Первое, что я там увидел, были два трупа: они лежали у входа в рубку, крепко сцепившись руками. По всей вероятности, когда корабль наскочил на камень, его

всё время обдавало водой, так как была сильная буря, и весь экипаж захлебнулся, как если б он пошёл на дно. Кроме собаки на корабле не было ни одного живого существа, и все оставшиеся на нём товары подмокли. Я видел в трюме какие-то бочонки, с вином или с водкой — не знаю, но они были так велики, что я не пытался их достать. Было там ещё несколько сундуков, должно быть, принадлежавших матросам; два сундука я переправил на лодку, не открывая.

Если бы вместо носовой части уцелела корма, я бы, наверно, воротился с богатой добычей: по крайней мере судя по содержимому двух взятых мною сундуков, можно было предположить, что корабль вёз очень ценные вещи. Вероятно, он шёл из южной части Америки, мимо берегов Бразилии в Гавану или вообще в Мексиканский залив, а оттуда — в Испанию. Несомненно, на нём были большие богатства, но в этот момент никому от них не было проку.

Кроме сундуков, я взял ещё бочонок с каким-то спиртным напитком. Бочонок был небольшой — около двадцати галлонов вместимостью, — но всё-таки мне стоило большого труда перетащить его в лодку. В каюте я нашёл несколько мушкетов и фунта четыре пороха в пороховнице; мушкеты я оставил, так как они были мне не нужны, а порох взял. Я взял лопаточку для угля и каминные щипцы, в которых очень нуждался, затем два медных котелка, медный кофейник и рашпер. Со

всем этим грузом и собакой я отчалил от корабля, так как уже начинался прилив, и в тот же день, к часу ночи, вернулся на остров, изнеможённый до последней степени.

Я провёл ночь в лодке, а утром решил перенести свою добычу в новый грот, чтобы не тащить её к себе в крепость. Подкрепившись, я выгрузил на берег привезённые вещи и произвёл подробный осмотр их. В бочонке оказался ром, но весьма неважный, совсем не такой, как тот, что был у нас в Бразилии; зато в сундуках я нашёл несколько полезных вещей, например изящной работы погребец, уставленный бутылками какой-то особенной формы, с серебряными пробками (в каждой бутылке было до трёх пинт очень хорошей настойки); затем две банки отличного варенья, так плотно закупоренных, что в них не попало ни капли морской воды, и ещё две банки, содержимое которых подмокло. В том же сундуке лежало несколько штук очень хороших рубах, которые были для меня очень приятной находкой; затем около полутора дюжин белых полотняных носовых платков и столько же цветных шейных; первым я очень обрадовался, представив себе, как будет приятно в жаркие дни утирать вспотевшее лицо тонким полотном. На дне сундука

я нашёл три больших мешка с деньгами; всего в них было тысяча сто серебряных восьмериков, а в одном оказалось ещё шесть золотых дублонов[12], завёрнутых в бумагу, и несколько небольших слитков золота весом, я думаю, около фунта.

В другом сундуке было несколько пар платья, но похуже. Вообще, судя по содержимому этого сундука, он принадлежал корабельному артиллеристу: в нём оказалось около двух фунтов прекрасного пороха в трёх фляжках, должно быть, для охотничьих ружей. В общем, в эту поездку я приобрёл очень немного полезных мне вещей. Деньги же не представляли для меня никакой ценности, это был ненужный сор, и всё своё золото я бы охотно отдал за три-четыре пары английских башмаков и чулок, которых я не носил уже несколько лет. Правда, я раздобыл четыре пары башмаков за эту поездку: две пары снял с двух мертвецов, которых нашёл на корабле, да две оказались в одном из сундуков. Конечно, башмаки пришлись мне очень кстати, но ни по удобству, ни по прочности они не могли сравниться с английской обувью: это были скорее туфли, чем башмаки. Во втором сундуке я нашёл

[12] Примечания: 12

Золотые дублоны — испанская денежная единица, распространённая также в испано-американских колониях.

ещё пятьдесят штук разной звонкой монеты, но не золотой. Вероятно, первый сундук принадлежал офицеру, а второй — человеку победнее.

Тем не менее я принёс эти деньги в пещеру и спрятал. Было очень жаль, что я не мог завладеть богатствами, содержавшимися в корме погибшего корабля: наверное, я мог бы нагрузить ими лодку несколько раз. Если бы мне удалось вырваться отсюда в Англию, деньги остались бы в сохранности в гроте, и, вернувшись, я захватил бы их.

Переправив в мой грот все привезённые вещи, я вернулся к лодке, отвёл её на прежнюю стоянку и вытащил на берег, а сам отправился прямой дорогой в своё старое жилище, где всё оказалось в полной неприкосновенности. Я снова зажил своей прежней мирной жизнью, справляя помаленьку свои домашние дела. Но в последние годы я был осторожнее, чаще производил рекогносцировку и реже выходил из дому. Только восточная сторона острова не внушала мне опасений: я знал, что дикари никогда не высаживаются на том берегу; поэтому, отправляясь в ту сторону, я мог не принимать таких мер предосторожности и не тащить на себе столько оружия, как в тех случаях, когда мой путь лежал в одну из других

частей острова.

* * *

Так прожил я почти два года, но все эти два года в моей несчастной голове роились всевозможные планы, как бы мне бежать с моего острова. Иногда я решал предпринять новое путешествие к обломкам погибшего корабля, хотя рассудок говорил мне, что там не могло остаться ничего такого, что окупило бы риск моей поездки; иногда затевал другие поездки. И я убеждён, что, будь в моём распоряжении такой баркас, как тот, на котором я бежал из Сале, я пустился бы в море очертя голову, даже не заботясь о том, куда меня занесёт.

Однажды ночью, в мартовский период дождей, на двадцать четвёртом году своей отшельнической жизни, я лежал на койке, совершенно здоровый, не угнетаемый мрачными мыслями, в отличном самочувствии, но не мог сомкнуть глаз ни на минуту.

Я думал о том, в какой части света живут эти дикари, как далеко от моего острова их земли, ради чего они пускаются в такую даль и что у них за лодки; и, наконец, не могу ли я найти способ переправиться к ним, как они переправлялись

ко мне. Я не давал себе труда задуматься над тем, есть ли у меня хоть какая-нибудь возможность добраться до материка, не будучи замеченным ими; я не думал и о том, как я устроюсь со своим пропитанием и куда направлю свой путь, если мне посчастливится ускользнуть от врагов. Ни один из этих вопросов не приходил мне в голову: до такой степени я был поглощён мыслью попасть в лодке на материк. Я не мог думать ни о чём другом.

План этот волновал мои мысли часа два или больше, вся кровь моя кипела, и пульс бился, словно я был в лихорадке, от одного только возбуждения моего ума, пока, наконец, сама природа не пришла мне на выручку: истощённый столь долгим напряжением, я погрузился в глубокий сон. Казалось бы, что меня и во сне должны были преследовать те же бурные мысли, но на деле вышло не так: то, что мне приснилось, не имело никакого отношения к моему волнению. Мне снилось, будто, выйдя, как обыкновенно, поутру из своей крепости, я вижу на берегу две пироги и около них одиннадцать человек дикарей. С ними был ещё двенадцатый — пленник, которого они собирались убить и съесть. Вдруг этот пленник в самую последнюю минуту вскочил, вырвался и

побежал что есть мочи. И я подумал во сне, что он бежит в рощицу подле крепости, чтобы спрятаться там. Увидев, что он один и никто за ним не гонится, я вышел к нему навстречу и улыбнулся ему, стараясь его ободрить, а он бросился передо мной на колени, умоляя спасти его. Тогда я указал ему на мою лестницу, предложил перелезть через ограду, повёл его в свою пещеру, и он стал моим слугой. Имея в своём распоряжении этого человека, я сказал себе: «Вот когда я могу наконец переправиться на материк. Теперь мне нечего бояться: этот человек будет служить мне лоцманом; он научит меня, что мне делать и где добыть провизию; он знает ту сторону и скажет мне, в каком направлении я должен держать путь, чтобы не быть съеденным дикарями, и каких мест следует избегать». С этой мыслью я проснулся — проснулся под свежим впечатлением сна, оживившего мою душу надеждой на избавление. Тем горше было моё разочарование и уныние, когда я вернулся к действительности и понял, что это был только сон.

Тем не менее виденный сон навёл меня на мысль, что единственным для меня средством вырваться из моей тюрьмы было захватить кого-нибудь из дикарей, посещавших мой остров, и

притом, если можно, одного из тех несчастных, обречённых на съедение, которых они привозили с собой в качестве пленников. Но было важное затруднение: я должен был напасть на весь отряд людоедов и перебить их всех до одного, а предприятие такого рода было отчаянным шагом, имевшим очень мало надежды на успех.

Долго в моей душе шла борьба, но наконец страстная жажда освобождения одержала верх над всеми доводами совести и рассудка, и я решил захватить одного из дикарей, чего бы это мне ни стоило. Оставалось только придумать, каким образом привести в исполнение этот план. Но сколько я ни ломал голову, ничего у меня не выходило. В конце концов я решил подстеречь дикарей, когда они высадятся на остров, предоставив остальное случаю.

Согласно этому решению, я принялся караулить и более полутора лет провёл я в напрасном ожидании. Всё это время я почти ежедневно ходил на южную и западную оконечность острова смотреть, не подъезжают ли к берегу лодки с дикарями, но лодки не показывались. Эта неудача очень меня огорчала, но, не в пример другим подобным случаям, моё желание достигнуть намеченной цели на этот раз нисколько не осла-

бевало, напротив, чем больше оттягивалось его осуществление, тем больше оно обострялось.

* * *

Прошло уже полтора года с тех пор, как я составил свой замысел, поэтому я начал уже считать его неосуществимым. Представьте же себе моё изумление, когда однажды ранним утром я увидел на берегу, на моей стороне острова, по меньшей мере пять индейских пирог. Все они стояли пустые: приехавшие в них дикари куда-то скрылись. Я знал, что в каждую лодку садится обыкновенно по четыре-шесть человек, а то и больше, и, сознаюсь, меня весьма смущала многочисленность прибывших гостей. Я решительно не знал, как я справлюсь один с двумя-тремя десятками дикарей. Обескураженный, расстроенный, я засел в своей крепости, однако сделал все заранее обдуманные приготовления для атаки и решил действовать, если будет нужно. Я долго ждал, прислушиваясь, не доносится ли шум со стороны дикарей, но наконец, сгорая от любопытства, поставил ружьё под лестницей и полез на вершину холма. Добравшись до вершины, я принялся смотреть в подзорную трубу. Дикарей было не менее тридцати. Они развели

на берегу костёр и что-то стряпали на огне. Я не мог разобрать, как они стряпали и что именно, я видел только, что они плясали вокруг костра с нелепыми ужимками и прыжками.

Вдруг несколько человек отделились от танцующих и побежали в ту сторону, где стояли лодки, и вслед за тем я увидел, что они тащат к костру двух несчастных, очевидно, предназначенных на убой, которые, должно быть, лежали связанные в лодках. Одного из них сейчас же повалили, ударив по голове чем-то тяжёлым, и тащившие его люди немедленно принялись за работу: распороли ему живот и начали его потрошить. Другой пленник стоял тут же, ожидая своей очереди. В этот момент несчастный, почувствовав себя на свободе, очевидно, исполнился надеждой на спасение, он вдруг ринулся вперёд и с невероятной быстротой пустился бежать по песчаному берегу прямо в сторону моего жилья.

Сознаюсь, я страшно перепугался, когда увидел, что он бежит ко мне, тем более что мне показалось, будто вся ватага бросилась его догонять. Итак, первая половина моего сна сбывалась: преследуемый дикарь будет искать убежища в моей роще; но я не мог рассчитывать, чтобы сбылась и другая половина этого сна, то есть чтобы

остальные дикари не стали преследовать свою жертву и не нашли бы её. Тем не менее я остался на своём посту и очень ободрился, увидев, что за беглецом гонятся всего два или три человека; я окончательно успокоился, когда стало ясно, что он бежит гораздо быстрее своих преследователей, расстояние между ними всё увеличивается и, если ему удастся продержаться ещё полчаса, они его не поймают.

От моей крепости бежавших отделяла бухточка — та самая, куда я причаливал со своими плотами, когда перевозил вещи с нашего корабля. Я ясно видел, что беглец должен будет переплыть её, иначе ему не уйти от погони. Действительно, он, не задумываясь, бросился в воду, в каких-нибудь тридцать взмахов переплыл бухточку, вылез на другой берег и, не сбавляя шагу, побежал дальше. Из трёх его преследователей только двое бросились в воду, а третий не решился; он постоял на том берегу, поглядел вслед двум другим, потом повернулся и медленно пошёл назад.

Я заметил, что двум дикарям, гнавшимся за беглецом, понадобилось вдвое больше времени, чтобы переплыть бухточку. И тут-то я всем существом почувствовал, что пришла пора действовать, если я хочу приобрести слугу, а может быть, товарища или помощника. Не теряя времени, я сбежал по лестницам к подножию горы, захватил оставленные мною внизу ружья, затем с такой же поспешностью взобрался опять на гору, спустился с другой её стороны и побежал к морю наперерез бегущим дикарям. Так как я взял кратчайший путь, к тому же вниз по склону холма, то скоро оказался между беглецом и его преследователями. Услышав мои крики, беглец оглянулся и в первый момент испугался меня, кажется, ещё больше, чем своих врагов. Я сделал ему знак воротиться, а сам медленно пошёл навстречу преследователям. Когда передний поравнялся со мной, я неожиданно бросился на него и сшиб с ног ударом ружейного приклада. Стрелять я боялся, чтобы не привлечь внимания остальных дикарей, хотя на таком большом расстоянии они едва ли могли услышать мой выстрел или увидеть дым от него. Когда передний из бежавших упал, его товарищ остановился, видимо, испугавшись, я же быстро побежал к нему. Но когда,

приблизившись, я заметил, что он держит в руках лук и стрелу и целится в меня, мне оставалось только предупредить его: я выстрелил и положил его на месте. Несчастный беглец, видя, что оба его врага упали замертво, остановился, но был до того напуган огнём и треском выстрела, что растерялся, не зная, идти ли ему ко мне или убегать от меня, хотя, вероятно, больше склонялся к бегству. Тогда я стал опять кричать ему и делать знаки подойти ко мне, и он меня понял: сделал несколько шагов и остановился, потом снова сделал несколько шагов и снова остановился. Тут я заметил, что он весь дрожит, как в лихорадке: бедняга, очевидно, считал себя моим пленником, с которым я поступлю точно так же, как поступил с его врагами. Тогда я опять поманил его к себе и вообще старался ободрить его, как умел. Он подходил всё ближе и ближе, через каждые десять-двенадцать шагов падая на колени в знак благодарности за спасение его жизни. Я ласково ему улыбался и продолжал манить его рукой. Наконец, подойдя совсем близко, он снова упал на колени, поцеловал землю, прижался к ней лицом, взял мою ногу и поставил её себе на голову. Последнее, по-видимому, означало, что он клянётся быть моим рабом до гроба. Я поднял его,

потрепал по плечу и всячески старался показать, что ему нечего бояться меня. Но начатое мной дело ещё не было доведено до конца: дикарь, которого я повалил ударом приклада, был не убит, а только оглушён, и я заметил, что он начинает приходить в себя. Я указал на него спасённому мной человеку, обращая его внимание на то, что враг его жив. На это он сказал мне несколько слов на своём языке, и хоть я ничего не понял, но самые звуки его речи были для меня сладостной музыкой: ведь за двадцать пять с лишком лет впервые услыхал я человеческий голос. Но было не время предаваться таким размышлениям: оглушённый мною дикарь оправился настолько, что уже сидел на земле, и я заметил, что мой дикарь сильно этого испугался. Желая его успокоить, я прицелился в его врага из другого ружья. Но тут мой дикарь стал показывать мне знаками, чтобы я дал ему висевший у меня через плечо обнажённый тесак. Я дал. Он тотчас же подбежал к своему врагу и одним взмахом снёс ему голову. Сделав своё дело, мой дикарь вернулся ко мне с весёлым и торжествующим видом, исполнил ряд непонятных телодвижений и положил подле меня тесак и голову убитого врага.

Но больше всего он был поражён тем, как я убил

другого индейца на таком большом расстоянии. Он указывал на убитого и знаками просил позволения сходить взглянуть на него. Я позволил, и он сейчас же побежал туда. Он остановился над трупом в полном недоумении: поглядел на него, повернул его на один бок, потом на другой, осмотрел рану. Пуля попала прямо в грудь, и крови было немного. Сняв с мертвеца его лук и колчан со стрелами, мой дикарь воротился ко мне. Тогда я повернулся и пошёл, приглашая его следовать за мной и стараясь объяснить ему знаками, что оставаться опасно, так как за ним может быть новая погоня.

Дикарь ответил мне тоже знаками, что следовало бы прежде зарыть мертвецов, чтобы его враги не нашли их, если придут на это место. Я выразил своё согласие, и он сейчас же принялся за дело. В несколько минут он голыми руками выкопал в песке настолько глубокую яму, что в ней легко мог поместиться один человек; затем он перетащил в эту яму одного из убитых и завалил его землёй. Так же проворно распорядился он и с другим мертвецом; словом, вся процедура погребения заняла у него не более четверти часа. Когда он кончил, я опять сделал ему знак следовать за мной и повёл не в крепость мою, а совсем

в другую сторону — в дальнюю часть острова, к моему новому гроту.

Когда мы пришли в грот, я дал ему хлеба, кисть винограда и напоил водой, в чём он сильно нуждался после быстрого бега. Когда он подкрепился, я знаками пригласил его лечь и уснуть, показав ему в угол пещеры, где у меня лежала большая охапка рисовой соломы и одеяло, не раз служившие мне постелью. Бедняга не заставил себя долго просить: он лёг и мгновенно заснул. Это был красивый малый высокого роста, безукоризненного сложения, с прямыми длинными руками и ногами, небольшими ступнями и кистями рук. На вид ему можно было дать лет двадцать шесть. В его лице не было ничего дикого и свирепого, однако это было мужественное лицо, обладавшее в то же время мягким и нежным выражением европейца, особенно когда он улыбался. Волосы у него были чёрные, длинные и прямые, не имевшие ничего общего с курчавыми, как овечья шерсть, волосами негров; лоб высокий и открытый, цвет кожи не чёрный, а смуглый, но не того противного жёлто-бурого оттенка, как у бразильских или виргинских индейцев, а скорее оливковый, очень приятный для глаз, но который не так легко описать. Лицо у него было круглое

и довольно пухлое, нос небольшой, но совсем не приплюснутый. Ко всему этому у него были быстрые блестящие глаза, хорошо очерченный рот с тонкими губами правильной формы, белые, как слоновая кость, превосходные зубы.

Проспав около получаса, он проснулся и вышел ко мне. Я в это время доил своих коз в загоне подле грота. Как только он меня увидел, он подбежал и распростёрся передо мной, выражая всей своей позой самую смиренную благодарность и производя при этом множество самых странных телодвижений. Припав лицом к земле, он опять поставил себе на голову мою ногу и всеми доступными ему способами старался доказать мне свою бесконечную преданность и покорность и дать мне понять, что с этого дня он будет мне слугой на всю жизнь. Я понял многое из того, что он хотел мне сказать, и, в свою очередь, постарался объяснить ему, что я им очень доволен. Тут же я начал говорить с ним и учить отвечать мне. Прежде всего я объявил, что его имя будет «Пятница», так как в этот день недели я спас ему жизнь. Затем я научил его произносить слово «господин» и дал понять, что это моё имя; научил также произносить «да» и «нет» и растолковал значение этих слов. Я дал ему молока в глиняном

кувшине, предварительно отпив сам и обмакнув в него хлеб; я дал ему также лепёшку, чтобы он последовал моему примеру; он с готовностью повиновался и знаками показал, что угощение пришлось ему по вкусу.

Мы провели с ним ночь в гроте, но как только рассвело, я подал ему знак следовать за мной. Я показал ему, что хочу его одеть, чему он, по-видимому, очень обрадовался, так как был совершенно наг. Когда мы проходили мимо того места, где были зарыты убитые нами дикари, он указал мне на приметы, которыми он для памяти обозначил могилы, и стал делать мне знаки, что нам следует откопать оба трупа и съесть их. В ответ на это я постарался как можно выразительнее показать свой гнев и своё отвращение — что меня тошнит при одной мысли об этом, и повелительным жестом приказал ему отойти от могил, что он и исполнил с величайшей покорностью. После этого я повёл его на вершину холма, посмотреть, ушли ли дикари. Вытащив подзорную трубу, я навёл её на то место побережья, где они были накануне, но их и след простыл: не было видно ни одной лодки. Ясно было, что они уехали, не потрудившись поискать своих пропавших товарищей.

Но я не удовольствовался этим открытием;

набравшись храбрости и сгорая от любопытства, я велел своему слуге следовать за мной, вооружив его своим тесаком и луком со стрелами, которыми, как я уже успел убедиться, он владел мастерски. Кроме того, я дал ему нести одно из моих ружей, а сам взял два других, и мы пошли к тому месту, где накануне пировали дикари: мне хотелось собрать теперь более точные сведения о них. На берегу моим глазам предстала такая страшная картина, что у меня замерло сердце и кровь застыла в жилах. В самом деле, зрелище было ужасное, по крайней мере для меня, хотя Пятница остался совершенно равнодушен к нему. Весь берег был усеян человеческими костями, земля обагрена кровью. Пятница знаками рассказал мне, что дикари привезли для пиршества четырёх пленных, троих они съели, а четвёртый был он сам. Насколько можно было понять из его объяснений, у этих дикарей произошло большое сражение с соседним племенем, к которому принадлежал он. Враги Пятницы взяли много пленных и развезли в разные места, чтобы устроить пиршество и съесть их.

Я приказал Пятнице собрать все останки в кучу, развести костёр и сжечь. Я заметил, что моему слуге очень хотелось полакомиться человече-

ским мясом и что его каннибальские инстинкты очень сильны. Но я выказал такое негодование при одной мысли об этом, что он не посмел дать им волю. Всеми средствами я постарался дать понять ему, что убью его, если он ослушается меня.

Уничтожив остатки кровавого пиршества, мы вернулись в крепость, и я, не откладывая, принялся обшивать моего слугу. Прежде всего я дал ему холщовые штаны, которые достал из найденного мной на погибшем корабле сундука; после небольшой переделки они пришлись ему как раз впору. Затем я сшил ему куртку из козьего меха и в заключение смастерил для него шапку из заячьих шкурок, очень удобную и довольно изящную. Таким образом, мой слуга был на первое время весьма сносно одет и остался очень доволен тем, что теперь стал похож на своего господина. Правда, сначала ему было стеснительно и неловко во всей этой сбруе; особенно мешали ему штаны. Но мало-помалу он привык к своему костюму и чувствовал себя в нём хорошо.

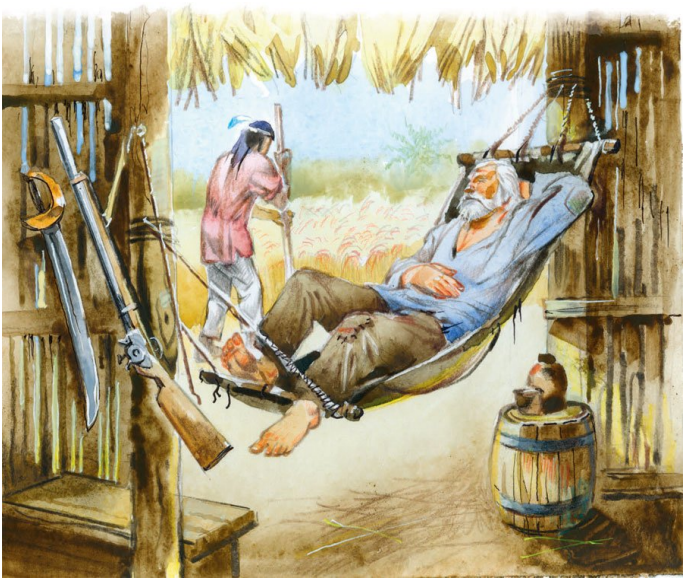
* * *

На другой день я стал думать, где бы мне его поместить. Чтобы устроить его поудобнее и в то же время чувствовать себя спокойно, я поставил его

маленькую палатку в свободном пространстве между двумя стенами моей крепости — внутренней и наружной; так как сюда выходил наружный ход из моего погреба, то я устроил в нём настоящую дверь из толстых досок в прочном наличнике и приладил её таким образом, что она отворялась внутрь, и на ночь запирал на засов; лестницы я тоже убирал к себе; таким образом, Пятница никак не мог проникнуть ко мне во внутреннюю ограду, а если бы вздумал попытаться, то непременно нашумел бы и разбудил меня. Дело в том, что всё пространство крепости за внутренней оградой, где стояла моя палатка, представляло крытый двор. Крыша была сделана из длинных жердей, одним концом упиравшихся в гору. Для большей прочности я укрепил эти жерди поперечными балками и густо переплёл рисовой соломой, толстой, как камыш; в том же месте крыши, которое я оставил незакрытым для того, чтобы входить по лестнице, я приладил откидную дверцу, которая при малейшем напоре снаружи падала с громким стуком. Всё оружие я на ночь брал к себе.

Но эти предосторожности были совершенно излишни; никто ещё не имел такого любящего, такого верного и преданного слуги, какого имел

я в лице моего Пятницы: ни раздражительности, ни упрямства, ни своеволия; всегда ласковый и услужливый, он был привязан ко мне, как к родному отцу. Я уверен, что, если бы понадобилось, он пожертвовал бы ради меня жизнью. Я так много раз убеждался в преданности Пятницы, что у меня исчезли всякие сомнения на его счёт, и я скоро пришёл к убеждению, что мне незачем ограждаться от него.



Пятница мне очень нравился, и я вменил себе в обязанность научить его всему, что могло быть полезным ему, а главное — говорить и понимать, что говорю я. Он оказался очень способным уче-

ником, всегда весёлым, всегда прилежным; он так радовался, когда понимал меня, когда ему удавалось объяснить мне свою мысль, что для меня было истинным удовольствием заниматься с ним. С тех пор как он был со мной, мне жилось так легко и приятно, что, если бы только я мог считать себя в безопасности от других дикарей, я, право, без сожаления согласился бы остаться на острове до конца моей жизни.

Дня через два или три после того, как я привёл Пятницу в мою крепость, мне пришло в голову, что если я хочу отучить его от ужасной привычки есть человеческое мясо, то надо отбить у него вкус к этому блюду и приучить к другой пище. И вот однажды утром, отправляясь в лес, я взял его с собой. У меня было намерение зарезать козлёнка из моего стада, принести его домой и сварить, но по дороге я увидел под деревом дикую козу с парой козлят. «Постой!» — сказал я Пятнице, схватив его за руку, и сделал ему знак не шевелиться, потом прицелился, выстрелил и убил одного из козлят. Бедный дикарь, который видел уже, как я убил издали его врага, но не понимал, каким образом это произошло, был страшно поражён: он задрожал, зашатался; я думал, он сейчас лишится чувств. Он не видел козлёнка, в которого я целился, но

приподнял полу своей куртки и стал щупать, не ранен ли он. Бедняга вообразил, вероятно, что я хотел убить его, так как упал передо мной на колени, стал обнимать мои ноги и долго говорил мне что-то на своём языке. Я, конечно, не понял его, но было ясно, что он просит не убивать его.

Мне скоро удалось его убедить, что я не имею ни малейшего намерения причинить ему вред. Я взял его за руку, засмеялся и, указав на убитого козлёнка, велел сбегать за ним, что он и исполнил. Покуда он возился с козлёнком и выражал своё недоумение по поводу того, каким способом тот убит, я снова зарядил ружьё. Немного погодя я увидел на дереве, на расстоянии ружейного выстрела от меня, большую птицу, которую я принял за ястреба. Желая дать Пятнице маленький наглядный урок, я подозвал его к себе, показал ему пальцем сперва на птицу, которая оказалась не ястребом, но попугаем, потом на ружьё, потом на землю под тем деревом, на котором сидела птица, приглашая его смотреть, как она упадёт. Вслед за тем я выстрелил, и он действительно увидел, что попугай упал. Пятница и на этот раз перепугался, несмотря на все мои объяснения; он был ошеломлён ещё и потому, что не видел, как я зарядил ружьё, и, вероятно, думал, что в этом ру-

жье сидит какая-то волшебная разрушительная сила, приносящая смерть на любом расстоянии человеку, зверю, птице, словом, всякому живому существу. Ещё долгое время он не мог совладать с изумлением, в которое его поверг мой выстрел. Мне кажется, что, если бы я ему только позволил, он стал бы воздавать божеские почести мне и моему ружью. Первое время он не решался дотронуться до ружья, но зато разговаривал с ним, как с живым существом, когда находился подле него. Он признался мне потом, что просил ружьё не убивать его.

Но возвратимся к событиям описываемого дня. Когда Пятница немного опомнился от испуга, я приказал ему принести мне убитую дичь. Он сейчас же пошёл, но замешкался, отыскивая птицу, потому что, как оказалось, я не убил попугая, а только ранил, и он отлетел довольно далеко от того места, где я его подстрелил. В конце концов Пятница всё-таки нашёл его и принёс; так как я видел, что Пятница всё ещё не понял действия ружья, то воспользовался его отсутствием, чтобы снова зарядить ружьё, в расчёте, что нам попадётся ещё какая-нибудь дичь, но больше ничего не попадалось. Я принёс козлёнка домой и в тот же вечер сварил в глиняном горшке отличный

бульон. Я начал есть сам, затем угостил Пятницу. Ему понравилась еда, только он удивился, зачем я ем суп и мясо с солью. Он стал показывать мне знаками, что с солью невкусно. Взяв в рот щепотку соли, он принялся отплёвываться и сделал вид, что его тошнит от неё, а потом выполоскал рот водой. Тогда я, в свою очередь, положил в рот кусочек мяса без соли и начал плевать, показывая, что мне противно есть без соли. Но это не произвело на Пятницу никакого впечатления: я так и не мог приучить его солить мясо или суп. Лишь долгое время спустя он начал класть соль в кушанье, да и то немного.

Накормив таким образом моего дикаря варёным мясом и супом, я решил угостить его на другой день жареным козлёнком. Изжарил я его особенным способом, над костром. По бокам костра я воткнул в землю две жерди, укрепил между ними поперечную жердь, повесил на неё большой кусок мяса и поворачивал его до тех пор, пока он не изжарился. Пятница пришёл в восторг от моей выдумки; но удовольствию его не было границ, когда он попробовал моего жаркого: самыми красноречивыми жестами он дал мне понять, как ему нравится это блюдо, и наконец объявил, что никогда больше не станет

есть человеческого мяса, чему я, конечно, весьма обрадовался.

На следующий день я засадил его за работу: заставил молотить и веять ячмень, показав, как я это делаю. Он скоро понял и стал работать очень усердно, особенно когда узнал, что это делается для приготовления из зерна хлеба: я замесил при нём тесто и испёк хлеб. В скором времени Пятница был вполне способен заменить меня в этой работе.

Так как теперь я должен был прокормить два рта вместо одного, то мне необходимо было увеличить своё поле и сеять больше зерна. Я выбрал поэтому большой участок земли и принялся его огораживать. Пятница не только весьма усердно, но с видимым удовольствием помогал мне в этой работе. Я объяснил ему, что это будет новое поле для хлеба, потому что нас теперь двое и хлеба надо вдвое больше. Его очень тронуло то, что я так забочусь о нём: он всячески старался мне растолковать, что понимает, насколько мне прибавилось дела теперь, когда он со мной, и что лишь бы я ему дал работу и указывал, что надо делать, а уж он не побоится труда.

* * *

Это был самый счастливый год моей жизни на острове. Пятница научился довольно сносно говорить по-английски: он знал названия почти всех предметов, которые я мог спросить у него, и всех мест, куда я мог послать его. Он очень любил разговаривать, так что нашлась наконец работа для моего языка, столько лет пребывавшего в бездействии. Но, помимо удовольствия, которое мне доставляли наши беседы, самое присутствие этого малого было для меня постоянным источником радости — до такой степени он пришёлся мне по душе. С каждым днём меня всё больше и больше пленяли его честность и чистосердечие. Мало-помалу я всем сердцем привязался к нему, да и он со своей стороны меня полюбил.

Как-то раз мне вздумалось разузнать, не страдает ли он тоской по родине и не хочется ли ему вернуться домой. Так как в то время он уже настолько свободно владел английским языком, что мог отвечать почти на все мои вопросы, то я спросил его, побеждало ли когда-нибудь в сражениях племя, к которому он принадлежал. Он улыбнулся и ответил: «Да, да, мы всегда биться лучше», — то есть всегда бьёмся лучше других,

хотел он сказать. Затем между нами произошёл следующий диалог.

Господи н. Так вы всегда лучше бьётесь, говоришь ты. А как же вышло тогда, что ты попался в плен, Пятница?

Пятниц а. А наши всё-таки много побили.

Господи н. Но если твоё племя побило тех, то как же вышло, что тебя взяли?

Пятниц а. Их было больше, чем наших, в том месте, где был я. Они схватили один, два, три и меня. Наши побили их в другом месте, где я не был; там наши схватили — один, два, три, много тысяч.

Господи н. Отчего же ваши не пришли вам на помощь и не освободили вас?

Пятниц а. Те увели один, два, три и меня и посадили в лодку, а у наших в то время не было лодки.

Господи н. А скажи мне, Пятница, что делают ваши с теми людьми, которые попадутся к ним в плен? Тоже куда-нибудь увозят на лодках и съедают?

Пятниц а. Да, наши тоже кушают людей; все кушают.

Господи н. А куда они их увозят?

Пятниц а. Разные места — куда хотят.

Господи н. А сюда привозят?

Пятниц а. Да, да, и сюда. Разные места.

Господи н. А ты здесь бывал с ними?

Пятниц а. Бывал. Там бывал (указывает на северо-западную оконечность острова).

Таким образом оказалось, что мой слуга Пятница бывал раньше в числе дикарей, посещавших дальние берега моего острова, и принимал участие в таких же каннибальских пирах, как тот, на который он был привезён в качестве жертвы. Когда некоторое время спустя я собрался с духом сводить его на тот берег, о котором я уже упоминал, он тотчас же узнал местность и рассказал мне, что один раз, когда он приезжал на мой остров со своими соплеменниками, они на этом самом месте убили и съели двадцать человек мужчин, двух женщин и ребёнка. Он не знал, как сказать по-английски «двадцать», и, чтобы объяснить мне, сколько человек они тогда съели, положил двадцать камешков один подле другого и просил меня сосчитать.

После описанного диалога я спросил его, далеко ли до земли от моего острова и часто ли погибают их лодки, переплывая это расстояние. Он отвечал, что путь безопасен и что ни одна лодка не погибала, потому что невдалеке от нашего острова

проходит течение и по утрам ветер всегда дует в одну сторону, а к вечеру — в другую.

Сначала я думал, что течение, о котором говорил Пятница, находится в зависимости от прилива и отлива, но потом узнал, что оно составляет продолжение течения великой реки Ориноко, впадающей в море неподалёку от моего острова, который, таким образом, как я узнал впоследствии, приходится против её устья. Полоса же земли к северо-западу от моего острова, которую я принимал за материк, оказалась большим островом Тринидадом, лежащим к северу от устья той же реки. Я засыпал Пятницу вопросами об этой земле и её обитателях: каковы там берега, каково море, какие племена живут поблизости. Он с величайшей готовностью рассказал всё, что знал сам. Спрашивал я его также, как называются различные племена, обитающие в тех местах, но большого толку не добился. Он твердил только одно: «Кариб, Кариб». Нетрудно было догадаться, что он говорит о караибах, которые обитают именно в этой части Америки. Пятница рассказал мне ещё, что далеко «за луной», то есть в той стороне, где садится луна, или к западу от его родины, живут такие же белые бородатые люди (тут он показал на мои длинные бакенбарды),

что эти люди убили много других людей. Я понял, что он говорит об испанцах, прославившихся на весь мир своими жестокостями в Америке, где во многих племенах память о них передаётся от отца к сыну.

На мой вопрос, не знает ли он, есть ли какая-нибудь возможность переправиться к белым людям с нашего острова, он отвечал: «Да, да, это можно: надо плыть на два лодка». Я долго не понимал, что он хотел сказать своими «двумя лодками», но наконец догадался, что он имеет в виду большое судно величиной в две лодки.

Этот разговор очень утешил меня: с того дня у меня возникла надежда, что рано или поздно мне удастся вырваться из моего заточения и что мне поможет в этом мой бедный дикарь.

Когда мы с Пятницей познакомились ближе и он не только мог понимать почти всё, что я ему говорил, но и сам стал довольно бегло, хотя и ломаным языком, изъясняться по-английски, я рассказал ему историю моих похождений, по крайней мере то, как я попал на мой остров, сколько лет прожил на нём и как провёл эти годы. Я открыл ему тайну пороха и пуль, потому что для него это была действительно тайна, и научил стрелять. Я подарил ему нож, от которого он при-

шёл в полное восхищение, и сделал ему портупею вроде тех, на каких у нас в Англии носят тесаки, только вместо тесака я вооружил его топором, так как он мог служить не только оружием во многих случаях, но и рабочим инструментом.

Я рассказал Пятнице об европейских странах, в частности об Англии, объяснив, что я оттуда родом; описал, как мы живём, как обращаемся друг с другом, как торгуем во всех частях света, переправляясь по морю на кораблях. Я рассказал ему о крушении корабля, на котором я побывал, и показал ему место, где находились его остатки, унесённые сейчас в море. Показал я ему остатки лодки, в которой мы спасались и которую потом, как я уже говорил, выбросило на мой остров. Эта лодка — я был не в силах сдвинуть её с места — теперь совсем развалилась. Увидев её, Пятница задумался и долго молчал. Я спросил его, о чём он думает, и он ответил:

— Я видел лодка, как эта: плавала то место, где мой народ.

Я долго не понимал, что он хотел сказать; наконец, после долгих расспросов, выяснилось, что точно такую лодку прибило к берегу в той земле, где живёт его племя. Я подумал, что какой-нибудь европейский корабль потерпел крушение около

тех берегов и что лодку с него сорвало волнами. Но почему-то мне не пришло в голову, что лодка могла быть с людьми, и, продолжая свои расспросы, я осведомился только о лодке.

Пятница описал мне её очень подробно, но лишь тогда, когда он с оживлением прибавил в конце: «Белые люди не потонули — мы их спасли», — я уяснил себе всё значение происшествия, о котором он говорил, и спросил его, были ли в лодке белые люди.

— Да, — ответил он, — полная лодка белых людей.

— Сколько их было? — Он насчитал по пальцам семнадцать.

— Где же они? Что с ними сталось?

Он отвечал:

— Они живы; живут у наших, наши места.

Это навело меня на новую догадку: не с того ли самого корабля, что разбился в виду моего острова, были эти семнадцать человек? Убедившись, что корабль наскочил на скалу и что ему грозит неминуемая гибель, все они покинули его и пересели в шлюпку, а потом их прибило к земле дикарей, где они и остались. Я стал допытываться у Пятницы, наверно ли он знает, что белые люди живы. Он с живостью отвечал: «Наверно, навер-

но», и прибавил, что скоро будет четыре года, как они живут у его земляков, и что те не только не обижают, но даже кормят их. На мой вопрос, каким образом могло случиться, что дикари не убили и не съели белых людей, он ответил:

— Белые люди стали нам братья. — То есть, насколько я понял его, заключили с ними мир, и прибавил: — Наши кушают людей только на войне. — Это должно было означать только военнопленных из враждебных племён.

* * *

Прошло довольно много времени после этого рассказа. Как-то в ясный день, поднявшись на вершину холма в восточной части острова, откуда я много лет тому назад увидел материк Америки, Пятница долго вглядывался вдаль по тому направлению и вдруг принялся прыгать, плясать и звать меня, потому что я был довольно далеко от него. Я подошёл и спросил, в чём дело.

— О, радость! О, счастье! — воскликнул он. — Вон там, смотри, отсюда видно… моя земля, мой народ!

Всё лицо его преобразилось от радости: глаза блестели, он весь был охвачен неудержимым порывом, — казалось, он так бы и полетел туда,

к своим. Это наблюдение навело меня на мысли, благодаря которым я стал относиться с меньшим доверием к моему слуге. Я был убеждён, что при первой возможности Пятница вернётся на родину и там позабудет всё, чем он мне обязан, и, пожалуй, даже предаст меня своим соплеменникам: приведёт их сотню или две на мой остров; они убьют меня и съедят, и он будет пировать вместе с ними с таким же лёгким сердцем, как прежде, когда все они приезжали сюда праздновать свои победы над дикарями враждебных племён.

Подозрительность моя с каждым днём возрастала, а сделавшись осторожнее, я, естественно, начал чуждаться Пятницы и стал к нему холоднее. Так продолжалось несколько недель, но я был совершенно не прав: у этого честного, добродушного малого не было и в помышлении ничего дурного, он не изменил нашей дружбе, в чём я и убедился наконец, к великой своей радости.

Пока я подозревал его в злокозненных замыслах против меня, я, разумеется, пускал в дело всю свою дипломатию, чтобы заставить Пятницу проговориться; но каждое его слово дышало такою простодушной искренностью, что мне стало стыдно моих подозрений; я успокоился и вернул

своё доверие моему другу. А он даже не заметил моего временного к нему охлаждения, и это было для меня только лишним доказательством его искренности.

Однажды, когда мы с Пятницей опять поднялись на этот самый холм (только в этот раз на море стоял туман и берегов материка не было видно), я спросил его:

— А что, Пятница, хотелось бы тебе вернуться на родину к своим?

— Да, — отвечал он, — я был бы много рад воротиться к своим.

— Что ж бы ты там делал? — продолжал я. — Превратился бы опять в дикаря и стал бы, как прежде, есть человеческое мясо?

Его лицо приняло серьёзное выражение; он покачал головой и ответил:

— Нет, нет! Пятница сказал бы там им всем: живите хорошо, кушайте хлеб, козлиное мясо, молоко, не кушайте человека.

— Ну, если ты им это скажешь, они тебя убьют.

Он взглянул на меня всё так же спокойно и сказал:

— Нет, не убьют; они будут рады учить доброе (будут рады научиться добру — хотел он сказать). — Затем он прибавил: — Они много

учились от бородатых людей, что приехали на лодке.

— Так тебе хочется воротиться домой? — повторил я свой вопрос.

Он улыбнулся и сказал:

— Я не могу плыть так далеко. — Когда же я предложил сделать для него лодку, он отвечал, что с радостью поедет, если я поеду с ним.

— Как же мне ехать? — возразил я. — Ведь они меня съедят!

— Нет, нет, не съедят, — проговорил он с жаром, — я сделаю так, что не съедят, я сделаю, что они будут тебя много любить. — Мой честный Пятница хотел этим сказать, что он расскажет своим землякам, как я убил его врагов и спас ему жизнь, и что за это они полюбят меня. После того он рассказал мне на своём ломаном языке, с какой добротой относились они к семнадцати белым бородатым людям, которых прибило к берегу в их земле.

С того времени, признаюсь, у меня засела мысль попробовать переправиться на материк и разыскать там бородатых людей, о которых говорил Пятница; не могло быть сомнения, что это испанцы или португальцы, и я был уверен, что, если только мне удастся присоединиться

к ним, мы сообща отыщем способ добраться до какой-нибудь цивилизованной страны, между тем как, находясь в одиночестве, на острове, в сорока милях от материка, я не имел никакой надежды на освобождение. И вот спустя несколько дней я опять завёл с Пятницей тот же разговор. Я сказал, что дам ему лодку, чтоб он мог вернуться на родину, и повёл его на противоположную оконечность острова, где стоял мой фрегат. Вычерпав из него воду (для большей сохранности он был у меня затоплен), я подвёл его к берегу и мы оба сели в него.

Пятница оказался превосходным гребцом: лодка шла у него почти так же быстро, как у меня. Когда мы отошли от берега, я ему сказал: «Ну, что же, Пятница, поедем к твоим землякам?» Он посмотрел на меня недоумевающим взглядом: очевидно, лодка казалась ему слишком маленькой для такого далёкого путешествия. Тогда я сказал ему, что у меня есть лодка побольше, и на следующий день повёл его к месту, где была моя первая лодка, которую я не мог спустить на воду. Пятница нашёл её величину достаточной. Но так как со дня постройки этой лодки прошло двадцать два или двадцать три года и всё это время она оставалась под открытым небом, где

её припекало солнце и мочило дождём, то вся она рассохлась и прогнила. Пятница заявил, что подобная лодка будет вполне подходящей и что на неё можно будет нагрузить довольно еды, довольно хлеба, довольно питья.

В общем, моё намерение предпринять поездку на материк вместе с Пятницей настолько окрепло, что я предложил ему построить такую же точно лодку, на которой он сможет уехать домой. Он не ответил ни слова, но стал очень сумрачным и грустным. Когда же я спросил, что с ним, он сказал:

— За что господин сердится на Пятницу? Что я сделал?

— С чего ты взял, что я сержусь на тебя? Я нисколько не сержусь, — сказал я.

— Не сержусь, не сержусь! — Он повторил эти слова несколько раз. — А зачем отсылаешь Пятницу домой?

— Да ведь сам же ты говорил, что тебе хочется домой, — заметил я.

— Да, хочется, — отвечал он, — но только чтоб оба. Господин не поедет — Пятница не поедет: Пятница не хочет без господина. — Одним словом, он и слышать не хотел о том, чтобы покинуть меня.

— Но послушай, Пятница, — продолжал я, — зачем же я поеду туда? Что я там буду делать?

Он живо повернулся ко мне:

— Много делать, хорошо делать: учить диких людей быть добрыми, делать им новую жизнь.

— Увы, мой друг! — вздохнул я. — Ты сам не знаешь, что говоришь. Куда уж такому невежде, как я, учить добру других!

— Неправда! — воскликнул он с жаром. — Меня учил добру, их будешь учить.

— Нет, Пятница, — сказал я решительным тоном, — поезжай без меня, а я останусь здесь один и буду жить, как жил прежде. — Он опять затуманился; потом вдруг подбежал к лежавшему невдалеке топору, который обыкновенно носил, схватил его и протянул мне.

— Зачем ты даёшь мне топор? — спросил я.

Он отвечал:

— Убей Пятницу.

— Зачем же мне тебя убивать? — спросил я.

— А зачем гонишь Пятницу прочь? — напустился он на меня. Он был искренне огорчён: я заметил на глазах его слёзы. Словом, привязанность его ко мне и его решимость были настолько очевидны, что я тут же сказал ему и часто повторял потом, что никогда не прогоню его, пока он

хочет оставаться со мной.

Таким образом, я окончательно убедился, что Пятница навеки предан мне, что единственным источником его желания вернуться на родину была горячая любовь к своим соплеменникам и надежда, что я научу их добру. Но, не будучи преувеличенно высокого мнения о своей особе, я не имел ни малейшего намерения браться за такое трудное дело, как просвещение дикарей. Впрочем, желание моё вырваться из моего заточения было от этого ничуть не слабее. Особенно усилилось моё нетерпение после разговора с Пятницей, когда я узнал, что семнадцать бородатых людей живут так близко от меня. Поэтому, не откладывая долее, я стал искать с Пятницей подходящее толстое дерево, из которого можно было бы сделать большую пирогу или лодку и пуститься на ней в путь. На острове росло столько строевого леса, что из него можно было выстроить целую флотилию кораблей, а не то что пирог и лодок. Но чтобы избежать промаха, допущенного мной при постройке первой лодки, самое существенное было найти дерево, которое росло бы близко к берегу, и нам не стоило бы особенного труда спустить лодку на воду.

После долгих поисков Пятница нашёл наконец

вполне подходящий для нас экземпляр; он гораздо больше меня понимал в этом деле. Мы живо принялись за дело, и через месяц усиленного труда лодка была готова, обтесали её снаружи топорами, и вышла настоящая морская лодка. Но после того понадобилось ещё около двух недель, чтобы спустить нашу лодку в море, так как мы двигали её на больших деревянных катках буквально дюйм за дюймом; зато на воде она с лёгкостью выдержала бы человек двадцать.

Когда лодка была спущена на воду, я удивился, как ловко, несмотря на её величину, управляется с ней Пятница, как быстро он заставляет её поворачиваться и как хорошо гребёт. Я спросил его, можем ли мы пуститься в море на такой лодке. «О да, — ответил он, — такой лодка не страшно даже самый большой ветер». Но прежде чем пускаться в путь, я решил осуществить ещё одно намерение, о котором Пятница не знал, а именно снабдить лодку мачтой, парусом, якорем и канатом. Сделать мачту было нетрудно; на острове росло много кедров, прямых как стрела. Я выбрал одно молоденькое деревцо, росшее поблизости, велел Пятнице срубить его и дал ему указания, как очистить ствол от ветвей и обтесать его. Но над парусом мне пришлось потрудиться самому.

У меня оставались ещё старые куски парусов, но так как они лежали уже более двадцати шести лет и я не особенно заботился о том, чтобы сохранить их в целости, то был уверен, что все они сгнили. И действительно, большая часть их оказалась гнильём; но всё же я нашёл два куска покрепче и принялся за шитьё; в конце концов я всё же соорудил, во-первых, довольно безобразный треугольный парус, простирающийся сверху до самого днища, и, во-вторых, маленький и короткий в верхней части мачты. Такими парусами я умел хорошо управлять, потому что они были на том баркасе, на котором я совершил побег из Берберии.

Около двух месяцев провозился я над оснасткой нашего судна, но зато работа была сделана чисто. Кроме двух упомянутых парусов, я смастерил ещё третий, укрепив его на носу; он должен был помогать нам поворачивать лодку при перемене галса. Но главное, я сделал и приладил руль, что должно было значительно облегчить управление лодкой. Я был неискусный корабельный плотник, но, понимая всю пользу и даже необходимость такого приспособления, как руль, я не пожалел труда на его изготовление; хотя если принять во внимание все мои неудавшиеся опыты, то, я ду-

маю, он отнял у меня почти столько же времени, как и постройка всей лодки.

Когда всё было готово, я стал учить Пятницу управлению лодкой, потому что хоть он и был хорошим гребцом, но ни о руле, ни о парусах не имел никакого понятия. Он был совершенно поражён, когда увидел, как я действую рулём и как парус надувается то с одной, то с другой стороны в зависимости от перемены галса. Тем не менее он очень скоро постиг всю эту премудрость и сделался искусным моряком. Одному только он никак не мог научиться — употреблению компаса: это было выше его понимания.

* * *

Наступил двадцать седьмой год моего пленения. Впрочем, три последние года можно было смело выкинуть из счёта, ибо с появлением на острове Пятницы в моё жилище вошла радость и осветила мою печальную жизнь. Теперь мне уж недолго оставалось томиться в пустыне: освобождение было близко; по крайней мере я был твёрдо убеждён, что мне не придётся прожить и года на моём острове. Несмотря, однако, на такую уверенность, я не забрасывал своего хозяйства: по-прежнему копал землю и засевал её, по-прежнему огораживал новые поля, ходил за своим стадом, собирал и сушил виноград — словом, делал всё необходимое, как и раньше.

Между тем приближался дождливый сезон, когда я обыкновенно бóльшую часть дня просиживал дома. Нашу поездку пришлось отложить, а пока необходимо было позаботиться о безопасности новой лодки. Мы привели её в ту бухточку, куда я приставал со своими плотами в начале своего пребывания на острове. Дождавшись прилива, я подтянул лодку к самому берегу,

пришвартовал её и приказал Пятнице выкопать маленький бассейн такой величины и глубины, чтобы она поместилась в нём, как в доке. С наступлением отлива мы огородили её крепкой плотиной, чтобы закрыть доступ в док со стороны моря. А чтобы предохранить лодку от дождей, мы прикрыли её толстым слоем веток, под которыми она стояла, как под крышей. Теперь мы могли спокойно дождаться ноября или декабря, чтобы предпринять наше путешествие.

Как только прекратились дожди и погода установилась, я начал деятельно готовиться к дальнему плаванию. Я заранее рассчитал, какой запас провизии нам может понадобиться, и заготовил всё, что нужно. Недели через две я предполагал открыть док и спустить лодку в море. Как-то утром я по обыкновению был занят сборами в дорогу и отослал Пятницу на берег моря поискать черепаху: яйца и мясо этого животного давали нам еду на неделю. Не успел Пятница уйти, как сейчас же прибежал назад. Словно полоумный, он мгновенно перелетел ко мне за ограду и закричал:

— Господин! Господин! Беда! Плохо!

— Что с тобой, Пятница? Что случилось? — спросил я в тревоге.

— Там, около берега, одна, две, три… одна, две, три лодки!

— Ну, что же такое, Пятница! Что ты так испугался? — сказал я, стараясь его ободрить. Бедняга был вне себя. Он так дрожал, что я не знал, что с ним делать. Я успокаивал его, как умел.

— Мы сможем постоять за себя, — прибавил я. — Готов ты драться?

— Я стрелять, — отвечал он. — Но их много, очень много.

— Не беда, — сказал я, — одних мы убьём, остальные испугаются выстрелов и разбегутся. Я буду защищать тебя. Но обещаешь ли ты, что не струсишь, а главное, будешь делать всё, что я тебе прикажу?

Он отвечал:

— Я умру, если ты велишь, господин.

После этого я принёс из погреба рому и дал ему выпить. Затем мы собрали всё наше огнестрельное оружие, привели его в порядок и зарядили. Два охотничьих ружья, которые мы всегда брали с собой, выходя из дому, я зарядил самой крупной дробью; в четыре мушкета положил по пять маленьких пуль и по два кусочка свинца, а пистолеты зарядил двумя пулями каждый. Кроме того, я вооружился, как всегда, тесаком без ножен, а

Пятнице дал топор.

Приготовившись таким образом к бою, я взял подзорную трубу и поднялся на гору для рекогносцировки. Направив трубу на берег моря, я скоро увидел дикарей: их было двадцать один человек, трое пленных и три лодки. Было ясно, что вся эта шайка явилась на остров с единственной целью — отпраздновать свою победу над врагом варварским пиром.

Я заметил также, что на этот раз они высадились не там, где высаживались три года тому назад, в день бегства Пятницы, а гораздо ближе к моей бухточке. Здесь берега были низкие, и почти к самому морю подступал густой лес. Меня взбесило, что дикари расположились так близко к моему жилью, а отвращение к их кровавому делу ещё сильнее распалило мой гнев. Спустившись с горы, я объявил Пятнице моё решение напасть на этих зверей и перебить всех до единого.

Охваченный яростью, я поделил между нами приготовленное оружие, и мы тронулись в путь. Пятнице я дал один из пистолетов, который он заткнул себе за пояс, и три ружья, а сам взял всё остальное. На всякий случай я захватил в карман бутылочку рому, а Пятнице дал нести большой мешок с запасным порохом и пулями. Я приказал

ему следовать за мной, не отставая ни на шаг, и строго запретил заговаривать со мной и стрелять, пока я не прикажу. Нам пришлось сделать большой крюк, чтоб обогнуть бухточку и подойти к берегу со стороны леса, потому что только с этой стороны можно было незаметно подкрасться к неприятелю на расстояние ружейного выстрела.

Пока мы шли, я имел время поразмыслить о задуманном предприятии, и моя решимость начала ослабевать. И я решил не трогать пока дикарей, а, засевши в лесу, наблюдать и выжидать.

С этим решением я вошёл в лес. Пятница следовал за мной по пятам. Мы шли со всевозможными предосторожностями — в полном молчании, стараясь ступать как можно тише. Подойдя к опушке леса так, что только несколько рядов деревьев отделяло нас от дикарей, я остановился, тихонько подозвал Пятницу и, указав ему на толстое дерево, велел взобраться на него и посмотреть, видно ли оттуда дикарей и чем они занимаются. Он сделал, как ему было сказано, и сейчас же воротился, чтоб сообщить, что дикари сидят вокруг костра и едят мясо одного из привезённых ими пленников, а другой лежит связанный тут же на песке, и что он не их племени, а один из тех бородатых людей, что приехали в его землю на

лодке. Подойдя к дереву, я ясно увидел в подзорную трубу белого человека. Это был европеец. Он лежал неподвижно, его руки и ноги были стянуты гибкими прутьями тростника.

Ярдов на пятьдесят ближе к берегу, на пригорке росло другое дерево, к которому можно было подойти незамеченным. Сдерживая бушевавшую во мне ярость, я потихоньку пробрался за куста-

ми к этому дереву и оттуда как на ладони увидел всё, что происходило на берегу.

У костра, сбившись в плотную кучу, сидело девятнадцать дикарей. В нескольких шагах от этой группы подле распростёртого на земле европейца стояли двое остальных и, нагнувшись над ним, развязывали ему ноги: очевидно, они были только что посланы за ним. Ещё мгновение, и они зарезали бы его. Нельзя было терять ни минуты. Я повернулся к Пятнице.

— Будь наготове, — сказал я ему. Он кивнул головой. — Теперь смотри на меня, и что буду делать я, то делай и ты. — С этими словами я положил на землю охотничье ружьё и один из мушкетов, а из другого мушкета прицелился в дикарей. Пятница тоже прицелился.

— Готов ты? — спросил я его. Он отвечал утвердительно. — Ну, так пли! — сказал я и выстрелил.

Прицел Пятницы оказался вернее моего: он убил двух человек и ранил троих, я же только двоих ранил и одного убил. Легко себе представить, какой переполох произвели наши выстрелы в толпе дикарей. Все уцелевшие вскочили на ноги и заметались по берегу. Пятница, согласно моему приказанию, не сводил с меня глаз. Тотчас же по-

сле первого выстрела я бросил мушкет, схватил охотничье ружьё, взвёл курок и снова прицелился. Пятница в точности повторил каждое моё движение.

Два выстрела грянули почти одновременно в середину остолбеневших дикарей, но так как на этот раз мы стреляли из охотничьих ружей, заряженных дробью, то упало только двое. Зато раненых было очень много. Обливаясь кровью, бегали они по берегу с дикими воплями, как безумные. Три человека были, очевидно, тяжело ранены, потому что вскоре свалились.

Положив на землю охотничье ружьё, я взял свой второй заряженный мушкет, крикнул: «Пятница, за мной!» — и выбежал из лесу. Мой храбрый дикарь не отставал от меня ни на шаг. Заметив, что дикари увидали меня, я закричал во всю глотку и во всю прыть устремился я к несчастной жертве, лежавшей на берегу. Оба палача, уже готовые расправиться с ним, бросили его при первых же звуках наших выстрелов. В смертельном страхе они стремглав кинулись к морю и вскочили в лодку, куда к ним присоединись ещё три дикаря. Я повернулся к Пятнице и приказал ему стрелять в них. Он мигом понял мою мысль и, пробежав ярдов сорок, чтобы быть ближе к

беглецам, выстрелил по ним. Все они повалились на дно лодки; но двое сейчас же поднялись.

Покуда Пятница расправлялся с пятью беглецами, я вытащил нож и перерезал путы бедного пленника. Освободив его, я помог ему приподняться и спросил его по-португальски, кто он такой. Он отвечал по-латыни: «Christianus» (христианин). От слабости он еле держался на ногах и еле говорил. Я вынул из кармана бутылочку рома и поднёс ему ко рту, потом дал ему хлеба. Когда он поел, я спросил, какой он национальности, и он отвечал: «Espagniole» (испанец). Немного придя в себя, он начал самыми красноречивыми жестами изъявлять мне свою благодарность. Призвав на помощь все свои познания в испанском языке, я сказал ему:

— Сеньор, разговаривать мы будем потом, а теперь надо действовать. Если вы в силах сражаться, то вот вам сабля и пистолет: берите, и ударим по врагу. — Испанец с благодарностью принял то и другое и, почувствовав в руках оружие, словно стал другим человеком. Откуда только взялись у него силы! Как ураган налетел он на своих убийц и в мгновение ока изрубил двоих на куски.

Я держал заряженный мушкет наготове, но не

стрелял, приберегая заряд на случай крайней нужды. Я приказал Пятнице сбегать за ружьями и стал заряжать их. Пока я заряжал ружьё, между испанцем и одним из дикарей завязался ожесточённый бой. Дикарь набросился на него с огромным деревянным мечом. Мой испанец оказался великим храбрецом: несмотря на свою слабость, он дрался как лев и нанёс противнику своей саблей два страшных удара по голове, но дикарь был рослый, сильный малый; схватившись с ним врукопашную, он скоро повалил обессилевшего испанца и стал вырывать у него саблю; испанец благоразумно выпустил её, выхватил из-за пояса пистолет и уложил дикаря наповал прежде, чем я успел подбежать.

Между тем Пятница преследовал бегущих дикарей с одним только топором в руке; им он прикончил трёх человек, раненных первыми нашими выстрелами; досталось от него и остальным. Испанец тоже не терял времени даром. Взяв у меня охотничье ружьё, он пустился в погоню за двумя дикарями и ранил обоих, но так как долго бежать было ему не под силу, то оба дикаря успели скрыться в лесу. Пятница погнался за ними. Одного он убил, а за другим не мог угнаться: тот оказался проворнее. Несмотря на свои раны, он

бросился в море, пустился вплавь за лодкой с тремя своими земляками, успевшими отчалить от берега, и нагнал её. Дикарей было двадцать один человек; эти четверо были единственными, кто ушёл из наших рук.

Трое дикарей, спасшихся в лодке, работали вёслами изо всех сил, стараясь поскорее уйти из-под выстрелов. Пятница раза два или три пальнул

им вдогонку, но, кажется, не попал. Он стал меня убеждать взять одну из их лодок и пуститься за ними в погоню. Меня и самого тревожил их побег. Поэтому я согласился преследовать беглецов на море и подбежал к одной из лодок. Но каково же было моё изумление, когда, вскочив в лодку, я увидел лежавшего в ней человека, связанного по рукам и ногам и, очевидно, тоже обречённого на съедение. Он был полумёртв от страха, так как не понимал, что творится кругом, и еле дышал.

Я тотчас же перерезал стягивавшие его путы и хотел помочь ему встать. Но он не держался на ногах; он даже говорить был не в силах, а только жалобно стонал: несчастный, кажется, думал, что его развязали, чтобы вести на убой.

Когда Пятница подошёл к нам, я велел ему объяснить этому человеку, что тот свободен, и передал Пятнице бутылочку с ромом, чтоб он дал ему глоток. Радостная весть, в соединении с укрепляющим действием рома, оживила беднягу, и он сел в лодке. Но надо было видеть, что сделалось с Пятницей, когда он услышал голос и увидел лицо этого человека. Он бросился его обнимать, заплакал, засмеялся; потом стал прыгать вокруг него, затем заплясал; потом опять заплакал, замахал руками, принялся колотить себя по

голове и по лицу, — словом, вёл себя как безумный. Я долго не мог добиться от него никаких разъяснений, но когда он наконец успокоился, то сказал, что это его отец.

Теперь о преследовании бежавших дикарей нечего было и думать: они почти скрылись из виду. Таким образом, предполагаемая погоня не состоялась, и, надо заметить, к счастью для нас, так как спустя часа два, то есть прежде, чем мы успели бы проехать четверть пути, задул жестокий ветер, который бушевал потом всю ночь. Он дул с северо-запада, как раз навстречу беглецам, так что, по всей вероятности, они не могли выгрести и больше не увидели родной земли.

Но возвратимся к Пятнице. Он был так поглощён сыновними заботами, что у меня не хватило духа оторвать его от отца. Я дал ему время полностью пережить всю его радость встречи и тогда только окликнул его. Он подбежал ко мне вприпрыжку, с радостным смехом, довольный и счастливый. Я его спросил, дал ли он отцу хлеба. Он покачал головой: «Нет хлеба: подлая собака ничего не оставила, всё сама съела». И он показал на себя. Тогда я вынул из своей сумки всё, что у меня с собой было — небольшой хлебец и две или три кисти винограда. Самому же Пятнице

я предложил подкрепить свои силы остатками рома, но и ром он понёс старику. Не успел он опять войти в лодку, как вдруг ринулся куда-то сломя голову, точно за ним гналась нечистая сила. Через четверть часа он возвратился, но уже не так стремительно.

Когда Пятница подошёл ближе, я увидел, что он несёт кувшин с пресной водой, которую он притащил для отца. Он сбегал для этого домой, в нашу крепость, и прихватил ещё два хлебца. Вода оживила старика лучше всякого рома: оказалось, что он умирал от жажды.

Когда он напился, я подозвал Пятницу и велел ему дать напиться испанцу, нуждавшемуся в этом не менее его отца. Я передал ему также один хлебец из двух принесённых Пятницей. Когда он утолил жажду свежей водой и поел хлеба, я подошёл к нему и дал горсть винограду. Он поднял голову и взглянул на меня с безграничной признательностью; несмотря на отвагу, только что проявленную в стычке, он был до того истощён, что не мог стоять на ногах.

Я сказал испанцу, что мой слуга поможет ему встать и доведёт его до лодки, в которой мы доставим его в своё жилище, а там уже позаботимся о нём. Но Пятница был парень крепкий: недолго думая, он поднял его, как пёрышко, взвалил к себе на спину и понёс. Дойдя до лодки, он осторожно посадил его на дно подле своего отца. Потом вышел на берег, столкнул лодку в воду, опять вскочил в неё и взялся за вёсла. Я пошёл пешком. В сильных руках Пятницы лодка так

шибко неслась вдоль берега, что я не мог за ней поспеть. Пятница благополучно привёл её в нашу гавань и, оставив в ней обоих инвалидов, побежал за другой лодкой. И не успел я дойти до бухточки, как он уже явился туда с другой лодкой. Выскочив на берег, он стал помогать старику и испанцу выйти из лодки, но ни тот ни другой не были в силах двигаться. Бедный Пятница совсем растерялся.

Но я придумал выход из этого затруднения: на скорую руку я сколотил носилки, на которых мы с Пятницей и доставили больных к наружной стене нашей крепости. Но тут мы опять стали в тупик. Перетащить двух взрослых людей через высокую ограду нам было не под силу, а ломать ограду я ни за что не хотел. Пришлось мне снова пустить в ход свою изобретательность. Мы с Пятницей принялись за работу, и часа через два за наружной оградой, между ней и рощей, у нас красовалась чудесная парусиновая палатка, прикрытая сверху ветками от солнца и дождя. В этой палатке мы устроили две постели из рисовой соломы и четырёх одеял, по два на каждого человека.

Когда мы устроили жильё для наших гостей, надо было подумать, чем их накормить. Я тотчас

же отрядил Пятницу в наш лесной загончик с поручением привести годовалого козлёнка. Мы зарезали его, отделили заднюю часть и порубили её на мелкие куски, половина которых пошла на бульон, а половина — на жаркое. Обед стряпал Пятница. Он заправил бульон ячменём и рисом, и вышло превосходное питательное кушанье. Стряпня происходила подле рощицы, за наружной оградой (я никогда не разводил огонь внутри крепости), поэтому стол был накрыт в новой палатке. Я обедал вместе со своими гостями и всячески старался развлечь и приободрить их. Пятница служил мне толмачом, не только когда я говорил с его отцом, но даже с испанцем, так как последний довольно сносно объяснялся на языке дикарей.

Когда мы пообедали, я приказал Пятнице взять лодку и съездить за нашими ружьями; а на другой день я послал его зарыть трупы убитых. Я велел ему также закопать ужасные остатки кровавого пиршества. Пятница пунктуально исполнил всё, что я ему приказал: его стараниями были уничтожены все следы посещения дикарей.

Вскоре я начал беседовать с моими новыми подданными. Прежде всего я велел Пятнице спросить своего отца, как он относится к бегству

четырёх дикарей и не боится ли, что они могут вернуться на остров с целым полчищем своих соплеменников. Старый индеец отвечал, что, по его мнению, убежавшие дикари никоим образом не могли выгрести в такую бурю, какая бушевала в ту ночь; а если и уцелели каким-нибудь чудом, так их отнесло на юг и прибило к земле враждебного племени, где они всё равно неминуемо должны были погибнуть от рук своих врагов. Но если им и удалось благополучно добраться домой, то он полагал, что они были так напуганы нашим неожиданным нападением, грохотом и огнём выстрелов, что, наверно, рассказали своим, будто товарищи их погибли не от человеческих рук, а были убиты громом и молнией, и будто Пятница и я были двое разгневанных духов, слетевших с небес, чтобы их истребить. Старик был прав. Впоследствии я узнал, что никогда после этого дикари не пытались высадиться на моём острове. Очевидно, те четверо беглецов благополучно вернулись на родину и своими рассказами о случившемся так напугали своих земляков, что у тех сложилось убеждение, что всякий ступивший на заколдованный остров будет сожжён небесным огнём.

Но в то время я этого не знал и потому был в

постоянной тревоге, ежеминутно ожидая нашествия дикарей. И я, и моя маленькая армия были всегда готовы к бою: ведь нас теперь было четверо.

* * *

Мало-помалу, видя, что дикари не показываются, я начал забывать свои страхи и всё чаще возвращался к давнишней своей мечте о путешествии на материк.

Но после одного серьёзного разговора с испанцем я начал сомневаться, стоит ли приводить в исполнение этот план. Из этого разговора я узнал, что, хотя дикари действительно приютили у себя семнадцать человек испанцев и португальцев, спасшихся в лодке с погибшего корабля, и не обижают их, но все эти европейцы терпят крайнюю нужду в самом необходимом, нередко даже голодают. Мой гость рассказал мне, что корабль их был испанский и шёл из Рио-де-ла-Платы в Гавану, где должен был оставить свой груз, состоявший главным образом из мехов и серебра, и набрать европейских товаров. Он рассказал ещё, что по пути они подобрали пятерых матросов-португальцев с другого корабля, потерпевшего крушение, что пять человек из их корабельной

команды утонули в первые же минуты катастрофы, а остальные, промучившись несколько дней, в течение которых они не раз глядели в глаза смерти, наконец пристали к берегу каннибалов, где каждую минуту ожидали, что их съедят дикари. У них было с собой огнестрельное оружие, но они не могли им пользоваться за неимением пуль и пороха: тот запас, который они взяли с собой в лодку, почти весь был подмочен, а остаток они вскоре израсходовали, добывая себе пищу охотой. Я спросил испанца, какая, по его мнению, участь ожидает их в земле дикарей и неужели они никогда не пытались выбраться оттуда. Он отвечал, что они не раз советовались по этому поводу между собой, но всё это кончалось слезами и отчаянием, так как у них не было ни судна, ни инструментов для его постройки и никаких запасов.

Тогда я спросил, как по его мнению, согласятся ли эти люди совершить попытку бегства и для этой цели приплыть сюда, на мой остров. Я, не таясь, сказал ему, что больше всего боюсь вероломства. Было бы слишком обидно, сказал я ему, выручить людей из беды только для того, чтобы

очутиться их пленником в Новой Испании[13], откуда ещё не выходил живым и невредимым ни один англичанин. Я предпочёл бы быть съеденным дикарями, чем попасть в когти духовенства и познакомиться с тюрьмами инквизиции. И я прибавил, что если бы сюда собрались все его товарищи, то, по моему убеждению, при таком количестве рабочих рук нам ничего не стоило бы построить судно, на котором мы все могли бы добраться до Бразилии, до островов или до испанских владений к северу отсюда. Но, разумеется, если за моё добро, когда я сам вложу им в руки оружие, они обратят его против меня, если, пользуясь преимуществом, они лишат меня свободы и отвезут к своим соплеменникам, я окажусь ещё в худшем положении, чем теперь.

Испанец отвечал с большим чистосердечием, что товарищи его так бедствуют и так хорошо сознают всю безнадёжность своего положения, что он не допускает и мысли, чтоб они могли дурно поступить с человеком, который протянет им руку помощи. Он сказал, что если мне угодно, то он съездит к ним со стариком индейцем и передаст им моё предложение. Если они согласятся

[13] Примечания: 13

Новая Испания — колониальные владения испанцев в обеих частях Америки.

на мои условия, то он возьмёт с них торжественную клятву в том, что они беспрекословно будут повиноваться мне как командиру и капитану; он заставит их поклясться в своей верности мне и готовности последовать за мной в ту христианскую землю, которую я сам укажу им; он отберёт у них собственноручно подписанное ими обязательство и привезёт его мне.

Затем он сказал, что хочет сначала поклясться мне в верности сам, в том, что он не покинет меня, пока жив или пока я сам не прогоню его, и что при малейшем поползновении со стороны его соотечественников нарушить данную мне клятву он встанет на мою сторону и будет биться за меня до последней капли крови. Впрочем, он был уверен, что, если только я их спасу, они будут готовы отдать за меня жизнь.

Уверенность, с какой мой гость ручался за своих соотечественников, рассеяла мои сомнения, и я решил послать к ним для переговоров старика индейца и испанца. Но когда всё было уже готово к отплытию, сам испанец заговорил о том, что, по его мнению, нам не следует спешить с приведением в исполнение нашего плана. Он выдвинул при этом соображение настолько благоразумное и настолько свидетельствовавшее об его искрен-

ности, что я не мог не согласиться с ним.

Испанец прожил у нас около месяца и за это время успел присмотреться к моей жизни. Он видел, как я работаю. Ему было в точности известно, сколько запасено у нас риса и ячменя. Конечно, для меня с избытком хватило бы этого запаса, но уже и теперь, когда моя семья возросла до четырёх человек, его надо было расходовать с большой осторожностью. Следовательно, мы и подавно не могли рассчитывать прокормиться, когда прибавится ещё четырнадцать оставшихся в живых товарищей этого испанца. А ведь нам предстояло заготовить провиант и для путешествия, если мы построим корабль. Ввиду всех этих соображений мой испанец находил, что, прежде чем звать гостей, нам следует позаботиться об их пропитании. План его заключался в следующем. С моего разрешения, говорил он, они втроём вскопают новый участок земли и высеют всё зерно, какое я могу уделить для посева; затем мы должны будем дождаться урожая, чтобы хватило хлеба на всех его соотечественников.

Я не мог надивиться благоразумной предусмотрительности моего гостя, как не мог не порадоваться тому, что он так предан мне. Его совет был так хорош, что я принял его не колеб-

лясь. Не откладывая дела в долгий ящик, мы вчетвером принялись вскапывать новое поле. И через месяц, когда наступило время посева, у нас был большой участок возделанной земли, на котором мы посеяли двадцать два бушеля ячменя и шестнадцать мер риса. Для еды мы оставили себе в обрез на шесть месяцев.

Теперь нас было столько, что мы не боялись дикарей и свободно разгуливали по всему острову. Во время своих скитаний по острову я отметил несколько деревьев на постройку корабля и поручил Пятнице и его отцу срубить их. Я показал им доски моего изделия и предложил сделать такие же. Они натесали их около дюжины.

В то же время я старался по возможности увеличить своё стадо. Для этого двое из нас ежедневно ходили ловить диких козлят. Заприметив где-нибудь козу с сосунками, мы убивали матку, а козлят пускали в стадо. Таким образом, у нас прибавилось до двадцати голов скота. Затем нам предстояло ещё позаботиться о заготовке впрок винограда, так как он уже созревал. Мы собрали и насушили его в огромном количестве.

За всеми этими делами мы не заметили, как подошло время жатвы. Урожай был недурён — не из самых обильных, но всё же настолько велик,

что мы могли приступить к выполнению нашего замысла. Его хватило бы на прокормление до следующей жатвы всей нашей общины (считая и шестнадцать новых её членов), и с таким запасом провианта мы, разумеется, могли смело пуститься в плавание и добраться до любого из государств Америки.

Убрав и сложив хлеб, мы принялись плести большие корзины для хранения зерна. Испанец оказался большим искусником в этом деле.

Когда продовольствие для ожидаемых гостей было припасено, я разрешил испанцу ехать за ними. Я строго наказал ему не привозить никого, кто не даст в присутствии старика индейца клятвенного обещания, что он не только не сделает зла тому, кого встретит на острове, но будет защищать его и во всём подчиняться ему. Всё это следовало изложить на бумаге и скрепить собственноручными подписями всех, кто согласится на мои условия. Но, толкуя о письменном договоре, мы с моим гостем упустили из виду, что у его товарищей не было ни бумаги, ни перьев, ни чернил.

С этими инструкциями испанец и старый индеец отправились в путь на той самой лодке, на которой они приехали или, вернее, были

привезены на мой остров дикарями в качестве пленников, обречённых на съедение. Я дал обоим по мушкету, пороху и пуль приблизительно на восемь зарядов с наказом расходовать то и другое как можно экономнее.

С какой радостью я снарядил их в дорогу! За двадцать семь с лишком лет моего заточения это была с моей стороны первая серьёзная попытка вернуть себе свободу. Я снабдил своих послов запасом хлеба и изюма, достаточным для них на много дней, а для их соотечественников на неделю. Наконец наступил день отплытия. Я условился с отъезжающими, что на обратном пути они подадут сигнал, по которому я мог бы издали признать их лодку, затем пожелал им счастливой дороги, и они отчалили.

Вышли они при свежем ветре в день полнолуния в октябре месяце, по приблизительному моему расчёту, ибо, потеряв точный счёт дней и недель, я уже не мог его восстановить; я не был даже уверен, правильно ли отмечены годы в моём календаре, хотя, проверив его впоследствии, убедился, что в годах я не ошибся.

Уже с неделю ожидал я своих путешественников, как вдруг произошло непредвиденное событие.

* * *

В одно прекрасное утро, когда я ещё крепко спал в своём убежище, ко мне вбежал Пятница с громким криком: «Господин, господин! Они подходят, они подходят!» Я мигом вскочил, наскоро оделся, перелез через ограду и, не думая об опасности, выбежал в лес. Против обыкновения, я не взял с собой никакого оружия; но каково же было моё удивление, когда, взглянув в сторону моря, я увидел милях в пяти от берега лодку с треугольным парусом: она держала курс прямо

на остров и, подгоняемая попутным ветром, быстро приближалась. Шла она не от материка, а с южной стороны острова.

Сделав это открытие, я приказал Пятнице спрятаться в роще: приближались не те, кого мы ожидали, и мы не знали, враги это или друзья.

Затем я вернулся домой за подзорной трубой, чтобы лучше всё рассмотреть. Едва я поднялся на холм, как тотчас увидел корабль. Он стоял на якоре у юго-восточной оконечности острова, милях в восьми от моего жилья. Но от берега до него было не более пяти миль. Корабль был, несомненно, английский, да и лодка, как я мог теперь различить, оказалась английским баркасом.

Не могу выразить, в какое смятение повергло меня это открытие. Моя радость при виде корабля, притом английского, — радость ожидания близкой встречи с моими соотечественниками была выше всякого описания, а вместе с тем какое-то тайное предчувствие, которого я ничем не мог объяснить, предостерегало меня против них. Прежде всего мне казалось странным, что английский купеческий корабль зашёл в эти места, лежавшие в стороне от всех морских торговых путей англичан. Я знал, что его не могло пригнать бурей — за последнее время не было бурь. С какой

же целью зашёл он сюда? Лучше мне было сидеть в засаде, чем попасть в руки воров и убийц.

Вскоре лодка приблизилась к берегу. К счастью, сидевшие в ней не заметили бухточки, а причалили в другом месте, приблизительно в полумиле от неё.

Когда лодка причалила и люди вышли на берег,

я мог хорошо их рассмотреть. Это были, несомненно, англичане, по крайней мере большинство из них. Их было одиннадцать человек, причём трое из них были привезены в качестве пленников, потому что у них не было никакого оружия, и мне показалось, что у них связаны ноги: я видел, как четыре или пять человек, выскочившие на берег первыми, вытащили их из лодки. Один из пленников сильно жестикулировал, умолял о чём-то; он, видимо, был в страшном отчаянии. Двое других тоже говорили что-то, воздевая руки к небу, но были много сдержаннее.

Я был в полнейшем недоумении, не зная, чем объяснить эту сцену. Вдруг Пятница крикнул мне на своём невозможном английском языке:

— О господин! Смотри: белые люди тоже кушать человека, как дикие люди.

— С чего ты взял, Пятница, что они их съедят?

— Конечно, съедят, — отвечал он с убеждением.

— Нет, нет, ты ошибаешься, — продолжал я, — боюсь, правда, что они убьют их, но можешь быть уверен, что есть их не станут.

Не зная, что и думать, я с трепетом и ужасом ожидал, что три пленника вот-вот будут убиты. Я увидел даже, как над головой одной из жертв сверкнуло оружие — кинжал или тесак. Кровь застыла в моих жилах: я был уверен, что бедняга сейчас свалится мёртвый. Как я жалел в эту минуту, что со мной нет моего испанца и старика-индейца, отца Пятницы. Я заметил, что ни у кого из разбойников не было с собой ружей. Так хорошо было бы подкрасться к ним теперь и выстрелить по ним в упор. Но скоро мысли мои приняли иное направление.

Я увидел, что, поиздевавшись над тремя связанными пленниками, негодяи разбежались по острову, желая, вероятно, осмотреть местность. Я заметил также, что и троим пленным была предоставлена свобода идти, куда им вздумается. Но все трое сидели на земле в глубоком отчаянии. Эти трое несчастных не знали, что избавление и поддержка близки и что в тот самый момент, когда они считали себя погибшими и своё положение безнадёжным, они находились уже почти в полной безопасности.

Лодка подошла к берегу во время прилива, и, пока разбойники вели разговоры с тремя пленниками, да пока они шныряли по острову, начался отлив, и лодка очутилась на мели. В ней остались два человека, которые, как я обнаружил впоследствии, здорово напились и вскоре уснули. Когда один из них проснулся и увидел, что лодка стоит на земле, он попробовал столкнуть её в воду, но не мог. Тогда он стал окликать остальных. Они сбежались на его крики и принялись ему помогать, но песчаный грунт был так рыхл, а лодка так тяжела, что все их усилия спустить её на воду не привели ни к чему.

Тогда они, как истые моряки, — а моряки, как известно, самый легкомысленный народ в

мире, — бросили лодку и снова разбрелись по острову. Я слышал, как один из них, уходя, крикнул двоим, оставшимся в лодке:

— Джек! Том! Да бросьте вы её! Чего там возиться! Всплывёт со следующим приливом. — Это было сказано по-английски, так что не оставалось уже никаких сомнений, что эти люди — мои земляки.

Всё это время я или выходил на свой наблюдательный пост на вершине холма, или сидел, притаившись в своём замке и радуясь, что я так хорошо его укрепил. До начала прилива оставалось не менее десяти часов; к тому времени должно было стемнеть. Тогда я мог незаметно подкрасться к морякам и наблюдать за их движениями, а также подслушать, что они будут говорить.

Тем временем я начал готовиться к бою, но с большой осмотрительностью, так как знал, что теперь мне предстоит иметь дело с более опасным врагом, чем дикари. Пятнице, который сделался превосходным стрелком, я тоже приказал вооружиться. В своей мохнатой куртке из козьих шкур и такой же шапке, с обнажённой саблей у бедра и с двумя ружьями за спиной я имел поистине грозный вид.

Как уже сказано, я решил было ничего не предпринимать, пока не стемнеет. Но часа в два, когда жара стала нестерпимой, я заметил, что все моряки побрели к лесу и, вероятно, уснули там. Что же касается трёх несчастных пленников, то им было не до сна. Все трое сидели под большим деревом, не более как в четверти мили от меня.

Тут я решил показаться им и разузнать что-нибудь о их положении. Я немедленно отправился в путь в только что описанном наряде. Я подошёл к трём пленникам совсем близко и, прежде чем они успели заметить меня, громко спросил их по-испански:

— Кто вы такие, господа?

Они вздрогнули от неожиданности и обернулись на голос, но, кажется, ещё больше перепугались, увидев подходившее к ним странное существо. Ни один из них не ответил ни слова, и мне показалось, что они собираются бежать. Тогда я заговорил с ними по-английски.

— Господа, — начал я, — не пугайтесь: быть может, вы найдёте друга там, где меньше всего ожидали встретить его.

— Если так, то, значит, его посылает нам само небо, — отвечал мне торжественно один из троих, снимая передо мной шляпу.

— Однако угодно ли вам указать чужому человеку, как помочь вам, ибо вы, по-видимому, находитесь в очень незавидном положении, — сказал я. — Я видел, как вы высаживались, видел, как вы о чём-то умоляли приехавших с вами негодяев и как один из них замахнулся кинжалом. Я — англичанин и хочу вам помочь. Как видите, нас только двое, я и мой слуга, но у нас есть ружья и заряды. Говорите же прямо: чем мы можем вам служить? Что с вами произошло?

— Я капитан корабля; мой экипаж взбунтовался; едва удалось убедить этих людей не убивать меня; наконец они согласились высадить меня на этот пустынный берег с моим помощником и одним пассажиром, которых вы видите перед собой, — отвечал он. — Мы были уверены в нашей гибели, так как считали эту землю необитаемой. Да и теперь ещё мы не знаем, что нам думать о нашей встрече с вами.

— Где эти звери — ваши враги? — спросил я. — В какую сторону они пошли?

— Вон они лежат под теми деревьями, сударь. — И он указал в сторону леса. — У меня сердце замирает от страха, что они увидят вас и услышат, потому что тогда они всех нас убьют.

— Есть у них ружья? — спросил я.

— Только два, — отвечал он, — и одно из них оставлено в лодке.

— Чудесно, — сказал я, — всё остальное я беру на себя. Кажется, они крепко уснули, нам нетрудно всех их перебить, но не лучше ли взять их в плен?

На это капитан мне сказал, что между этими людьми есть два отпетых негодяя, которых едва ли было бы разумно щадить; но если отделаться от этих двоих, то остальные, он уверен, вспомнят о своём долге.

— В таком случае, — продолжал я, — прежде всего отойдём подальше, чтобы не разбудить их, и решим сообща, как нам действовать. — Все трое с полной готовностью последовали за мной, и вскоре деревья укрыли нас от глаз наших врагов.

— Слушайте, сударь, — сказал я, — я попытаюсь выручить вас, но прежде ставлю вам два условия… — Он не дал мне договорить.

— Я весь в вашей власти, — сказал он поспешно, — распоряжайтесь мною по своему усмотрению — и мной, и моим кораблём, если нам удастся отнять его у разбойников; если же нет, то даю вам слово: пока жив, я буду вашим послушным рабом, пойду всюду, куда бы вы меня ни послали, и, если понадобится, умру за вас.

Оба его товарища обещали то же самое.

Тогда я сказал:

— Если так, господа, то вот мои условия: во-первых, пока вы у меня на острове, вы не будете предъявлять никаких притязаний на власть; и, если я дам вам оружие, вы по первому моему требованию возвратите мне его, не станете злоумышлять ни против меня, ни против моих подданных на этом острове и будете подчиняться всем моим распоряжениям. Во-вторых, если нам удастся овладеть вашим кораблём, вы бесплатно доставите на нём в Англию меня и моего слугу.

Капитан заверил меня, что он исполнит эти в высшей степени разумные требования и, кроме того, во всякое время и при всех обстоятельствах будет считать себя обязанным мне своей жизнью.

— Так за дело, господа! — сказал я. — Прежде всего вот вам три ружья, вот порох и пули. По моему мнению, нам надо действовать решительно. Подкрадёмся к ним, пока они спят, и дадим по ним залп. Если же те, которые останутся живы, сдадутся, их можно будет пощадить.

На это он робко возразил, что ему не хотелось бы проливать столько крови и он предпочёл бы этого избежать, но что двое неисправимых

негодяев, поднявших мятеж на корабле, поставят нас в опасное положение, если ускользнут и вернутся на корабль, потому что приведут сюда весь экипаж и перебьют всех нас.

— Значит, тем более необходимо принять мой совет, — заметил я, — это единственное средство спастись.

Между тем, пока у нас шли эти переговоры, матросы начали просыпаться, и вскоре я увидел, что двое из них поднялись. Я спросил капитана, не это ли зачинщики бунта.

— Нет, — отвечал он.

— Так пусть уходят с миром: не будем им мешать, — сказал я. — Но если вы дадите ускользнуть остальным, это уж будет ваша вина.

Подстрекаемый этими словами, капитан схватил мушкет, заткнул за пояс пистолет и ринулся вперёд в сопровождении своих товарищей, каждый из которых тоже вооружился мушкетом. Один из проснувшихся матросов обернулся на шум их шагов и, увидев в их руках оружие, поднял тревогу. Но было уже поздно: в тот самый момент, когда он закричал, грянуло два выстрела — капитанского помощника и пассажира; сам же капитан благоразумно воздержался, приберегая свой заряд. Стрелявшие не дали промаха: один

человек был убит наповал, другой тяжело ранен. Однако раненый вскочил на ноги и стал звать на помощь. Но тут к нему подбежал капитан и прикончил его ударом приклада по голове. Оставались ещё трое, из которых один был легко ранен. Тут подошёл я. Поняв, что сопротивление бесполезно, наши противники запросили пощады. Капитан отвечал, что он готов их пощадить, если они поручатся в том, что искренне каются в своём вероломстве, и поклянутся помочь ему овладеть кораблём и отвести его обратно на Ямайку. Они стали заверять в своей искренности и обещали беспрекословно повиноваться ему. Капитан удовлетворился их обещаниями и склонен был пощадить их. Я не противился этому, но только потребовал, чтобы в течение всего пребывания на моём острове они были связаны по рукам и ногам.

Пока всё это происходило, я отрядил Пятницу и помощника капитана к баркасу с приказанием унести с него парус и вёсла. Тем временем три отсутствовавшие, к счастью для них, матроса, услыхав выстрелы, воротились. Когда они увидели, что капитан из пленника превратился в победителя, они даже не пытались сопротивляться и беспрекословно дали себя связать. Таким

образом, мы одержали полную победу.

* * *

Теперь капитану и мне оставалось только поведать друг другу наши приключения. Я начал первый и рассказал ему всю мою историю, которую он выслушал с жадным вниманием. Не было, впрочем, ничего удивительного в том, что мой рассказ так его взволновал: вся жизнь моя на острове была сплошными чудесами. Но когда от моей необычайной судьбы мысль его, естественно, перенеслась к собственной судьбе и капитану показалось, что я был сохранён здесь как бы для спасения его жизни, из глаз этого бывалого человека хлынули слёзы, и он не мог выговорить больше ни слова.

Я пригласил капитана и обоих его спутников к себе в замок, куда мы вошли моим обыкновенным путём, то есть через крышу дома. Я предложил моим гостям подкрепиться тем, что у меня было, а затем показал им своё домашнее хозяйство со всеми хитроумными приспособлениями, какие были сделаны мною за долгие годы моей одинокой жизни.

Они изумлялись всему, что я им показывал. Но капитана больше всего поразили воздвигнутые мной укрепления и то, как искусно было скрыто моё жильё в чаще деревьев. Я объяснил моим новым знакомым, что замок — главная моя резиденция, но, как у всех владетельных особ, у меня есть и другая — загородный дворец, который я тоже иногда посещаю. Я обещал им показать его в другой раз, теперь же нам следовало подумать, как освободить от разбойников корабль. Капитан согласился со мной, но прибавил, что он в полнейшем недоумении, как к этому приступить, ибо на корабле осталось ещё двадцать шесть человек экипажа. Так как все они замешаны в гнусном заговоре, то будут сопротивляться до последнего вздоха, ибо им хорошо известно, что если они нам сдадутся, то тотчас по возвращении будут повешены; по этой причине немыслимо вступать с ними в бой, имея столь неравные силы. Слова капитана заставили меня призадуматься.

Тогда я сказал, что, по-моему, нам прежде всего следует позаботиться, чтобы разбойники не могли увести обратно баркас, а для этого надо сделать его непригодным для плавания. Мы тотчас отправились к баркасу, сняли с него оружие, пороховницу, две бутылки — одну с водой, дру-

гую с ромом, мешок с сухарями, большой кусок сахару (фунтов пять или шесть), завёрнутый в парусину. Я очень обрадовался добыче, особенно водке и сахару: ни того ни другого я не пробовал уже много, много лет.

Вытащив на берег весь этот груз (вёсла, мачта, парус и руль были убраны раньше), мы пробили в дне баркаса большую дыру. Сказать по правде, я и не надеялся, что нам посчастливится захватить в свои руки корабль, но что касается баркаса, то починить его ничего не стоило, а на таком судне легко было добраться до подветренных островов, захватив по дороге наших друзей испанцев, о которых я не забыл. Когда мы общими силами оттащили баркас в такое место, куда не достигал прилив, и пробили дыру в дне, мы присели отдохнуть и решить, что нам делать дальше. В этот момент с корабля раздался пушечный выстрел, и на нём замахали флагом. Это был, очевидно, призывный сигнал для баркаса. Но баркас не трогался. Немного погодя грянул второй выстрел, потом ещё и ещё: сигналы флагом тоже не прекращались.

Наконец, когда все эти сигналы и выстрелы остались без ответа и баркас не показывался, с корабля спустили вторую шлюпку. Шлюпка

направилась к берегу, и, когда она подошла ближе, мы увидели, что в ней было не менее десяти человек, и все с ружьями.

От корабля до берега было около шести миль, так что мы имели время рассмотреть сидевших в шлюпке. Капитан всех их узнал и тут же охарактеризовал мне каждого. По его словам, между ними было три честных матроса. Он был уверен, что их вовлекли в заговор против воли, силой и угрозами; зато боцман, который, по-видимому, командовал ими, и все остальные были отъявленные мерзавцы.

— Они зашли слишком далеко, — добавил капитан, — и будут защищаться отчаянно. Боюсь, что нам не устоять против них.

Я улыбнулся и сказал: что бы ни ожидало нас в будущем, всё будет лучше нашего настоящего положения и что в предстоящей задаче меня смущает только одно.

— Что такое? — спросил он.

— Да то, что, как вы говорите, в числе этих людей есть три или четыре порядочных человека, которых следует пощадить, ибо всякий, вступивший на этот остров, будет в нашей власти и, смотря по тому, как он к нам отнесётся, умрёт или останется жить.

Моя уверенность передалась капитану, и мы принялись за дело. Как только с корабля была спущена вторая шлюпка, мы позаботились разлучить наших пленников и хорошенько запрятать их. Двоих, как самых ненадёжных, я отправил под конвоем Пятницы и капитанского помощника в свою пещеру. Это было достаточно укромное место, откуда арестантов не могли услышать и откуда им было бы нелегко убежать. Их посадили связанными, но оставили им еды и сказали, что если они будут вести себя смирно, то через день или два их освободят, но зато при первой попытке бежать убьют без всякой пощады. Они обещали терпеливо переносить своё заключение и очень благодарили за то, что их не оставили без пищи и позаботились, чтоб они не сидели впотьмах, так как Пятница дал им несколько наших самодельных свечей. Они были уверены, что Пятница остался на часах у входа.

С четырьмя остальными пленниками мы поступили мягче. Правда, двоих мы оставили пока связанными, так как капитан за них не ручался, но двух других я взял под своё начало после того, как оба они торжественно поклялись мне в верности. Итак, — считая этих двоих и капитана с двумя его товарищами, — нас было теперь семеро

хорошо вооружённых людей, и я не сомневался, что мы управимся с теми десятью, которые приближались к острову, тем более что в числе их, по словам капитана, было три или четыре честных человека.

Подойдя к острову, они причалили, вышли из шлюпки и вытащили её на берег, чему я был очень рад. Признаться, я боялся, что они из предосторожности станут на якорь, не доходя до берега, и что часть людей останется караулить шлюпку:

тогда мы не смогли бы её захватить.

Выйдя на берег, они первым делом бросились к баркасу, и легко представить себе их изумление, когда они увидели, что с него исчезли все снасти и весь груз и что в дне его зияет дыра.

Поразмыслив по поводу этого неприятного сюрприза, они принялись что было мочи окликать своих товарищей. Долго надсаживали они себе глотки, но без всякого результата. Тогда они стали в кружок и по команде дали залп из ружей. По лесу раскатилось гулкое эхо, но это нисколько им не помогло.

Матросы были так ошеломлены исчезновением своих товарищей, что решили воротиться на корабль с донесением: баркас продырявлен, а люди, вероятно, все перебиты. Мы видели, как они торопливо спустили на воду шлюпку и сели в неё.

Капитан, который до сих пор ещё надеялся, что нам удастся захватить корабль, теперь совсем пал духом. Он боялся, что когда на корабле узнают об исчезновении команды баркаса, то снимутся с якоря, и тогда прощай все его надежды. Но скоро у него явился новый повод для страха. Не успела шлюпка отдалиться от берега, как мы увидели, что она возвращается: должно

быть, посовещавшись, матросы приняли новое решение. Мы продолжали наблюдать. Шлюпка причалила к берегу, и в ней осталось три человека, остальные же семеро вышли и отправились в глубь острова.

Дело принимало невыгодный для нас оборот. Даже если бы мы захватили семерых вышедших на берег, это не принесло бы нам никакой пользы — шлюпка с тремя остальными вернулась бы назад, и корабль, несомненно, снялся бы с якоря, поднял паруса и был бы для нас потерян.

Однако нам не оставалось ничего больше, как терпеливо выжидать. Высадив семерых человек, шлюпка с тремя остальными отошла на порядочное расстояние от берега и стала на якорь. Семеро разведчиков, держась плотно друг к другу, стали подыматься на горку. Мы надеялись, что они подойдут поближе — тогда мы могли бы дать по ним залп — или, напротив, уйдут подальше и позволят нам выйти из своего убежища.

Но, добравшись до гребня холма, откуда открывался вид на всю северо-восточную часть острова, спускавшуюся к морю отлогими лесистыми долинами, они остановились и снова стали кричать и звать своих товарищей, пока не охрипли. Наконец, боясь, должно быть, удаляться от берега

и друг от друга, они уселись под деревом и стали совещаться.

Тут капитану пришла в голову весьма разумная мысль: если бы они решили ещё раз попытаться подать сигнал выстрелами своим пропавшим товарищам, мы могли бы броситься на них как раз в тот момент, когда их ружья будут разряжены. Тогда им ничего больше не останется, как сдаться, и дело обойдётся без кровопролития.

План был недурён, но его можно было привести в исполнение, только если бы мы находились достаточно близко к ним и могли наброситься на них прежде, чем ружья будут снова заряжены. Но они и не думали стрелять. Мы долго сидели в засаде. Наконец я сказал, что до наступления ночи нам нечего и думать о каких-либо действиях. Если же к тому времени эти семеро не вернутся на лодку, тогда мы в темноте незаметно проберёмся к морю, и, может быть, нам удастся заманить на берег тех, что остались в лодке.

Время тянулось нестерпимо медленно, но вдруг они встали и решительным шагом направились прямо к морю. Должно быть, страх неизвестной опасности оказался сильнее товарищеских чувств, и они решили бросить всякие поиски и воротиться на корабль. Я понял это сразу и

поделился своей догадкой с капитаном, который пришёл в совершенное отчаяние. Но тут мне внезапно пришла на ум одна уловка, которая могла заставить их воротиться.

Я приказал Пятнице и помощнику капитана направиться к западу от бухточки и, поднявшись на горку на расстоянии полумили, кричать изо всей мочи, пока их не услышат моряки, затем перебежать на другое место и снова аукать и, таким образом, постоянно меняя место, заманивать врагов всё дальше и дальше в глубь острова, пока они не заблудятся в лесу.

Матросы уже садились в лодку, когда со стороны бухточки раздался крик Пятницы и помощника капитана. Они сейчас же откликнулись и пустились бежать вдоль берега на голос, но, добежав до бухточки, принуждены были остановиться, так как было время прилива и вода в бухточке стояла очень высоко. Посоветовавшись между собой, они наконец крикнули оставшимся в шлюпке, чтобы те подъехали и перевезли их на другой берег. На это-то я и рассчитывал.

Переправившись через бухточку, они пошли дальше, прихватив с собой ещё одного человека. Таким образом, в шлюпке остались только двое. Я видел, как они отвели её в самый конец бухточки

и привязали там к небольшому пню.

* * *

Всё складывалось для нас как нельзя лучше. Предоставив Пятнице и помощнику капитана делать своё дело, я скомандовал остальному отряду следовать за мной. Мы переправились через бухточку вне поле зрения неприятеля и неожиданно выросли перед ним. Один матрос сидел в шлюпке, другой лежал на берегу и дремал. Увидев нас в трёх шагах от себя, он хотел было вскочить, но капитан бросился на него и ударил его прикладом. Затем, не давая опомниться другому матросу, он крикнул ему: «Сдавайся или умрёшь!»

Этот матрос был как раз одним из троих, про которых капитан говорил, что они примкнули к заговору не по своей охоте, а под давлением большинства. Он не только беспрекословно положил оружие по первому требованию, но вслед за тем сам заявил о своём желании, по-видимому, вполне искреннем, перейти на нашу сторону.

Тем временем Пятница с помощником капитана, крича и откликаясь на ответные крики матросов, водили их по всему острову, пока не завели в такую непроглядную глушь, откуда не было никакой возможности выбраться на берег до наступления ночи. Теперь нам оставалось только подкараулить в темноте, когда моряки будут возвращаться, и расправиться с ними наверняка.

Прошло несколько часов со времени возвращения Пятницы и его товарища. Наконец мы

услышали вдали их голоса. Мы долго ждали, пока они подойдут к лодке. За эти несколько часов начался отлив, и шлюпка, привязанная к пню, очутилась на берегу. Невозможно описать, что с ними сделалось, когда они увидели, что шлюпка стоит на мели, а люди исчезли. Мы слышали, как они проклинали свою судьбу, крича, что попали на заколдованный остров, и что они будут или убиты, или унесены нечистой силой. Несколько раз они окликали своих товарищей, но, разумеется, не получили ответа.

Мои люди упрашивали меня позволить им напасть на неприятеля, как только стемнеет. Но я предпочитал не проливать крови, если только будет хоть какая-нибудь возможность этого избежать, а главное, зная, как хорошо вооружены наши противники, я не хотел рисковать жизнью своих людей. Я решил подождать, не разойдутся ли они в стороны, и придвинул свою засаду ближе к лодке. Пятнице с капитаном я приказал ползти на четвереньках, чтобы мятежники не заметили их, и стрелять только в упор.

Недолго им пришлось припадать к земле, ибо на них почти наткнулись отделившиеся от остальных два матроса и боцман, который был главным зачинщиком бунта, но теперь совсем

пал духом. У капитана, почувствовавшего, что главный виновник всех бедствий в его власти, еле хватило терпения выждать, пока тот подойдёт ближе. Едва он приблизился, как капитан и Пятница вскочили и выстрелили. Боцман был убит наповал, другой матрос ранен в грудь навылет. Третий убежал.

Услышав выстрелы, я мгновенно двинул вперёд всю свою армию, которая насчитывала теперь восемь человек.

Мы подошли к неприятелю, когда уже совсем стемнело, чтобы нельзя было разобрать, сколько нас. Я приказал матросу, который был оставлен в лодке и незадолго перед тем добровольно присоединился к нам, окликнуть по именам своих бывших товарищей. Прежде чем стрелять, я хотел попытаться вступить с ними в переговоры и, если удастся, покончить дело миром. Мой расчёт вполне удался, что, впрочем, и понятно: в их положении им оставалось только сдаться. Итак, мой парламентёр заорал во всё горло:

— Том Смит! Том Смит!

Том Смит сейчас же откликнулся:

— Кто это? Ты, Джимми Рой? — Он, очевидно, узнал его по голосу.

— Да, да, это я. Ради бога, Том, бросай оружие и сдавайся, не то через минуту со всеми вами будет покончено.

— Да кому же сдаваться? Где они там? — прокричал опять Том Смит.

— Здесь! — откликнулся Джимми Рой. — Здесь

наш капитан и с ним пятьдесят человек. Вот уже два часа, как они гоняются за вами. Боцман убит. Уилл Фрай ранен, а я попал в плен. Если вы не сдадитесь сию же минуту, вы все погибли.

— А нас помилуют, если мы сдадимся? — спросил Том Смит.

— Сейчас я спрошу капитана, — отвечал Джимми Рой. Тут вступил в переговоры уже сам капитан.

— Эй, Смит и все вы там! — закричал он. — Вы узнаёте мой голос? Если вы немедленно положите оружие и сдадитесь, я обещаю вам пощаду — всем, кроме Уилла Аткинса.

— Капитан, ради бога, смилуйтесь надо мной! — взмолился Уилл Аткинс. — Чем я хуже других? Все мы одинаково виноваты.

Это была ложь. Однако капитан сказал ему, чтоб он сдавался без всяких условий, а там уж пусть губернатор решает, жить ему или умереть. Губернатором капитан и все они величали меня.

Словом, бунтовщики положили оружие и стали умолять о пощаде. Наш парламентёр и ещё два человека по моему приказанию связали всех, после чего моя грозная армия окружила их и завладела шлюпкой. Но сам я и Пятница не показывались пленным по государственным соображениям.

Первым нашим делом было исправить лодку и подумать о том, как захватить корабль.

Капитан — он мог теперь беспрепятственно говорить с бунтовщиками — сказал им, что их ожидает, пожалуй, виселица. Преступники каялись, по-видимому, от чистого сердца и молили только об одном — чтобы у них не отнимали жизни. На это капитан им ответил, что тут он не властен, что здесь все во власти губернатора. «Он мог бы, — сказал капитан, — если бы хотел, всех вас повесить, но он помиловал вас и, вероятно, отправит в Англию, где с вами поступят по законам. Но Уиллу Аткинсу губернатор приказал готовиться к смерти: он будет повешен завтра поутру».

Всё это капитан, разумеется, выдумал, но его выдумка произвела желаемое действие. Аткинс упал на колени, умоляя капитана ходатайствовать за него перед губернатором, остальные тоже стали униженно просить, чтобы их не отправляли в Англию.

Мне показалось, что час моего избавления настал и что теперь нетрудно будет убедить этих парней помочь нам овладеть кораблём. Один из наших людей подошёл к капитану и сказал: «Капитан, вас зовёт командующий», — на что

капитан ответил:

— Передай его превосходительству, что я сейчас явлюсь.

Это произвело надлежащее впечатление: все остались в полной уверенности, что губернатор где-то близко со своей армией в пятьдесят человек.

Когда капитан подошёл ко мне, я сообщил ему свой план овладения кораблём. Он горячо его одобрил и решил привести в исполнение на другой же день. Но, чтоб выполнить этот план, я посоветовал капитану разделить пленных. Аткинса с двумя другими закоснелыми негодяями, по моему мнению, следовало связать по рукам и ногам и засадить в пещеру, где уже сидели заключённые. Свести их туда было поручено Пятнице и двум спутникам капитана.

Они отвели этих троих пленных в мою пещеру, как в тюрьму, да она и в самом деле имела довольно мрачный вид, особенно для людей в их положении. Остальных я отправил на свою дачу. Высокая ограда делала её тоже достаточно надёжным местом заточения, тем более что узники были связаны и знали, что от их поведения зависит их участь.

* * *

На другой день поутру я послал к ним для переговоров капитана. Он должен был узнать и сообщить мне, насколько можно доверять этим людям и не рискованно ли будет взять их с собой на корабль. Он сказал им, что хотя губернатор и помиловал их в настоящее время, но, когда корабль придёт в Англию, они, несомненно, будут повешены; однако если они помогут в таком справедливом предприятии, как отвоевание у разбойников корабля, то губернатор исхлопочет для них прощение.

Нетрудно догадаться, с какой готовностью это предложение было принято людьми, уже почти отчаявшимися. Они бросились к ногам капитана и клятвенно обещали остаться верными ему до последней капли крови. «Ладно, — сказал им капитан, — всё это я передам губернатору и со своей стороны буду ходатайствовать за вас перед ним». Придя ко мне, он рассказал об их расположении духа, прибавив, что, по его искреннему убеждению, можно вполне положиться на верность этих людей.

Но для большей надёжности я предложил капитану возвратиться к матросам, выбрать из них пятерых и сказать им, что мы не нуждаемся в людях, но он оказывает им одолжение; остальных же двоих вместе с теми тремя, что сидят в пещере,

губернатор оставит у себя в качестве заложников, и если они изменят своей клятве, то все пятеро заложников будут повешены на берегу.

Итак, мы располагали теперь следующими боевыми силами:

1) капитан, его помощник и пассажир;

2) двое пленных из первой группы, которым по ручательству капитана я возвратил свободу и оружие;

3) ещё двое пленных, которых я посадил связанными на дачу и теперь освободил, опять-таки по просьбе капитана;

4) наконец, пятеро освобождённых в последнюю очередь, итого — двенадцать человек, кроме пятерых, оставленных в пещере заложниками.

Я спросил капитана, находит ли он возможным атаковать корабль наличными силами, ибо мне и Пятнице неудобно отлучаться: у нас на руках оставалось семь человек, их нужно было держать

порознь и кормить, так что дела было довольно.

Пятерых заложников, посаженных в пещеру, я решил держать строго. Раза два в день Пятница давал им еду и питьё; двоим другим пленным приносили провизию на определённое место. Этим двум заложникам я показался в сопровождении капитана. Он сказал им, что я — доверенное лицо губернатора, мне поручен надзор за военнопленными, без моего разрешения они не имеют права никуда отлучаться, и при первом же ослушании их закуют в кандалы и посадят в замок.

Теперь капитан мог без помехи приступить к снаряжению двух лодок. Он назначил командиром одной шлюпки своего пассажира и дал в его распоряжение четырёх человек; сам же со своим помощником и с пятью матросами сел в другую шлюпку. Они подошли к кораблю в полночь. Когда с корабля можно было расслышать их, капитан приказал Джимми Рою окликнуть экипаж и сказать, что они привели людей и шлюпку, но что им пришлось долго искать. Пока Джимми болтал, шлюпка причалила к борту. Капитан с помощником первые вбежали на палубу и сшибли с ног ударами прикладов второго помощника капитана и корабельного плотника. Поддерживаемые своими матросами, они взяли в плен всех,

кто находился на палубе и на шканцах, а затем стали запирать люки, чтобы задержать внизу остальных. Тем временем подоспела вторая шлюпка, приставшая к носу корабля; её команда быстро заняла люк, через который был ход в корабельную кухню, и взяла в плен трёх человек.

Очистив палубу, капитан приказал своему помощнику взять трёх матросов и взломать дверь каюты — её занимал новый капитан, избранный бунтовщиками. Подняв тревогу, тот приготовился к вооружённому отпору с двумя матросами и юнгой, так что, когда помощник капитана со своими людьми высадили дверь каюты, новый капитан и его приверженцы смело выпалили в них. Помощнику раздробило пулей руку, два матроса тоже оказались ранеными, но никто не был убит.

Помощник капитана позвал на помощь и, несмотря на свою рану, ворвался в каюту и прострелил новому капитану голову, уложив мятежника на месте. Тогда весь экипаж сдался, и больше не было пролито ни капли крови.

Когда всё было кончено, капитан приказал произвести семь пушечных выстрелов. Это был условный знак успешного окончания дела. Я продежурил на берегу до двух часов ночи, поджидая сигнала; можете судить, как я обрадовался, услышав его.

Ясно услышав все семь выстрелов, я лёг и, утомлённый волнениями дня, крепко уснул. Меня разбудил гром нового выстрела. Я мгновенно вскочил и услышал, что кто-то зовёт меня: «Губернатор! Губернатор!» Я сейчас же узнал голос капитана. Он стоял над моей крепостью, на холме. Я быстро поднялся к нему, он заключил меня в свои объятия и, указывая на корабль, промолвил:

— Мой дорогой друг и избавитель, вот ваш корабль. Он ваш со всем, что на нём есть, и со всеми нами.

Взглянув на море, я действительно увидел корабль, стоявший всего в полумиле от берега. Восстановив себя в правах командира, капитан тотчас же приказал сняться с якоря и, пользуясь попутным ветром, подошёл к моей бухточке.

Увидев корабль у порога моего дома, я от неожиданной радости чуть не лишился чувств. Пробил наконец час моего избавления. От волнения я не мог вымолвить ни слова. Если бы капитан не поддерживал меня своими сильными руками, я бы упал. Заметив моё состояние, он достал из кармана пузырёк с каким-то укрепляющим снадобьем и дал мне выпить глоток, затем осторожно посадил на землю. Он успокаивал меня, как малого

ребёнка, изливался мне в своей признательности и наговорил тысячу самых нежных и ласковых слов. Наконец моё душевное смятение разрешилось слезами, после чего способность речи вернулась ко мне. Тогда я обнял моего друга, и мы радовались вместе.

Когда мы немного успокоились, капитан сказал, что привёз мне кое-что для подкрепления из корабельных запасов, которых ещё не успели расхитить негодяи, так долго хозяйничавшие на корабле. Вслед за тем он велел матросам, сидевшим в лодке, выгрузить на берег тюки, предназначенные для губернатора. Их было столько, что могло показаться, будто я вовсе не собираюсь уезжать, а остаюсь на острове до конца моих дней.

В тюках оказалось: во-первых, целая батарея бутылок с крепкими напитками, в том числе и шесть больших бутылок мадеры, затем два фунта превосходного табаку, двенадцать огромных кусков говядины, шесть кусков свинины, мешок гороху, около ста фунтов сухарей, ящик сахару, ящик белой муки, полный мешок лимонов, две бутылки лимонного соку и ещё много разных разностей по части яств и питий. Но главное, мой друг позаботился снабдить меня одеждой, кото-

рая была мне в тысячу раз нужнее еды. Он привёз мне полдюжины новых, совершенно чистых рубах, шесть очень хороших шейных платков, две пары перчаток, шляпу, башмаки, чулки и отличный собственный костюм, почти не ношенный, — словом, одел меня с головы до ног.

Легко себе представить, как приятен был для меня этот подарок в моём тогдашнем положении. Но до чего неуклюжий был у меня вид, когда я облёкся в новый костюм, и до чего мне было неловко и неудобно в нём первое время!

Как только кончилась церемония осмотра вещей, и я велел отнести их в мою крепость, мы стали совещаться, что нам делать с пленными и не будет ли рискованно взять их с собой в плавание, особенно двоих, по аттестации капитана, неисправимых негодяев. По его словам, это были такие мерзавцы, что если бы он и решился взять их на корабль, то не иначе как закованных в кандалы, с тем чтобы отдать их в руки правосудия в первой же на нашем пути английской колонии.

Тогда я сказал ему, что, если он желает, я берусь так устроить, что эти два молодца станут сами упрашивать нас оставить их на острове.

— Пожалуйста, устройте, я буду очень рад, — отвечал мне капитан.

— Хорошо, — сказал я. — Сейчас я за ними пошлю и поговорю с ними от вашего имени.

Я приказал перевести пятерых пленников из пещеры на дачу (отнюдь не развязывая им рук). Спустя некоторое время я отправился к ним в своём новом костюме и на этот раз уже в качестве самого губернатора. Когда все собрались и капитан сел подле меня, я велел привести к себе узников и сказал им, что мне в точности известно их преступное поведение. Я сообщил им, что по моему распоряжению корабль был захвачен и приведён на рейд, их же новый капитан получил заслуженное возмездие за свою подлость. Затем я спросил у них, что они могут сказать мне в своё оправдание, так как я намерен казнить их как пиратов, на что имею полное право по занимаемой мною должности.

Один из них ответил за всех, что им нечего сказать в своё оправдание, но что капитан обещал им пощаду, и потому они смиренно умоляют меня оказать им милость — оставить их в живых.

— Право, не знаю, какую милость я вам могу оказать, — сказал я им. — Я решил покинуть этот остров со всеми моими людьми: мы уезжаем в Англию на вашем корабле. Капитан говорит, что взять вас с собой он может не иначе как закованными в кандалы, с тем чтобы по прибытии в Англию предать вас суду за бунт и измену. А вы сами знаете, что за это вам грозит виселица. Итак, едва ли мы окажем вам благодеяние, взяв вас с собой. Если хотите знать моё мнение, то я посоветовал бы вам остаться на острове, постарайтесь устроиться здесь: только при этом условии я могу помиловать вас.

Они с радостью согласились на моё предложение и очень благодарили меня. И таким образом дело было улажено. Я приказал развязать их и сказал им: «Теперь ступайте; я прикажу оставить вам несколько ружей, порох и патроны и дам необходимые указания на первое время. Вы можете очень недурно прожить здесь, если захотите».

Вернувшись домой после этих переговоров, я начал собираться в дорогу. Я попросил капитана ехать на корабль без меня и готовиться к отплытию, а поутру прислать за мной лодку.

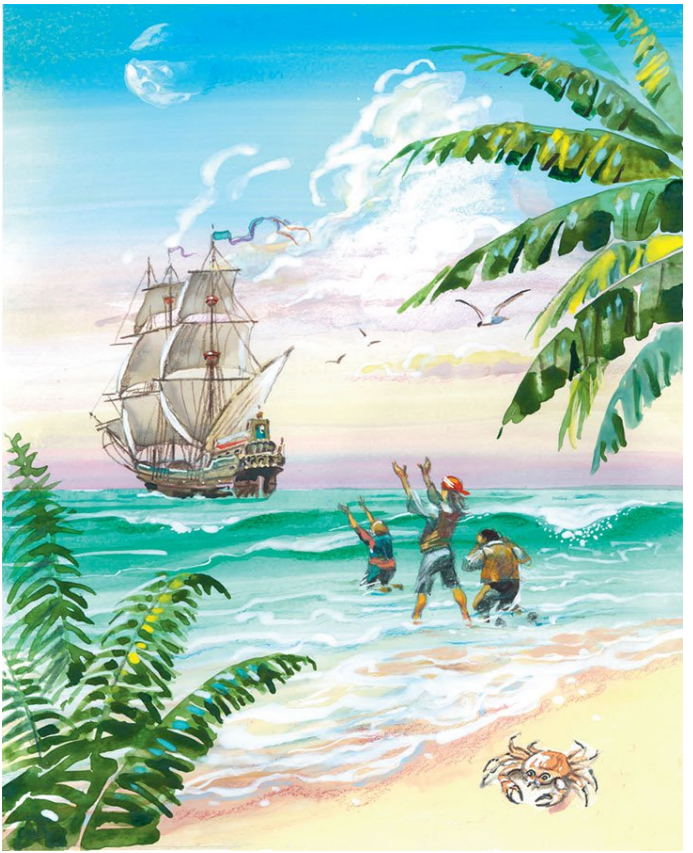
Когда капитан уехал, я велел позвать ко мне

пятерых пленников, чтобы ознакомить их с историей моей жизни на острове и тем облегчить им первые шаги. Я подробно рассказал, как попал на остров, как собирал виноград, как посеял рис и ячмень, как научился печь хлеб. Я оставил им всё своё оружие и дал подробное наставление, как ходить за козами, как их доить и откармливать, как делать масло и сыр. Я показал свои укрепления, поля и загоны — словом, сделал всё от меня зависящее для того, чтобы они могли устроиться удобно; не забыл я предупредить этих людей и о том, что в скором времени к ним могут приехать шестнадцать испанцев; я дал письмо для ожидаемых гостей и взял с них слово, что они примут вновь прибывших в свою общину на равных с собою правах.

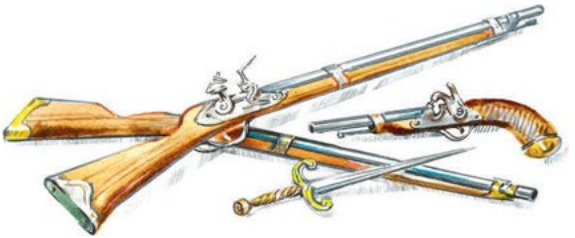
Дав эти наставления, я простился с ними на другой день и переехал на корабль. Но как мы ни спешили с отплытием, а всё-таки не успели сняться с якоря в ту ночь. На следующий день на рассвете двое из пяти изгнанников подплыли к кораблю и, горько жалуясь на трёх своих товарищей, заклинали нас взять их с собой, хотя бы потом их повесили. Заставив их дать торжественную клятву в том, что они исправятся и будут вести себя примерно, мы приняли их на

корабль.

Дождавшись прилива, капитан отправил на берег шлюпку с вещами, которые были обещаны поселенцам. К этим вещам он присоединил их сундуки с платьем. А я пообещал, что не забуду о них и, если только по пути мы встретим корабль, я непременно пошлю его за ними.



* * *



Простившись с островом, я взял с собой на память сделанную мной собственноручно шапку из козьей шкуры, мой зонтик и одного из попугаев. Не забыл я взять и деньги.

Так покинул я остров 19 декабря 1686 года, судя по корабельному календарю, пробывши на нём двадцать восемь лет, два месяца и девятнадцать дней; из этого плена я был освобождён в тот самый день месяца, в какой я некогда спасся бегством на баркасе от мавров города Сале.

После продолжительного морского путешествия я прибыл в Англию 11 июня 1687 года, пробыв в отсутствии тридцать пять лет.

В Англию я приехал для всех чужим, как будто

никогда и не бывал там. Моя благодетельница и доверенная, которой я отдал на сохранение свои деньги, была жива, но пережила большие невзгоды. Я успокоил эту добрую женщину насчёт её долга мне, уверив, что ничего не стану с неё требовать, и, напротив, в благодарность за прежние заботы помог ей, насколько это позволяли мои обстоятельства, но позволили они немногое.

Затем я поехал в Йоркшир, но отец мой умер, мать также, и весь род мой угас, за исключением двух сестёр и двоих детей одного из моих братьев; меня давно считали умершим и поэтому мне ничего не оставили из отцовского наследства. Словом, я не нашёл ни денег, ни помощи, а того, что у меня было, оказывалось слишком мало, чтобы устроиться.

Поразмыслив о своём положении, я решил съездить в Лиссабон и попытаться узнать что-нибудь о моей плантации в Бразилии и о моём компаньоне, который должен был считать меня мёртвым. С этой целью я отплыл на корабле в Лиссабон и прибыл туда в апреле; во всех этих поездках мой слуга Пятница добросовестно сопровождал меня и много раз доказывал мне свою верность.

По приезде в Лиссабон я навёл справки и, к

великому моему удовольствию, разыскал моего старого друга, капитана португальского корабля, впервые подобравшего меня в море у берегов Африки. Он состарился и не ходил больше в море, а судно передал своему сыну, который продолжал вести торговлю с Бразилией.

После горячих приветствий с обеих сторон я не преминул спросить о своей плантации и своём компаньоне. Старик сказал мне, что, когда он около девяти лет назад в последний раз уезжал из Бразилии, мой компаньон был ещё жив, но мои доверенные оба умерли. Тем не менее поставленные мной опекуны ежегодно отдавали отчёт о доходах с моей части плантации чиновнику государственного казначейства, который постановил — на случай, если я не вернусь, — конфисковать мою собственность и одну треть доходов с неё отчислять в казну, а две трети — в монастырь. Но если я сам явлюсь или пришлю кого-либо вместо себя требовать моей части, она будет мне возвращена.

Капитан рассказал мне, что мой компаньон страшно разбогател, владея лишь половиной плантации и что преемники поставленных мною опекунов хорошие, честные люди, притом очень богатые, и что они не только помогут мне всту-

пить во владение своим имуществом, но ещё и вручат мне значительную сумму денег, составившуюся из доходов с плантации.

Это несколько удивило меня, и я не без тревоги спросил капитана, как же могло случиться, что опекуны распорядились таким образом моей собственностью, когда он знал, что я составил завещание и назначил его, португальского капитана, своим единственным наследником.

Несколько дней спустя мой старый друг представил мне отчёт о ведении хозяйства на моей плантации в течение первых шести лет моего отсутствия. По расчёту старика оказывалось, что он должен мне четыреста семьдесят золотых мойдоров да ещё шестьдесят ящиков сахару и пятнадцать двойных пачек табаку, погибших вместе с его кораблём, — он потерпел крушение на обратном пути из Бразилии в Лиссабон лет одиннадцать спустя после моего отъезда.

Добряк жаловался на постигшие его несчастья и говорил, что он вынужден был израсходовать мои деньги на покрытие своих потерь и на покупку пая в новом судне.

— Но всё же, мой старый друг, — закончил он, — нуждаться вам не придётся, а когда возвратится мой сын, вы получите деньги сполна. — С этими

словами он вытащил старинный кошелёк и вручил мне сто шестьдесят португальских мойдоров золотом, а в виде обеспечения остального долга передал свои документы на владение судном.

Этого я уже не мог допустить: честность и доброта бедного старика глубоко меня растрогали. Поэтому я взял его сто мойдоров и, спросив перо и чернила, написал ему расписку в получении их, а остальные деньги отдал назад, говоря, что, если я получу обратно свою плантацию, я отдам ему и остальное, как я и сделал впоследствии.

После этого старик предложил научить меня, как предъявить свои права на плантацию. И вот меньше чем через семь месяцев я получил от наследников моих доверенных большой пакет с вложением писем и документов, содержащих подробный отчет о прибылях. А также мои доверенные посылали мне доход с плантаций за текущий год: тысячу двести ящиков сахарного песку, восемьсот пачек табаку и остальное золотом.

Ещё в пакете было письмо от моего компаньона. Он сердечно поздравлял меня с возвращением, радовался, что я жив, сообщал мне, как разрослось теперь наше имение и сколько оно даёт ежегодно. Далее мой компаньон горячо упраши-

вал меня вернуться в Бразилию и вступить во владение своей собственностью, а пока дать ему наказ, как распорядиться ею в случае, если я сам не приеду.

Итак, я неожиданно оказался обладателем более пяти тысяч фунтов стерлингов и поместья в Бразилии, приносящего свыше тысячи фунтов в год дохода. Первым делом я вознаградил своего благодетеля, доброго старика капитана. Я возвратил ему взятые у него сто мойдоров и составил доверенность, давшую ему право ежегодно получать за меня доходы с моей плантации и предоставлявшую ему право на получение из доходов ежегодной пенсии в сто мойдоров.

* * *

Теперь надо было подумать о том, куда направить свой путь и что делать с состоянием, доставшимся мне. Как мне казалось, мои интересы в Бразилии призывали меня туда, но я не мог себе представить, как же я уеду, не устроив своих дел и не оставив своего капитала в надёжных руках. Из всех моих родственников и знакомых я не находил ни одного, кому бы я решился доверить целиком своё состояние, чтобы со спокойной душой уехать в Бразилию, и это сильно трево-

жило меня.

Прошло несколько месяцев, прежде чем я пришёл к решению самому ехать в Англию и везти деньги с собой. И вот я стал собираться в путь. Устроив свои дела, продав товары и обратив деньги в надёжные бумаги, я мог спокойно двинуться в путь. Но теперь возникло другое затруднение: как ехать в Англию — сухим путём или морем? К морю я, кажется, достаточно привык, а между тем на этот раз мне до странности не хотелось ехать в Англию морем, и, хотя я ничем не мог объяснить это нежелание, оно до того разрослось во мне, что, уже отправив свой багаж на корабль, я передумал и взял его назад.

Я решил ехать всю дорогу сухим путём, а так как я не торопился и не считался с издержками, то этот путь был и самым приятным. А чтобы сделать его ещё более приятным для меня, старик капитан нашёл мне попутчика, англичанина, сына одного лиссабонского купца; кроме того, мы ещё прихватили с собой двух английских купцов и двух молодых португальцев — последние, впрочем, ехали только до Парижа; всех нас собралось шесть человек да пять слуг — купцы и португальцы для сокращения расходов брали с собой только по одному слуге на двоих. Я же взял

с собой в качестве слуги одного английского матроса да своего Пятницу, который был слишком непривычен к европейским порядкам, чтобы в дороге заменить мне слугу.

Так я наконец выехал из Лиссабона; мы запаслись всем необходимым, были хорошо вооружены и все вместе составляли маленький отряд; мои спутники почтили меня званием капитана как потому, что я был старше всех годами, так и потому, что у меня было двое слуг, да я же и затеял всё это путешествие.

Я расскажу лишь о некоторых приключениях, случившихся с нами во время этого трудного и утомительного пути.

* * *

По прибытии в Мадрид мы все, будучи в первый раз в Испании, пожелали остаться там, чтобы увидеть испанский двор и посмотреть всё, что заслуживало внимания, но, так как лето уже близилось к концу, мы поторопились с отъездом и выехали из Мадрида около половины октября.

Доехав до границы Наварры[14], мы получили тревожную весть, что на французской стороне гор выпал глубокий снег, и многие путешественники принуждены были вернуться в Памплону[15] после напрасной и крайне рискованной попытки перебраться через горы.

Добравшись до Памплоны, мы и сами убедились в этом. Для меня, прожившего почти всю жизнь в жарком климате, холод был нестерпим. Притом же было не только тягостно, но и странно: всего десять дней тому назад выехав из Старой Кастилии, где было не только что тепло, а жарко, тотчас же вслед за этим попасть под такой жестокий ледяной ветер, дувший с Пиренейских гор, что мы не могли выносить его, не говоря уже о том, что рисковали отморозить себе руки и ноги.

Бедный Пятница — тот попросту испугался, увидав горы, сплошь покрытые снегом, и ощутив холод, какого ему никогда в жизни не доводилось испытывать.

В довершение всего в Памплоне по приезде

---

[14] Примечания: 14

Нава́рра — историческая область и провинция северной Испании в Западных Пиренеях; в северной части Наварры поднимаются хребты Западных Пиренеев, покрытые густыми лесами.

[15] Примечания: 15

Памплóна — главный город Наварры.

нашем продолжал идти снег в таком изобилии и так долго, что все удивлялись необыкновенно раннему наступлению зимы.

Дороги, и прежде не очень доступные, теперь стали непроходимыми; в иных местах снег лежал такой глубокий, что ехать было немыслимо, — здесь ведь снег не затвердевает, как в северных странах, и мы на каждом шагу подвергались бы опасности быть похороненными заживо. В Памплоне мы пробыли целых двадцать дней, затем, видя, что зима на носу и улучшения погоды ожидать трудно, — эта зима во всей Европе выдалась такая суровая, какой не запомнят старожилы, — я предложил своим спутникам поехать в Фуэнтеррабию[16], а оттуда отправиться морем в Бордо, что отняло бы очень немного времени.

Но пока мы судили да рядили, в Памплону прибыли четверо французов, перебравшихся через горы с той стороны с помощью проводника; следуя по окраине Лангедока[17], он провёл их через горы дорогой, где снегу мало и он не особенно затруднял путь, а если и встречался в больших

---

[16] Примечания: 16

Фуэнтеррабия — портовый город в испанской провинции Гипускоа.

[17] Примечания: 17

Лангедок — французская провинция, расположенная между Средиземным морем, Пиренеями и реками Гаронной и Роной.

количествах, то был настолько твёрд, что по нему могли пройти и люди, и лошади.

Мы послали за этим проводником, и он обещал провести нас тою же дорогой, и переход не будет нам опасен при условии, что мы хорошо вооружимся, чтобы не бояться диких зверей: по его словам, во время обильных снегов у подножия гор нередко показываются волки. Мы сказали ему, что к встрече с этого рода зверями мы подготовлены достаточно, если только он уверен, что нам не грозит опасность со стороны двуногих волков, которых, как нам говорили, здесь больше всего следует опасаться, в особенности на французской стороне гор.

Он успокоил нас, что на этом пути такая опасность нам не грозит, и мы охотно согласились следовать за ним, равно как и другие двенадцать путешественников со своими слугами, как я уже сказал, ранее пытавшиеся перебраться через горы и вынужденные вернуться обратно.

* * *

И вот мы все 15 ноября выехали из Памплоны. Я был поражён, когда вместо того, чтобы двинуться дальше к горам, проводник повернул назад и пошёл по той самой дороге, по которой мы приехали

из Мадрида; так мы следовали миль двадцать, переправились через две реки и очутились в ровной местности, где было снова тепло и снега нигде не было видно. Но затем, неожиданно свернув налево, проводник повёл нас к горам другой дорогой, и хотя горы и пропасти внушали нам страх, проводник вёл нас такими извилистыми тропинками, что мы незаметно перевалили на ту сторону хребта, не испытав особенных затруднений от снега. И тут перед нами раскинулись плодородные провинции Лангедок и Гасконь, зелёные и цветущие, но они были ещё далеки, и чтобы добраться до них, предстояло совершить трудный путь.

Весь этот день и всю ночь шёл снег, такой сильный, что ехать было нельзя; нас это несколько смутило, но проводник успокоил нас, говоря, что скоро мы будем вне полосы снегов. Действительно, мы с каждым днём спускались всё ниже и подвигались всё дальше на север, вполне доверяясь нашему проводнику.

Часа в два до наступления ночи, в то время как проводник наш был далеко впереди и едва виден, из соседней лощины, прилегавшей к густому лесу, выскочили три волка и вслед за ними медведь. Два волка кинулись на проводника, и будь он в

полумиле от нас, они растерзали бы его раньше, чем мы бы успели подоспеть на помощь. Один набросился на его лошадь, другой напал на него самого с такой яростью, что бедный малый не имел ни времени, ни присутствия духа вытащить пистолет и только отчаянно призывал нас на помощь. Рядом со мной ехал мой Пятница; я велел ему скакать вперёд и узнать, в чём дело. Увидев, что творилось с нашим проводником, Пятница погнал свою лошадь прямо к месту схватки, выхватил пистолет и прострелил голову волку.

Это происшествие могло бы напугать и более смелого человека, чем я, и действительно, весь наш отряд всполошился, когда вслед за выстрелом до нас с двух сторон донёсся зловещий волчий вой, повторяемый горным эхом, так что, казалось, волков было множество, да, по всей вероятности, их и в самой деле было не так уж мало.

Как бы там ни было, когда Пятница убил волка, другой волк, набросившийся на лошадь, тотчас же выпустил её и убежал; к счастью, он вцепился ей в голову, ему попадались под зубы бляхи уздечки, и он не причинил ей особенного вреда. Зато человеку пришлось хуже: разъярённый зверь укусил его дважды, один раз в руку и другой —

повыше колена, и наш проводник готов был уже свалиться с лошади, когда подоспел Пятница.

Понятно, что, услыхав выстрел, мы прибавили ходу и поскакали так быстро, как только позволяла дорога, — в этом месте спуск был очень крутой. Как только мы выехали из-за деревьев, мы сразу поняли, как Пятница выручил нашего бедного проводника, хотя и не могли разглядеть, что за животное он убил.

* * *

Невозможно себе представить более необычайного и захватывающего зрелища, чем последовавшая затем схватка Пятницы с медведем. Бой между ними развеселил нас всех, хотя сначала мы и испугались за моего верного слугу. Медведь — зверь тяжёлый и неуклюжий, он не способен мчаться, как проворный и лёгкий волк; зато он обладает двумя особенностями, которые обыкновенно и сказываются на его поведении. Во-первых, он не нападает на человека, если только человек сам не нападёт на него. А коль вы испугались, самое лучшее — не останавливаться и смотреть в другую сторону, ибо если вы остановитесь и станете пристально смотреть на него, он может принять это за обиду; если же

вы чем-нибудь бросите в него и попадёте, хотя бы даже сучком не толще вашего пальца, он уж непременно обидится и оставит все другие дела, чтобы отомстить вам, — и это его первая особенность. А вторая — то, что, если он почувствовал себя обиженным, он днём и ночью будет бежать за вами крупной рысью, пока не нагонит и не отомстит за обиду.

Итак, Пятница выручил из беды нашего проводника и в ту минуту, как мы подъехали к ним, помогал ему сойти с лошади, так как бедняга совсем ослабел от испуга и ран — впрочем, он не столь пострадал, сколько испугался. Вдруг мы увидели выходящего из лесу медведя, это был зверь чудовищной величины. Мы все были поражены его появлением, но на лице Пятницы при виде медведя выразились радость и отвага.

— О! О! О! — вскричал он трижды, указывая на зверя. — О господин, позволь мне с ним поздороваться: мой тебя будет хорошо смеять!

Я удивился, не понимая, чему он так радуется.

— Глупый ты! Ведь он съест тебя!

— Есть меня! Мой его есть, мой вас будет хорошо смеять! Вы все стойте здесь, мой вам покажет смешно. — Он сел на землю, стащил с себя сапоги, надел плоские башмаки, какие носят индейцы,

лежавшие у него в кармане, отдал свою лошадь другому слуге и, изготовив ружьё, помчался, как ветер.

Медведь шёл не спеша и никого не трогал; но Пятница, подбежав к нему совсем близко, окликнул его, как будто медведь мог его понять: «Слушай! Слушай! Мой говорит тебе!» Мы следовали за Пятницей поодаль. В это время мы спускались по гасконскому склону и вступили в большой лес, где местность была ровная и довольно открытая, ибо множество деревьев было разбросано то тут, то там.

Пятница следовал за медведем по пятам и скоро поравнялся с ним, а поравнявшись, поднял с земли большой камень и запустил в него. Камень угодил зверю в голову; он отскочил от него, как от каменной стенки, но всё же Пятница добился своего — плут ведь нисколько не боялся и сделал это только для того, чтобы медведь погнался за ним и чтобы, как он выразился, «показать смешно».

Лишь только медведь почувствовал прикосновение камня и, повернувшись, увидел обидчика, он пустился вслед за Пятницей вразвалку, но такими огромными шагами, что и лошади пришлось бы удирать от него в галоп.

Пятница мчался, как ветер, прямо на нас, как

будто ища у нас защиты, и мы решили все разом стрелять в медведя, чтоб выручить моего слугу, хотя я искренне рассердился на него — зачем он погнал на нас медведя, когда тот шёл по своим делам совсем в другую сторону и не обращал на нас внимания.

— Ах ты, собака! — крикнул я. — Хорошо же ты нас насмешил! Беги скорее, вскакивай на лошадь и дай нам застрелить зверя!

Он услышал и закричал мне в ответ:

— Нет стрелять! Нет стрелять! Стоять тихо, будет очень смешно! — И бежал дальше вдвое скорее медведя. Потом внезапно свернул, припустил ещё быстрее и мигом вскарабкался на дерево, бросив ружьё на землю, шагах в шести от ствола.

Медведь вскоре добежал до дерева и первым делом остановился возле ружья, понюхал его, но не тронул и полез на дерево, как кошка, несмотря на свою чудовищную грузность. Я был поражён безрассудным поведением моего слуги и при всём желании не мог найти здесь ничего смешного, пока мы не подъехали ближе.

Подъехав к дереву, мы увидели, что Пятница забрался на тонкий конец большого сука, а медведь дошёл до половины сука, до того места, где

сук становился тоньше и гибче.

— Ого! — крикнул нам Пятница. — Теперь вы увидите: мой будет учить медведя танцевать. — И он начал подпрыгивать и раскачивать сук; медведь зашатался, но не тронулся с места и только оглядывался, как бы ему вернуться назад подобру-поздорову; при этом зрелище мы действительно смеялись от души. Но Пятнице было мало этого: увидев, что медведь стоит смирно, он стал звать его, как будто медведь понимал по-английски: — Что же ты не идёшь дальше? Пожалста, иди дальше. — И перестал трясти и качать ветку. Медведь словно понял, что ему было сказано, полез дальше; тут Пятница снова запрыгал, и медведь опять остановился.

Мы думали, что теперь-то и следует прикончить его, и крикнули Пятнице, чтоб он стоял смирно, что мы будем стрелять в медведя, но он горячо запротестовал: «О, пожалста! Пожалста, мой сам будет стрелять сичас!» Словом, Пятница так долго плясал на суку, и медведь так уморительно перебирал ногами, что мы действительно нахохотались вдоволь, но всё-таки не могли себе представить, чего, собственно, добивается отважный индеец. Сначала мы думали, что он хочет стряхнуть медведя наземь, но для этого медведь

был слишком хитёр: он не заходил настолько далеко, чтобы потерять равновесие, и крепко цеплялся за ветку своими огромными лапами и когтями, так что мы положительно недоумевали, чем кончится эта потеха.

Но Пятница скоро вывел нас из недоумения. Видя, что медведь крепко уцепился за сук и что его не заставишь идти дальше, он заговорил:

— Ну, ну, твой не идёт, мой идёт, мой идёт! Твой не хочет идти ко мне, мой хочет к себе. — С этими словами он передвинулся на тонкий конец сука, который согнулся под его тяжестью, и осторожно по ветке соскользнул на землю и побежал к своему ружью.

— Ну, Пятница, — сказал я ему, — что ты ещё затеял? Почему ты не стреляешь в него?

— Не надо стрелять! — сказал Пятница. — Теперь ещё не надо стрелять; теперь мой стрелять, мой убьёт, когда твой будет ещё смеяться. — И в самом деле, он опять рассмешил нас. Когда медведь заметил, что его враг исчез, он стал пятиться назад, но осторожно, не спеша и на каждом шагу оглядываясь, пока не добрался до ствола; затем по-прежнему задом наперёд полез вниз по дереву, цепляясь когтями и осторожно, одну за другой, передвигая ноги. Тут-то, раньше чем зверь успел

стать на землю задними ногами, Пятница подошёл к нему вплотную, вставил ему в ухо дуло своего ружья и застрелил медведя на месте.

Проказник обернулся посмотреть, смеёмся ли мы, и, видя, что мы довольны, сам захохотал во всё горло.

— Так мы убиваем медведь в наша страна! — сказал он.

— Как же вы убиваете? — спросил я. — Ведь у вас нет ружей.

— Нет, ружей нет, зато есть много, много длинные стрелы.

* * *

История с медведем нас развлекла, но всё же мы были в глухом месте, проводника нашего сильно потрепали волки, и мы не знали, что предпринять; волчий вой всё ещё отдавался в моих ушах.

Этот вой и близость ночи заставили нас поспешить, иначе мы сдались бы на просьбы Пятницы и, конечно, сняли бы шкуру с медведя: зверь был такой огромный, что дело стоило того, но нам оставалось пройти ещё около десяти миль, и проводник торопил нас; мы оставили медведя и пошли дальше.

Земля здесь была покрыта снегом, хотя не та-

ким глубоким и опасным, как в горах; мы потом узнали, что хищные звери, гонимые голодом, спустились с гор в лес и в долины в поисках пищи и натворили в деревнях много бед: пугали поселян, задрали множество овец и лошадей и даже несколько человек. Путь наш лежал через опасное место, и проводник сообщил, что мы непременно встретим волков, если в этих краях они ещё водятся; то была небольшая лощина, окружённая лесом, и узкое ущелье вело через него в селение, где мы решили заночевать.

Оставалось с полчаса до заката солнца, когда мы вошли в первый лесок, а когда вышли из него на равнину, солнце уже село. В этом первом лесу не случилось ничего особенного, если не считать того, что на небольшой прогалине мы видели пять больших волков, быстро перебежавших дорогу, один вслед за другим, словно они гнались за какой-то добычей; нас они не заметили и через несколько мгновений скрылись. Наш проводник просил нас быть настороже, полагая, что вслед за этими волками появятся и другие.

Мы ехали, озираясь и держа ружья наготове, но волков не видели, пока не выбрались из леса, тянувшегося мили полторы, на равнину. Здесь, на равнине, действительно приходилось ехать

с оглядкой: первое, что нам бросилось в глаза, была мёртвая лошадь и над нею с дюжину волков за работой — не могу сказать, за едой, потому что они уже сожрали всё мясо и теперь обгладывали кости.

Мы не сочли удобным мешать их пиршеству, да и они не обратили на нас особенного внимания. Пятнице очень хотелось выпалить в них, но я не допустил этого, находя, что у нас и без того достаточно хлопот, а может оказаться и ещё больше. Мы не дошли и до половины равнины, как вдруг слева от нас раздался ужаснейший волчий вой, и сейчас же вслед за тем мы увидали стаю волков, бегущих прямо на нас в ряд, словно регулярная армия под командой опытных офицеров. Я не знал, как их следует встретить, но подумал, что единственное средство — сомкнуться в тесный ряд; так мы и сделали. А чтобы не было больших промежутков между выстрелами, я велел стрелять через одного, а нестреляющим держать ружья наготове для второго залпа на случай, если волки не повёрнут назад после первого; тех, кому приходилось стрелять в первую очередь, я предупредил, чтоб они не заряжали ружья снова, но держали бы наготове пистолеты, ибо у всех нас было по ружью и по паре пистолетов, так

что при этой системе мы, разделившись надвое и стреляя по очереди, могли дать шесть залпов подряд. Впрочем, в этом не оказалось надобности, ибо после первого же залпа враг остановился как вкопанный, испугавшись равно и грохота, и огня; четыре волка были убиты на месте, несколько раненых повернули назад, оставив за собой на снегу кровавый след. Остальные остановились. Вспомнив, что, по рассказам, самые свирепые животные боятся человеческого голоса, я велел всей нашей компании крикнуть разом как можно громче и убедился, что в таких рассказах есть доля правды: услыхав наш крик, волки отступили и обратились в бегство. Тогда я велел дать другой залп, им вслед, — волки пустились в галоп и скрылись из виду за деревьями.

Воспользовавшись затишьем, мы стали перезаряжать ружья, а чтобы не терять времени, продолжали ехать; едва мы приготовились к новому залпу, как услыхали дикий шум в том лесу, куда направлялись.

Надвигалась ночь, и с каждой минутой становилось темнее; шум усиливался, и мы без труда могли различить в нём рычание и вой этих дьявольских созданий; неожиданно мы увидели перед собой целых три стаи волков — одну слева,

одну позади и одну впереди нас, — мы, казалось, были окружены волками; они не нападали на нас, и мы продолжали свой путь, подгоняя лошадей, насколько возможно, но дорога была ухабистой, и лошади могли бежать только крупной рысью. Так мы доехали до опушки второго леса и были крайне удивлены, увидев у просеки несметное множество волков.

Вдруг на другом конце просеки раздался выстрел; из леса выбежала лошадь, осёдланная и взнузданная: она неслась вихрем, а за нею мчались во всю прыть шестнадцать или семнадцать волков; лошадь далеко опередила их, но мы были уверены, что она не выдержит долго безумного бега и волки в конце концов нагонят её; так оно, вероятно, и вышло. В просеке, откуда выбежала лошадь, взорам нашим представилось ужасное зрелище: мы увидали трупы ещё одной лошади и двух человек, растерзанных хищными зверями. Один из них был, по всей вероятности, тот самый, который стрелял, — возле него лежало заряженное ружьё; но голова его и верхняя часть туловища были изгрызены.

Это зрелище наполнило нас ужасом, и мы не знали, куда направить путь, но волки скоро заставили нас решиться: они окружили нас в на-

дежде на новую добычу; я уверен, что их было не меньше трёхсот. На наше счастье у опушки леса, немного в стороне от дороги, лежало несколько огромных деревьев. Я повёл свой маленький отряд к этим деревьям; по моему предложению, все мы спешились и, укрывшись за одним длинным деревом, как за брустверо, образовали треугольник, поместив лошадей в середине.

И хорошо, что мы это сделали, ибо тотчас же волки напали на нас с невиданной доселе яростью. Они с рычанием бросились к нам, вскочили на бревно, служившее нам прикрытием, как будто рассчитывая на верную добычу; я думаю, ярость их ещё увеличивалась тем, что мы укрыли за собой наших лошадей, на которых они, собственно, и нацеливались. Я велел своим стрелять, как прежде, — через одного, и выстрелы их были так метки, что с первого же залпа многие волки были убиты; но этого оказалось недостаточно: необходимо было стрелять непрерывно, ибо волки лезли на нас, как черти: задние подталкивали передних.

После второго залпа нам показалось, что волки приостановились, и я надеялся, что они уйдут; но это продолжалось одно мгновение — сейчас же подоспели другие; мы дали по ним ещё два залпа

из пистолетов и, думается мне, этими четырьмя залпами убили штук семнадцать или восемнадцать да ранили вдвое, но волки продолжали наступать.

Мне не хотелось слишком поспешно тратить наши заряды, поэтому я кликнул своего слугу — не Пятницу, который был занят другой работой: он с необычайной быстротой и ловкостью успел уже зарядить снова своё и моё ружьё, — и, дав ему пороховницу, велел посыпать порохом дорожку вдоль бревна, да пошире. Он повиновался и едва успел отойти, как волки опять полезли на нас через пороховую дорожку. Тогда я, щёлкнув незаряженным пистолетом возле самого пороха[18], зажёг его, и волки, которые были на бревне, обожглись, а с полдюжины их свалились или, вернее, спрыгнули на нас, шарахнулись в сторону от огня; с этими мы живо расправились, а остальные так испугались яркого света, казавшегося ещё страшнее от густой тьмы вокруг, что немного отступили. Тут я в последний раз скомандовал стрелять всем вместе, а затем мы все разом крикнули, и волки показали нам тыл; осталось только около двадцати раненых, корчившихся на земле;

[18] Примечания: 18

Пистолеты (как и мушкеты, и ружья) были в то время кремнёвые и зажигались от искры, высекавшейся железным курком из кремня.

мы моментально кинулись на волков и принялись рубить их саблями, рассчитывая, что визг и вой этих тварей будут понятнее их товарищам, чем наши выстрелы; так оно и вышло: волки все убежали и оставили нас в покое.

Убили мы волков шестьдесят, и, будь в лесу светло, они, наверное, поплатились бы ещё дороже. Когда поле битвы было таким образом очищено, мы двинулись дальше, так как нам оставалось пройти ещё около трёх миль. По пути мы не раз ещё слышали в лесу завывания хищников и, казалось, видели, как они мелькали между деревьями, но снег слепил нам глаза, и разглядеть хорошенько мы не могли. Через час или около того мы добрались до городка, где решили заночевать, и нашли там всех вооружёнными и в страшном переполохе; оказалось, что накануне ночью волки и несколько медведей ворвались в городок и страшно перепугали всех жителей, так что теперь они были вынуждены сторожить день и ночь, оберегая свой скот, да и самих себя.

* * *

На следующее утро нашему проводнику стало так худо, рука и нога у него так распухли от укусов волка, что он был не в состоянии ехать дальше,

и нам пришлось взять другого. С этим новым проводником мы доехали до Тулузы, где климат тёплый, местность красивая и плодородная и нет ни снега, ни волков. Когда мы рассказали в Тулузе наши дорожные приключения, нам сообщили, что встреча с волками в большом лесу у подножия гор, в особенности в такую пору, дело самое обыкновенное, и немало любопытствовали, что же то был за проводник, который решился повести нас такой дорогой в это суровое время года, и считали чудом, что волки не растерзали нас всех.

Наш рассказ о том, как мы бились с волками, прикрывая собой лошадей, вызвал общее порицание; все говорили, что при таких условиях было пятьдесят шансов против одного, что мы все будем растерзаны волками, так как их разъярил именно вид лошадей — их лакомой пищи. Обыкновенно они пугаются первого же выстрела, но тут, будучи страшно голодны и оттого свирепы и ещё видя перед собой так близко лошадей, они забыли об опасности. Но если бы мы не спешились и стреляли, не сходя с лошадей, волки не рассвирепели бы так, ибо, когда они видят на лошади человека, они не смеют считать её своей собственностью, как в тех случаях, когда лошадь

бывает одна. Нам говорили ещё, что, если бы мы бросили лошадей на произвол судьбы, волки накинулись бы на них с такой жадностью, что мы успели бы за это время благополучно уйти, тем более что нас было много и все мы имели огнестрельное оружие.

О своём путешествии по Франции я не могу сообщить ничего особенного — ничего, кроме того, о чём уже рассказывали другие путешественники, и притом гораздо интереснее, чем я. Из Тулузы я приехал в Париж, потом, не останавливаясь там долго, дальше, в Кале, и благополучно высадился в Дувре 14 января, совершив своё путешествие в самую суровую и холодную пору года.

Теперь я был у цели и скоро вступил во владение всем своим недавно приобретённым богатством, ибо по квитанциям, привезённым мною с собой, мне уплатили здесь без всяких промедлений.

Моей главной руководительницей и советчицей была здесь добрая старушка, вдова капитана. Она была весьма благодарна мне за присылку денег и не жалела для меня ни трудов, ни забот, а я ей во всём доверял и ни разу не имел повода раскаяться в этом.

Я уже стал подумывать о том, не поручить ли

мне ей свои товары и деньги и не отправиться ли обратно в Лиссабон и затем в Бразилию, но всё же решил остаться дома и, если представится возможность, продать свою плантацию.

О последнем я написал в Лиссабон своему старому другу, и тот ответил мне, что продать её — дело нетрудное, но, если я дам ему разрешение действовать от моего имени, он находит более выгодным предложить мою часть имения двум купцам, управлявшим ею теперь вместо прежних опекунов, — людям очень богатым, живущим в Бразилии и знающим настоящую цену моей плантации. Капитан не сомневался, что они охотно купят мою часть и дадут за неё на четыре-пять тысяч больше всякого другого покупателя.

Я признал его доводы вполне убедительными и поручил ему сделать это предложение, а через восемь месяцев вернувшийся из Португалии корабль привёз мне письмо, в котором мой старый друг сообщал, что купцы приняли предложение и поручили своему поверенному в Лиссабоне уплатить мне тридцать три тысячи золотых. Я подписал составленный по всей форме акт о продаже, присланный мне из Лиссабона, и отправил его назад старику, а тот прислал мне чеки на тридцать три тысячи. Помимо этой единовре-

менно уплаченной суммы, покупатели обязались ещё выплачивать капитану по сто мойдоров ежегодно.

Так завершился первый период моей жизни, полной случайностей и приключений, похожей на мозаику, подобранную самим провидением, столь пёструю, какая редко встречается в этом мире.

* * *

Читатель подумает, что, достигнув такого благополучия, я уже не стал подвергать себя игре случая; так оно и было бы, если бы обстоятельства пришли мне на помощь, но я привык к бродячей жизни, и у меня не было ни семьи, ни многочисленной родни и даже, несмотря на моё богатство, обширных знакомств. А потому, хоть я и продал своё поместье в Бразилии, я никак не мог выкинуть из головы этой страны, и меня сильно тянуло опять пространствовать по свету, в особенности побывать на своём островке и посмотреть, живут ли там ещё бедные испанцы и как обходятся с ними оставленные мною негодяи-матросы.

Мой истинный друг, вдова капитана, очень меня отговаривала от этого и умела так повлиять

на меня, что я почти семь лет прожил безвыездно в Англии. За это время я взял на своё попечение двух племянников. Старшего я воспитал как дворянина и в своей духовной завещал ему известную сумму. Другого я готовил в моряки: через пять лет я снарядил для него хорошее судно и отправил в море; этот самый юноша впоследствии увлёк меня, уже старика, в дальнейшие приключения.

Тем временем я сам до некоторой степени обжился в Англии, так как прежде всего женился — небезвыгодно и вполне удачно во всех отношениях, и от этого брака у меня было трое детей — два сына и одна дочь. Но когда жена моя умерла, а племянник мой с хорошей прибылью возвратился из путешествия в Испанию, склонность моя к скитаниям в чужих краях и его докучливые приставания превозмогли всё; он уговорил меня отправиться с ним на корабле в Ост-Индию в качестве купца, имеющего собственный товар. Это случилось в 1694 году.

Во время этого плавания я посетил свою новую колонию на острове, виделся там с моими преемниками — испанцами и узнал всю историю их жизни и жизни тех негодяев, которых я там оставил. Мне рассказали, как сначала они при-

тесняли бедных испанцев, как они враждовали и затем снова мирились с ними, объединялись и вновь расходились, как испанцы в конце концов вынуждены были прибегнуть к насильственным мерам, как подчинили их себе и как справедливо они обращались с этими негодяями. Эта история была полна столь разнообразных и чудесных приключений, сколь и моя собственная, в особенности в той своей части, где шла речь о сражениях их с караибами, в разное время появлявшимися на острове, а также о всяческих улучшениях, произведённых ими на острове. Тут я узнал также, как пятеро поселенцев совершили нападение на соседний материк и захватили в плен одиннадцать мужчин и пять женщин, от которых к моему прибытию на остров родилось около двадцати малышей.

Я пробыл на острове дней двадцать. Снабдив поселенцев всем необходимым, особенно оружием, порохом, пулями, одеждой, инструментами, я оставил там также двух привезённых мною из Англии работников, а именно: плотника и кузнеца.

Кроме того, считая весь этот остров своей неотъемлемой собственностью, я разбил его землю на участки и поделил их между поселенцами сооб-

разно их желаниям. Устроив всё таким образом, я убедил поселенцев не покидать остров и уехал.

Прибыв в Бразилию, я купил там и отправил поселенцам парусное судно, гружённое различными необходимыми для них вещами. Кроме того, я послал на остров семь женщин, которые могли бы там поступить в услужение или стать жёнами тех, кто захотел бы на них жениться. Что же касается оставшихся на острове англичан, то они сделались честными и трудолюбивыми работниками после того, как их принудили к подчинению и выделили участки в их владение. Я отправил также из Бразилии пять коров, из которых три должны были отелиться, несколько овец и свиней.

Дальнейшие истории о том, как триста караибов, явившись на остров, напали на поселенцев и разорили их плантации, как поселенцы дважды сражались с полчищем дикарей и потерпели сначала поражение, потеряв в схватке одного человека, но затем — после бури, уничтожившей неприятельские пироги, — перебили и уморили голодом всех остальных врагов; как поселенцы вернули себе свои плантации и поныне живут на острове, — всё это вместе с описанием поистине удивительных происшествий и некоторых новых

приключений из моей собственной жизни последующих десяти лет, может быть, будет потом рассказано мною особо.

Об авторе

Даниель Дефо (1660–1731) — английский писа-

тель и публицист, автор более 500 книг и статей самой разной тематики.

Потомок фламандских предпринимателей, сын лондонского мясника, Даниель Дефо получил духовное образование, но отказался принимать священный сан и занялся торговлей. Без сомнения, его коммерческий опыт позже нашёл своё отражение на страницах его знаменитого романа.

Бурная история Англии второй половины XVII века с её революциями, переворотами и гражданскими войнами колесом прокатилась по судьбе писателя. Он участвовал в восстаниях и сражениях, писал сатирические статьи и памфлеты. Увы, яркий литературный талант и острый язык сослужили ему плохую службу.

За откровенное вольнодумство Даниель Дефо был приговорён к штрафу, тюремному заключению и к троекратному стоянию у позорного столба. В Ньюгейтской тюрьме он написал «Гимн позорному столбу», и восторженные почитатели его творчества усыпали путь узника к этому столбу цветами и устроили овацию.

После освобождения из заключения, уже в зрелом возрасте, Даниель Дефо написал свой первый роман: «Жизнь и удивительные приключения

Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб; с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим». Эта книга принесла ему мировую славу и стала вершиной его творчества. Позже Дефо написал ещё два романа о Робинзоне: «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» и «Серьёзные размышления Робинзона Крузо». Однако они не получили такой оглушительной известности даже в России, несмотря на то что в одном из романов автор отправил главного героя путешествовать по Сибири.

В истории мировой литературы Даниель Дефо остался именно как автор «Жизни и удивительных приключений Робинзона Крузо» — великолепного произведения, утверждающего несокрушимость человеческого духа и разума.

О художнике

Владимир Михайлович Канивец (р. 1957 г.) — профессиональный художник-график и иллюстратор из Санкт-Петербурга. Читателям хорошо

известны его работы к произведениям детской мировой классики. Владимир Михайлович создал иллюстрации к стихам и сказкам Корнея Чуковского, стихотворениям Владимира Маяковского, рассказам Виктора Драгунского и Николая Носова, сказкам и рассказам Джанни Родари, сказкам Редьярда Киплинга и многим другим книгам. С творчеством художника хорошо знакомы более 4,5 миллиона юных читателей в нашей стране, и с каждой новой книгой их становится всё больше.

Безусловными бестселлерами стали оформленные Владимиром Михайловичем сборники стихотворений о природе А. С. Пушкина, С. А. Есенина, А. А. Фета, Ф. А. Тютчева. Безупречно воплощая описания авторов, художник словно заглядывает вам в душу и угадывает образ, возникающий в вашем сознании при чтении стихов. Пейзажи Владимира Канивца побуждают читателей по-новому увидеть и оценить красоту и величие русской природы, родной страны.

Работая над серией книг А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города», Владимир Канивец сохранил традиционные мотивы, заложенные выдающимися мастерами Н. Радловым и Л. Владимирским, но при этом создал яркие, вы-

разительные, запоминающиеся образы, точно передающие характеры известных героев, и открыл читателям удивительную и прекрасную Волшебную страну с её самыми загадочными и неповторимыми уголками: от диких пустынь до Подземного царства.

Работы, созданные мастером к произведениям «Сказание о Кише», «Белый клык», «Зов предков», «Сердца трёх» Джека Лондона; «Гризли» и «Бродяги Севера» Джеймса Кервуда; «Рассказы о животных» Эрнеста Сетон-Томпсона, вызывают неизменное восхищение читателей. Словно наяву встают перед нами великое белое безмолвие Севера, неприступные скалы и девственные дебри, бушуют лесные пожары и проливаются живительные ливни… Завораживающие пейзажи, сменяя друг друга на страницах книги, создают ощущение экскурсии по залам художественного музея.

Высокий профессионализм и требовательное отношение к своей работе сделали Владимира Михайловича Канивца одним из самых известных современных художников-иллюстраторов. Читатели уверены: книга, над которой работал Владимир Канивец, — безусловно, самый лучший подарок из всех возможных.